

**ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

2026, Том 5, №4

Подписано к публикации: 12.08.2026

**Главный редактор
журнала:**
доктор юридических наук,
профессор

**Шадже Азамат
Мухамчериевич**

«Вестник юридических исследований» включен в перечень ВАК с 01.10.2024 г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., Elibrary.ru.

Регистрационный номер СМИ:
Эл № ФС77-86922 выдан 4 марта 2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 3034-140X (online)

Е-mail: blr-journal@yandex.ru
Сайт: <https://blr-journal.ru>

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Корнилов Геннадий Александрович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Виктор Юрьевич (РФ, г. Ростов на Дону) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орел) – доктор юридических наук, доцент
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб кызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Прошин Владимир Михайлович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Рустамов Хасплат Умалатович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор РФ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б.

Политическая идентичность молодёжи в современном российском обществе:
факторы формирования и динамика изменений 5-10

Зарицкий-Музыкас М.М.

Специфика участия русских евреев в политике государства Израиль 11-18

Шакалов И.И.

Институт почетного консульства в Российской Федерации: правовые основы, мировые
практики и потенциал народной дипломатии в условиях
геополитических вызовов (2022-2026) 19-25

Герман Р.Э.

Политические взгляды А.М. Горчакова: внутривластное и внешнеполитическое
измерения дипломатического наследия канцлера Российской Империи 26-31

Мурашова-Росс А.В.

Эффективность государственного управления в сфере экологической безопасности:
механизмы, проблемы и направления совершенствования 32-44

Суров М.Ю.

Цифровой патернализм в системе проактивных государственных услуг: методика
ОРТ-оценки и эмпирические данные регионов (г. Москва,
Республика Татарстан, 2020-2025 гг.) 45-52

Арчаков М.К.

Идеологические установки праворадикальных организаций
и их реализация в современной Румынии 53-58

Арканникова М.С., Мисюра Д.В.

Эволюция концепта «государственный суверенитет» в условиях нового
миропорядка: анализ теоретико-методологических подходов 59-67

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Середа С.П.

Конституционный строй как комплексный объект уголовно-правовой охраны:
вопросы структуры, иерархии и публично-правовой природы 68-74

Климова А.Н., Клепикова О.Г.

Конституционно-правовые пределы участия государства в выборе
арбитражного управляющего в деле о банкротстве гражданина 75-81

Шатверян Н.Г., Горбань А.А.

Досрочный выход на пенсию по выслуге лет медицинских
работников в Российской Федерации 82-86

Матвеева А.Д.

Правовые основы статуса сотрудника органов внутренних дел СССР
в годы Великой Отечественной войны 87-93

Дадашева М.Дж., Гаджиева С.М.

Институт конституционных (уставных) советов в субъектах Российской Федерации:
комплексный анализ проблем правового регулирования, организации
деятельности и перспектив развития

94-99

Гань Лу

Исследование культурных основ современного китайского дипломатического дискурса

100-105

Жуковский В.И., Довголюк Н.В.

Особенности политической системы современной России

106-110

Горбунов М.Д.

Позитивизм и либеральные демократии: взгляд из аналитической доктрины

111-116

Билык К.В.

Зарубежный конституционный опыт формализации воспитания личности

117-121

Дарда А.В.

Влияние искусственного интеллекта на правосознание и правовую культуру

122-129

Кучинская А.Д., Литвинова С.Ф.

Презумпции международного частного права

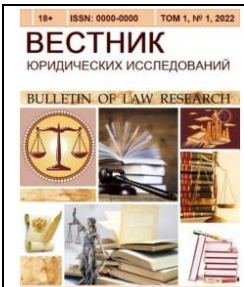
130-136

Ковалева В.В.

Аксиологический аспект исследования права в России: проблемы и перспективы

137-144

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

	Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research» https://blr-journal.ru 2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 https://blr-journal.ru/archives/category/publications Научная статья / Original article УДК 316.346 DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-5-10
--	--

Политическая идентичность молодёжи в современном российском обществе: факторы формирования и динамика изменений

¹ Ибрагимов М.А., ¹ Магомедов Г.Б.,

¹ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: статья посвящена исследованию политической идентичности молодёжи как многоуровневого социально-политического феномена в условиях современного российского общества. Цель работы состоит в выявлении ключевых факторов, определяющих формирование политической идентичности молодых граждан России в возрасте от 18 до 35 лет, а также в анализе динамики её изменений в период с 2020 по 2025 год. В статье рассмотрены институциональные, социокультурные, коммуникативные и индивидуально-психологические детерминанты политической идентификации молодёжи. Особое внимание уделяется роли цифровой среды и социальных сетей как нового пространства политической социализации. На основе сравнительного анализа социологических данных и теоретических концепций отечественных и зарубежных авторов сформулированы выводы о характере трансформации политических идентичностей молодого поколения, обозначены практические рекомендации для государственных институтов, занимающихся молодёжной политикой.

Ключевые слова: политическая идентичность, молодёжь, политическая социализация, гражданская идентичность, цифровая среда, политическое участие, российское общество, ценностные ориентации, политическая культура, идентификация

Для цитирования: Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б. Политическая идентичность молодёжи в современном российском обществе: факторы формирования и динамика изменений // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 5 – 10. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-5-10

Поступила в редакцию: 2 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

The political identity of youth in modern Russian society: factors of formation and dynamics of changes

¹ Ibragimov M.A., ¹ Magomedov G.B.,

¹ North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: the article is devoted to the study of youth political identity as a multi-level socio-political phenomenon in modern Russian society. The purpose of the work is to identify the key factors determining the formation of political identity of young Russian citizens aged 18 to 35 years, as well as to analyze the dynamics of its changes in the period from 2020 to 2025. The article examines institutional, sociocultural, communicative and individual psy-

chological determinants of youth political identification. Special attention is paid to the role of the digital environment and social networks as a new space of political socialization. Based on a comparative analysis of sociological data and theoretical concepts of Russian and foreign authors, conclusions are drawn about the nature of transformation of political identities of the younger generation, and practical recommendations are formulated for state institutions engaged in youth policy.

Keywords: political identity, youth, political socialization, civic identity, digital environment, political participation, Russian society, value orientations, political culture, identification

For citation: Ibragimov M.A., Magomedov G.B. The political identity of youth in modern Russian society: factors of formation and dynamics of changes. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 5 – 10. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-5-10

The article was submitted: June 2, 2026; Approved after reviewing: July 1, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Политическая идентичность молодёжи представляет собой один из наиболее актуальных предметов исследования в современной политической науке и социологии. В условиях нарастающей социальной неопределённости, цифровой трансформации общества и глубоких изменений в системе ценностей вопрос о том, как молодые граждане соотносят себя с политическими институтами, идеологиями, нацией и государством, приобретает не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. Именно молодёжь, как наиболее мобильная и восприимчивая к изменениям социальная группа, выступает своеобразным индикатором состояния политической системы и предвестником её будущих трансформаций.

Актуальность темы обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет формируют сегодня значительную часть электорального потенциала страны, их политические предпочтения и степень гражданской вовлечённости непосредственно влияют на легитимность власти и устойчивость политических институтов. Во-вторых, современная российская молодёжь является первым поколением, для которого цифровая коммуникация стала не вспомогательным, а основным каналом получения политической информации и формирования политических взглядов. В-третьих, период с 2020 по 2025 год ознаменовался целым рядом событий – пандемией COVID-19, масштабными изменениями в законодательной и конституционной сфере, ростом международной напряжённости, – которые не могли не оказать воздействия на процессы политической идентификации молодёжи.

Научная проблема настоящего исследования состоит в неполноте теоретических моделей, объясняющих специфику политической идентификации молодёжи в условиях постиндустриального общества с учётом российских социокультурных особенностей.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу статьи составил комплекс взаимодополняющих подходов. Системный подход позволил рассмотреть политическую идентичность молодёжи как целостное явление, детерминированное множеством взаимосвязанных факторов внутренней и внешней среды. Конструктивистский подход, восходящий к работам Б. Андерсона и развитый в отечественной политической науке, дал возможность интерпретировать политическую идентичность как социально конструируемый феномен, формируемый через дискурс, нарратив и символическое взаимодействие. Компаративный метод использовался при сопоставлении результатов российских и зарубежных социологических исследований.

Эмпирическую базу исследования составили данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) за 2020-2025 годы, аналитические доклады Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь), результаты крупных академических опросов, проведённых в рамках научных проектов Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Российского научного фонда (РНФ). Были задействованы также вторичные данные международных исследовательских организаций – Eurobarometer и World Values Survey (волна 2020-2022 годов). Применялись методы вторичного анализа данных, контент-анализ политических нарративов в цифровой среде и систематический обзор научной литературы.

Результаты и обсуждения

Концептуализация политической идентичности молодёжи. В научной литературе понятие «политическая идентичность» трактуется неоднозначно. В широком смысле оно охватывает совокупность устойчивых представлений индивида о своей принадлежности к политическому сообществу, разделяемых им политических ценностях и ориентациях. Ряд отечественных исследователей предлагает разграничивать политическую идентичность как когнитивный конструкт (осознание принадлежности к группе), аффективный компонент (эмоциональная привязанность к политическому сообществу) и поведенческий аспект (готовность к политическому действию) [5]. Применительно к молодёжи как специфической социально-демографической группе особую роль в структуре политической идентичности играет поиск самоопределения, характерный для этапа социальной зрелости [8].

В зарубежной науке последних лет значительное внимание уделяется концепции «жидкой» идентичности (liquid identity), предполагающей нарастающую нестабильность и ситуационность политических самоопределений молодых людей в эпоху позднего модерна [11]. Данный подход перекликается с идеями Э. Эриксона об идентификационном кризисе и находит своё подтверждение в российских реалиях, где молодёжь демонстрирует высокую амбивалентность политических установок.

Институциональные факторы формирования политической идентичности. Анализ институциональной среды показывает, что государство по-прежнему остаётся ключевым агентом политической социализации молодёжи. Система образования, молодёжные организации, военно-патриотические движения и публичные церемониальные практики формируют у молодых граждан базовые политические представления. По данным опросов, проведённых в 2021-2025 годах, около 58% российской молодёжи считают себя патриотами, при этом интерпретация патриотизма существенно варьируется в зависимости от региона, уровня образования и социального положения [7]. Исследования свидетельствуют о том, что молодые люди с более высоким уровнем образования склонны к критическому осмыслению государственных нарративов и демонстрируют более сложные, многоуровневые формы политической идентификации [3].

Особую роль в формировании политической идентичности играют механизмы молодёжной политики. Программы поддержки молодёжного предпринимательства, волонтерства и гражданских инициатив создают институциональные основания для включения молодёжи в политическое пространство [10]. Вместе с тем ряд авторов указывает на сохраняющуюся дистанцированность молодёжи от формальных политических структур и партийных институтов [13].

Социокультурные детерминанты политической идентификации. Социокультурные факторы оказывают глубокое воздействие на политическую идентичность молодёжи. Исследования последних лет фиксируют усиление запроса на национально-культурную идентичность при одновременном ослаблении идеологических предпочтений [4]. В условиях ценностных сдвигов молодёжь формирует политическую идентичность преимущественно через призму культурных и этнических маркеров, а не партийно-идеологических координат. Семья остаётся важнейшим агентом первичной политической социализации: политические взгляды родителей в значительной мере воспроизводятся в установках детей, хотя степень этой трансляции снижается по мере роста информационной автономии молодёжи [2].

Региональная дифференциация является ещё одним существенным социокультурным фактором. Молодёжь мегаполисов – прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга – демонстрирует принципиально иную конфигурацию политических идентичностей по сравнению с молодыми людьми, проживающими в малых городах и сельской местности [15]. В столичных регионах значительно выше запрос на политическую конкурентность, гражданские свободы и участие в принятии решений.

Цифровая среда как пространство политической идентификации. Цифровая трансформация коммуникационного пространства стала одним из наиболее значимых факторов изменения политической идентичности молодёжи в последнее десятилетие. Социальные сети, мессенджеры и видеоплатформы не только изменили каналы политической информации, но и сформировали новые механизмы идентификации через принадлежность к цифровым сообществам [1]. Алгоритмы персонализации контента создают «информационные пузыри», усиливающие поляризацию политических взглядов и затрудняющие формирование интегрирующей гражданской идентичности [6]. При этом онлайн-пространство предоставляет молодёжи доступ к альтернативным политическим нарративам и стимулирует рефлексию над собственными политическими позициями [12].

Исследования 2022-2025 годов фиксируют парадоксальную тенденцию: несмотря на высокую активность молодёжи в цифровом политическом пространстве, уровень традиционного политического участия – посещение митингов, членство в партиях, участие в выборах – остаётся относительно низким [14]. Это сви-

детельствует о формировании нового типа «дигитальной идентичности», при которой онлайн-выражение политических взглядов замещает офлайн-активизм [9].

Динамика политической идентичности в 2020-2025 годах. Период пандемии COVID-19 (2020-2021) обнаружил противоречивое воздействие кризисных условий на политическую идентичность молодёжи. С одной стороны, в условиях общей угрозы наблюдался временный рост консолидирующей национально-государственной идентичности. С другой стороны, социально-экономические последствия пандемии – рост безработицы, снижение доходов, ограничение образовательных возможностей – усилили критическое отношение части молодёжи к государственным институтам [16]. Данные исследований фиксируют, что в 2020–2025 годах произошло заметное смещение политических идентичностей молодёжи в сторону прагматических ценностей – социальной стабильности, экономического благополучия и личной безопасности – при относительном снижении значимости идеологических координат.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы.

Политическая идентичность российской молодёжи представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, формируемый под воздействием институциональных, социокультурных, коммуникативных и индивидуально-психологических факторов. Ни один из этих факторов не обладает абсолютным детерминирующим влиянием; их взаимодействие носит динамический и контекстуально зависимый характер.

Цифровая среда превратилась в самостоятельное и всё более значимое пространство политической социализации молодёжи, конкурирующее по своему воздействию с традиционными институтами – семьёй, школой, государственными молодёжными структурами. При этом цифровая коммуникация одновременно расширяет возможности политической идентификации и создаёт риски фрагментации и поляризации политических взглядов.

Период 2020-2025 годов ознаменовался трансформацией ценностных оснований политической идентичности молодёжи в сторону прагматизма и ситуационности, что требует переосмысления традиционных подходов к молодёжной политике.

На основании полученных результатов представляется возможным сформулировать практические рекомендации. Государственным институтам, ответственным за реализацию молодёжной политики, целесообразно: разработать комплексные программы цифрового гражданского просвещения, направленные на развитие критического политического мышления; расширить механизмы вовлечения молодёжи в реальные процессы принятия решений на муниципальном и региональном уровнях, поскольку именно такое участие формирует устойчивую гражданскую идентичность; учитывать значительную региональную дифференциацию политических идентичностей молодёжи при разработке федеральных программ; наладить систематический мониторинг политических ориентаций молодёжи с использованием современных методологических инструментов, включая анализ больших данных цифровых платформ.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым изучением механизмов формирования политической идентичности в различных социальных группах молодёжи, а также с разработкой интегративной теоретической модели, учитывающей специфику российского социокультурного контекста.

Список источников

1. Абрамов Р.Н. Цифровые практики политического участия молодёжи в условиях трансформации медиапространства // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 87 – 98.
2. Варламова С.Н. Семья как агент политической социализации молодёжи в современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 112 – 130.
3. Горшков М.К. Молодёжь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
4. Дробижева Л.М. Национально-гражданская идентичность молодёжи в условиях этнокультурного многообразия России // Вопросы национализма. 2021. № 2. С. 45 – 63.
5. Зубок Ю.А. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 164 – 185.
6. Иванова Т.В. Информационные пузыри и поляризация политических взглядов молодёжи в социальных сетях // Политические исследования. 2023. № 1. С. 74 – 89.
7. Карпова Н.В. Патриотизм в ценностной системе российской молодёжи: социологический анализ // Социология. 2022. № 2. С. 33 – 49.
8. Луков В.А. Теории молодёжи: Междисциплинарный анализ. М.: Канон+, 2021. 384 с.

9. Мерзляков А.А. Политическая активность молодёжи в онлайн- и офлайн-пространстве: сравнительный анализ // *Власть*. 2023. Т. 31. № 2. С. 56 – 67.
10. Нехаева Т.Г. Институциональные основы государственной молодёжной политики в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. № 91. С. 145 – 162.
11. Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодёжи начала XXI века // *Журнал исследований социальной политики*. 2020. Т. 18. № 1. С. 7 – 24.
12. Петров А.В. Альтернативные политические нарративы в цифровой среде и их влияние на идентичность молодёжи // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. 2022. Т. 15. № 4. С. 380 – 395.
13. Ручкин Б.А. Молодёжь и политические партии в современной России: проблемы взаимодействия // *Знание. Понимание. Умение*. 2021. № 1. С. 98 – 112.
14. Семёнов В.Е. Ценностные ориентации молодёжи в транзитивном обществе // *Психологический журнал*. 2020. Т. 41. № 2. С. 87 – 97.
15. Тихонова Н.Е. Региональная специфика политической идентичности молодёжи в современной России // *ПОЛИС. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 101 – 116.
16. Чупров В.И. Молодёжь в обществе неопределённости. М.: Норма, 2020. 352 с.

References

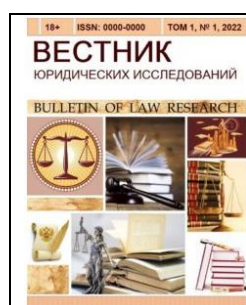
1. Abramov R.N. Digital Practices of Political Participation of Young People in the Context of Transformation of the Media Space. *Sociological Studies*. 2022. No. 4. P. 87 – 98.
2. Varlamova S.N. Family as an Agent of Political Socialization of Young People in Modern Russia. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021. No. 3. P. 112 – 130.
3. Gorshkov M.K. Young People of Russia in the Mirror of Sociology: Towards the Results of Long-Term Research. Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2020. 688 p.
4. Drobizheva L.M. National and Civic Identity of Young People in the Context of Ethnocultural Diversity of Russia. *Issues of Nationalism*. 2021. No. 2. P. 45 – 63.
5. Zubok Yu.A. Self-regulation of Life-Meaning Values in the Cultural Space of Young People. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 164 – 185.
6. Ivanova T.V. Information Bubbles and Polarization of Young People's Political Views on Social Networks. *Political Studies*. 2023. No. 1. P. 74 – 89.
7. Karpova N.V. Patriotism in the Value System of Russian Youth: A Sociological Analysis. *Sociology*. 2022. No. 2. P. 33 – 49.
8. Lukov V.A. Theories of Youth: An Interdisciplinary Analysis. Moscow: Canon+, 2021. 384 p.
9. Merzlyakov A.A. Political Activity of Young People in Online and Offline Spaces: A Comparative Analysis. *Vlast*. 2023. Vol. 31. No. 2. P. 56 – 67.
10. Nekhaeva T.G. Institutional Foundations of State Youth Policy in the Russian Federation: Current State and Development Prospects. *Public Administration. Electronic Bulletin*. 2022. No. 91. P. 145 – 162.
11. Omelchenko E.L. Solidarity and Cultural Practices of Russian Youth at the Beginning of the Twenty-first Century. *Journal of Social Policy Studies*. 2020. Vol. 18. No. 1. P. 7 – 24.
12. Petrov A.V. Alternative Political Narratives in the Digital Environment and Their Impact on Youth Identity. *Bulletin of St. Petersburg University. Political Science. International Relations*. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 380 – 395.
13. Ruchkin B.A. Young People and Political Parties in Modern Russia: Problems of Interaction. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2021. No. 1. P. 98 – 112.
14. Semenov V.E. Value Orientations of Young People in a Transitional Society. *Psychological Journal*. 2020. Vol. 41. No. 2. P. 87 – 97.
15. Tikhonova N.E. Regional Specifics of Young People's Political Identity in Modern Russia. *POLIS. Political Research*. 2023. No. 3. P. 101 – 116.
16. Chuprov V.I. Young People in a Society of Uncertainty. M.: Norma, 2020. 352 p.

Информация об авторах

Ибрагимов М.А., кандидат политических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Магомедов Г.Б., кандидат юридических наук, доцент, директор, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 323.212+323.13

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-11-18

Специфика участия русских евреев в политике государства Израиль

¹Зарицкий-Музыкус М.М.,

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: исследуемая в статье тема является ключевым аспектом в широком проблемном поле, касающемся трансформации политического ландшафта Государства Израиль и его взаимоотношений с диаспорой. На сегодняшний день «русскоязычная община» представляет собой уникальный феномен – сформировавшееся за исторически короткий срок внутреннее политическое лобби, чья идентичность основана не на религиозном или этническом, а на культурно-языковом принципе. Следствием массовой репатриации 1990-х годов стало обретение этой группой значительного электорального веса, что позволило ей не просто интегрироваться в политическую систему страны, но и активно влиять на формирование правительственных коалиций и корректировать национальную повестку дня. Деятельность таких политических проектов, как партия «Наш дом Израиль» и ее лидера Авиغدора Либермана, наглядно демонстрирует, что «русская улица» из пассивного объекта политики превратилась в ее самостоятельного субъекта. Более того, их устойчивая секулярно-националистическая позиция выступает структурным противовесом растущему влиянию ультраортодоксальных партий (харедим), что обостряет внутреннюю борьбу за характер будущего израильского государства – будет ли оно религиозным или светским.

Ключевые слова: Государство Израиль, сионизм, репатрианты, «русскоязычные израильтяне», русские евреи, политическое участие, «Наш дом Израиль» (НДИ), электоральное поведение

Для цитирования: Зарицкий-Музыкус М.М. Специфика участия русских евреев в политике государства Израиль // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 11 – 18. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-11-18

Поступила в редакцию: 3 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Specific features of Russian jews' participation in the politics of the state of Israel

¹Zaritsky-Muzykus M.M.,

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the topic under study in the article is a key aspect within the broad problem field concerning the transformation of the political landscape of the State of Israel and its relations with the diaspora. Today, the "Russian-speaking community" represents a unique phenomenon – a domestic political lobby formed within a historically short period, whose identity is based not on religious or ethnic principles, but on cultural and linguistic ones. The mass repatriation of the 1990s led to this group acquiring significant electoral weight, enabling it not only to integrate into the country's political system but also to actively influence the formation of government coalitions and adjust the national agenda. The activities of political projects such as the "Yisrael Beiteinu" party (Our Home Israel) and its leader Avigdor Lieberman clearly demonstrate that the "Russian street" has transformed from a pas-

sive object of politics into an independent subject thereof. Moreover, their consistently secular-nationalist stance serves as a structural counterbalance to the growing influence of ultra-Orthodox parties (Haredim), intensifying the internal struggle over the future character of the Israeli state – whether it will be religious or secular.

Keywords: State of Israel, Zionism, repatriates, "Russian-speaking Israelis", Russian Jews, political participation, "Yisrael Beiteinu" (Our Home Israel), electoral behavior

For citation: Zaritsky-Muzykus M.M. Specific features of Russian jews' participation in the politics of the state of Israel. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 11 – 18. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-11-18

The article was submitted: June 3, 2026; Approved after reviewing: July 1, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

В марте 2022 года, на фоне кардинального пересмотра внешнеполитических приоритетов западными странами, Государство Израиль столкнулось с беспрецедентным давлением, призванным заставить его занять однозначно проукраинскую позицию в ходе российско-украинского конфликта. По мнению экспертов, полное присоединение к антироссийским санкциям и разрыв многолетних, тщательно выстроенных отношений с Москвой угрожают Израилю серьезным ухудшением его стратегического положения на Ближнем Востоке, подрывом режима безопасности на северных границах и экономическими потерями. Для России ослабление или потеря Израиля как важного, хотя и неформального, партнера в регионе также невыгодна и означает утрату одного из ключевых прагматических партнеров на Ближнем Востоке. Такая ситуация сложилась из-за того, что в данный момент над прагматичной внешнеполитической логикой, долгое время определявшей израильско-российские отношения, преобладают идеологические и геополитические факторы, связанные с общей перестройкой международного порядка. Специальная военная операция России на Украине и беспрецедентное давление со стороны США и ключевых стран ЕС на Израиль с целью принятия им политически и стратегически невыгодных решений ярко этот момент иллюстрируют. Геополитика вновь, как и в годы Холодной войны, стала определять траекторию отношений между государствами, заставляя их действовать в ущерб своим национальным интересам.

В этом контексте специфика политического участия многочисленной и влиятельной русскоязычной общины Израиля, ее роль в формировании внутренней и внешней политики государства представляется актуальной и малоизученной темой. Особенно в свете того, что данная группа граждан, сохраняющая глубокие культурные, личные и нередко экономические связи с постсоветским пространством, сама оказалась расколота в своих взглядах на конфликт, а ее политические представители вынуждены балансировать между запросами своего электората и общенациональными интересами страны.

Анализ роли и места репатриантов из стран бывшего СССР в политической системе Израиля требует междисциплинарного подхода, находясь на стыке политологии, социологии и истории диаспор.

Общая картина историй массовых репатриаций (Алий), процесс интеграции «русской улицы» и ее превращения в самостоятельного политического актора детально освещены в фундаментальных работах израильских и западных исследователей. Ключевой вклад в понимание феномена внесли Лилия Галили в своей работе «The other tribe: Israel's Russian-speaking community and how it is changing the country» [6] и Дина Сигель в монографии «The Great Immigration. Russian Jews in Israel» [11]. Социокультурные аспекты интеграции и формирования идентичности глубоко проанализированы Ларисой Ременник в труде «Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict» [10].

В. Ханин, в своем труде ««Третий Израиль»: Русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века» [3] подробно исследовал эволюцию политических запросов и электорального поведения русских евреев в Израиле. Также электоральные предпочтения русских евреев были изучены в статье А. Мазина «Russian Immigrants in Israeli Politics: The Past, the Recent Elections and the Near Future» [9].

Особый интерес в контексте данного исследования представляет фундаментальный труд профессора Монреальского университета Якова Рабкина «Израиль: война и мир» [2]. Автор, известный своим критическим анализом израильской внутренней и внешней политики, предлагает глубокий исторический экскурс, позволяющий понять истоки многих современных противоречий израильского общества, в том числе и связанных с интеграцией крупных волн репатриации.

Большой вклад в понимание текущей ситуации вносит и подробное исследование Марка Матусяка «The 'Russian Street'. The Place and Significance of Immigrants from the Former USSR in Israel» [8], опубликованное

Центром восточных исследований (Варшава, OSW) в 2021 году. Эта работа дает комплексный и современный срез по всем аспектам жизни русскоязычной общины – от исторических волн алии и социально-экономического статуса до политических взглядов и роли в израильско-российских отношениях, предоставляя богатейший фактологический материал для анализа.

Однако, несмотря на имеющуюся солидную научную базу, события 2022-2024 годов, связанные с украинским кризисом и его влиянием на раскол внутри общины, ее лояльность и политическую ориентацию, еще не получили комплексного осмысления в академической литературе. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, проанализировав, как глобальный геополитический кризис повлиял на самую большую и влиятельную группу выходцев из диаспоры в современном Израиле.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования является феномен политического участия и интеграции репатриантов из стран бывшего СССР в политическую систему Государства Израиль.

Предмет исследования – специфика формирования «русской улицы» как самостоятельного политического актора, ее влияние на электоральные процессы, внутривнутриполитическую динамику и внешнеполитические ориентации Израиля.

Хронологические рамки исследования охватывают период с формирования государства Израиль (1948 год), ознаменовавшегося «Большой алией» из стран постсоветского пространства, заложившей демографическую и культурную основу общины, по настоящее время (2025 год), что позволяет проанализировать эволюцию политического влияния общины, ее адаптацию и ответ на вызовы новейшего времени, включая геополитический кризис вокруг Украины.

Цель работы – выявить и проанализировать определяющие черты, каналы и эволюцию политического участия русскоязычных израильтян, а также оценить степень и характер их влияния на внутри- и внешнеполитический курс Государства Израиль.

Методология исследования. Основными в работе являются системный и институциональный подходы, которые позволили рассмотреть «русскую улицу» не как изолированный феномен, а как элемент израильской политической системы, взаимодействующий с ее ключевыми институтами (правительство, Кнессет, партии, СМИ). В работе также широко использовались общенаучные методы: сравнительный анализ (электорального поведения разных групп населения), исторический метод (для изучения этапов формирования общины), статистический анализ (данных о репатриации и электоральной социологии), а также методы синтеза, дедукции и индукции для формулирования обобщений и выводов. Принцип изложения – проблемно-хронологический.

В качестве материалов исследования использовались фундаментальные труды российских и зарубежных ученых.

Результаты и обсуждения

Русские первопроходцы идей политического сионизма внесли большой вклад в прикладную реализацию сионистской идеи, которая отражается в современной политической, экономической и культурной жизни страны. К концу XIX века на территории Российской империи проживало около 5,15 млн евреев, что составляло почти 40% мирового еврейства [4]. Ограниченные чертой оседлости и подвергавшиеся дискриминации и погромам, многие из них стали активными участниками революционного и сионистского движений.

Во многом вдохновившиеся европейскими романтическими националистическими течениями XIX века, а также в попытке поиска новой собственной внеконфессиональной идентичности, выходцы из Российской империи, такие как Мозес Гесс и Леон Пинскер, заложили интеллектуальные основы сионизма. Пинскер, в частности, утверждал, что решение «еврейского вопроса» возможно только через создание собственного государства, что стало ответом на погромы в России 1881 года. Один из главных миссионеров политического сионизма начала XX-го века, В. Жаботинский, так описывал взгляд русских евреев на необходимость переселения в Палестину в своем обращении «Сионизм и Эрец Израэль»: «До Палестины мы не были народом и не существовали. На почве Палестины возникло, из осколков разных племен, еврейское племя. Почва Палестины взрастила нас, сделала гражданами; создавая религию единого Бога, мы вдыхали ветер Палестины, и борясь за независимость и гегемонию, дышали ее воздухом и питались злаками, рожденными из ее почвы. В Палестине выросли идеологии наших пророков и прозвучала «Песнь песней». Все, что есть в нас еврейского, дано нам Палестиной; все остальное, что в нас имеется, не есть еврейское. Еврейство и Палестина – одно и то же. Там мы родились как нация и там созрели. И когда буря выбросила нас из Палести-

ны, мы не могли расти дальше, как не может расти дальше дерево, вырванное из земли” [1]. Отдельными исследователями в связи с решительностью действий и уверенностью в историческом праве на Палестинскую землю, приехавшие из Российской империи переселенцы были названы “еврейским осколком русского революционного движения” [5, с. 37].

Первая значительная волна репатриации, известная как Первая алия (1881-1903 гг.), была спровоцирована волной погромов в Российской империи после убийства императора Александра II в 1881 году. Эти погромы, прокатившиеся по югу и юго-западу страны, сопровождалась ростом антисемитских настроений и ужесточением государственной политики по отношению к евреям. Около 25 тысяч евреев, в основном из Российской империи, переселились в Палестину, тогда провинцию Османской империи [4]. Большинство из них принадлежало к палестинофильским движениям Ховевей-Цион и Билу. Они основали первые сельскохозяйственные поселения (мошавот), такие как Петах-Тиква, Ришон ле-Цион, Реховот и Зихрон-Яков, которые позже превратились в города. Поселенцы столкнулись с значительными трудностями: нехваткой средств, тяжелыми природными условиями, болезнями и отсутствием сельскохозяйственного опыта.

Вторая алия (1903-1914 гг.) была вызвана новой волной погромов в Российской империи, наиболее известным из которых стал Кишинёвский погром 1903 года. За этот период в Палестину прибыло около 40 тысяч евреев. Многие из них были увлечены социалистическими идеями и сыграли ключевую роль в создании политических партий, рабочих организаций и первых институтов будущего государства. Именно в этот период был основан первый киббуц – Дегания (1909 г.), положивший начало киббуцному движению, и сформирована организация еврейской самообороны Ха-Шомер. В 1909 году также был основан Тель-Авив, ставший первым современным еврейским городом.

Именно первые две алии, состоявшие преимущественно из русских евреев, сформировали демографическую основу будущего государства. В дальнейшем дети этих переселенцев, родившиеся уже на территории Палестины или уже независимого Израиля, станут первой политической элитой молодого государства. Первый президент Хаим Вейцман, первый премьер-министр Давид Бен-Гурион, а также Голда Меир и Шимон Перес – все они родились на территории Российской империи, а полководец Моше Даян и даже современный президент Бениамин Нетаньяху – дети переселившихся в ходе многочисленных алий в Израиль евреев. Их политические взгляды и практическая деятельность во многом сформировали государственные институты и внешнюю политику молодого государства.

После создания Государства Израиль в 1948 году и принятия Закона о возвращении (1950) началась массовая репатриация евреев из разных стран, включая СССР и постсоветское пространство. Однако именно после 1950-х годов, особенно с волнами алии 1970-х (так называемая “сионистская алия”) и 1990-х (“большая алия”), сформировалась критическая масса русскоязычных евреев, которая стала основой для новой идентичности. Эти волны отличались по своему характеру: если репатрианты 1900-1970-х гг. часто были мотивированы идеологически (сионисты, отказники, активисты сионистского движения), то алия 1990-х была в значительной степени обусловлена распадом СССР и экономическими причинами. Это различие в мотивации повлияло на то, как эти группы интегрировались в израильское общество и сохраняли свою общую культурную специфику из российского прошлого. Во времена Большой алии в Израиль из бывших республик Советского союза прибыло более 1,6 миллиона человек. На пике (1990-1991) ежегодно прибывало до 330 тысяч репатриантов. Эта волна изменила социально-экономический профиль страны: 55-60% иммигрантов имели высшее образование, что способствовало росту технологического сектора, частного предпринимательства и преподавательского состава в Израиле. Однако около 30% репатриантов 1990-х не являлись евреями по Галахе, что создало вызовы для религиозно-культурной идентичности. В то время как бывший министр науки Израиля Д. Гершкович в 2009 году назвал Большую Алию “главным чудом что случилась с Израилем”, бывший главный раввин страны сефардского происхождения И. Йосеф назвал репатриантов “ненавидящими религию гоями (неевреями)” в 2020 году.

Социологические исследователи современного израильского общества отмечают историческое превалирование евреев с российским происхождением в традиционной для Израиля дихотомии светские евреи/религиозные евреи на стороне первых [2, с. 197]. Традиционно присутствие русских евреев в политическом стане “светских” объясняется выученным за годы притеснения на территории Российской империи навыком коллективной самообороны, которая не приветствовалась раввинами-идеологами, но была необходима для выживания в неблагоприятной среде.

Этническая демография еврейского населения Израиля с 1940-х годов по 2024 год претерпела значительные изменения, обусловленные массовой репатриацией, различиями в уровне рождаемости и процессами интеграции

После создания государства Израиль началась массовая репатриация евреев из Европы (включая выживших в Холокосте) и стран Ближнего Востока (Ирак, Йемен, Марокко). За первые три года население страны удвоилось, достигнув 1,37 млн. человек к 1950 году. Тем не менее, на протяжении почти четырех первых десятилетий с момента его формирования в 1949 году в составе парламента (Кнессета) больше 70% политических представителей еврейского народа были выходцами из Российской империи и/или Советского Союза [7, с. 115].

В 1948 году ашкеназы (евреи европейского происхождения) составляли большинство – около 65% еврейского населения. К 1970-м годам доля сефардов и мизрахим (выходцы из стран Ближнего Востока и Северной Африки) выросла до 15% благодаря высокой рождаемости.

К 2020-м годам из-за смешанных браков и интеграции традиционное деление на общины стало менее выраженным. Более 50% еврейского населения Израиля имеет смешанное ашкеназско-сефардское/мизрахское происхождение. Тем не менее, община русских евреев в Израиле все также сохраняет свою идентичность, благодаря светскости, высокому среднему уровню образования и сохранению неиудейских традиций, привезенных с предыдущей родины.

На данный момент “Русская улица” является одним из ключевых электоральных звеньев в современном Израиле с вполне определенным перечнем запросов к власти и своими представителями внутри политической элиты. “Русская улица” синтезирует в себе советско-российский политический опыт репатриантов с откровенно нестандартными реалиями израильской демократии. На основании такого синтеза общность сформировала 3 основных политических запроса к Израилю: необходимость секуляризации страны, продолжение и развитие политики максимальной абсорбции репатриантов и вопросы безопасности общности внутри страны и Израиля в регионе в целом.

Секуляризм является краеугольным камнем политической идентичности русскоязычной общины. Большинство репатриантов из бывшего СССР выросли в условиях государственного атеизма, где религия была маргинализирована или полностью исключена из публичной сферы. Это привело к формированию глубоко светского мировоззрения, которое в израильском контексте выражается в противостоянии религиозному диктату раввинов, оказывающих влияние на политику. Также многие представители общины рассматривают субсидии религиозным учебным заведениям (ешивам) и содержание раввинатских судов как несправедливое распределение дефицитных государственных ресурсов и предлагают Израилю окончательно перейти от формата религиозно-светского государства к полноценно светскому.

Этатизм “Русской улицы” старшего поколения был укоренен советским жизненным опытом, в котором патерналистский общественный договор обеспечивал квалифицированного гражданина работой, жильем и прочими благами социалистического государства. У репатриантов этатистские запросы выражаются в требованиях к повышению уровня социальных услуг государства. Такие требования сильно расходятся с запросами ультраортодоксальных евреев Израиля, привыкших полагаться исключительно на представителей собственной общины в рамках предоставления необходимых гражданину услуг.

Жесткая позиция по вопросам безопасности обусловлена эволюцией исторического советского запроса на сильную страну в политической действительности Ближнего Востока. Так, община русских евреев в целом выступает за жесткие ответы на террористические атаки, военные операции в секторе Газа и укрепление границ. Например, во время операций израильской армии «Нерушимая скала» (2014) и «Страж стен» (2021) русскоязычные израильтяне демонстрировали высокий уровень поддержки действий армии.

Для полноценной реализации запросов, периодически расходящихся с запросами остальной части израильского электората, “Русская улица” научилась формировать перечень собственных политических представителей.

Исторически первой успешной политической структурой, представлявшей интересы репатриантов, стала партия “Израэль ба-Алия”, основанная в 1996 году Натаном Щаранским и Юлием Эдельштейном. Партия сумела провести в Кнессет 7 депутатов и вошла в правительственную коалицию, что позволило закрепить вопросы интеграции репатриантов в политической повестке дня. Однако настоящим прорывом стало создание в 1999 году партии “Наш дом Израиль” (НДИ) под руководством Авигодора Либермана, которая на протяжении двух десятилетий оставалась главным политическим представителем русскоязычной общины. Идеологическая платформа НДИ сочетает светский национализм, жесткую позицию по вопросам безопасности и социально-экономические требования, отражающие специфические интересы репатриантов. Пиковым достижением партии стало получение 15 мандатов на выборах 2009 года, что сделало её третьей по величине фракцией в Кнессете.

Представительство русскоязычных евреев в органах государственной власти не ограничивается специализированными партиями. Такие политики, как Юлий Эдельштейн, занимавший посты спикера Кнессета и

министра здравоохранения, и Йоэль Развозов, бывший министр туризма, представляют общеизраильские партии ("Ликуд" и "Еш Атид" соответственно), сохраняя при этом связь с интересами русскоязычной общины. Особого внимания заслуживает фигура Авигдора Либермана, который на протяжении своей карьеры занимал ключевые министерские посты, включая министра обороны, иностранных дел и финансов. Его политический стиль характеризуется жесткой риторикой и акцентом на защите светского характера израильского государства, что соответствует ожиданиям значительной части русскоязычного электората.

Основу электорального поведения составляют несколько взаимосвязанных принципов: прагматичный инструментализм, общинная солидарность и идеологический плюрализм, которые проявляются в различных контекстах и на разных этапах интеграционного процесса.

Прагматичный инструментализм выражается в том, что русскоязычные избиратели склонны поддерживать тех политических акторов, которые демонстрируют готовность и способность решать их конкретные социально-экономические проблемы. Репатрианты 1990-х годов, столкнувшись с проблемами признания дипломов, трудоустройства и пенсионного обеспечения, стали поддерживать партии и политиков, предлагавших конкретные программы решения этих вопросов. Например, первоначальная поддержка партии "Исраэль ба-Алия" была обусловлена её фокусом на вопросах абсорбции, а последующий переход части электората к "Нашему дому Израиль" (НДИ) связан с её возможностью представлять и иногда лоббировать интересы общины на государственном уровне. При этом прагматизм проявляется и в готовности переключать поддержку между разными политическими силами в случае невыполнения ими обещаний.

Общинная солидарность играет определяющую роль в электоральном поведении, особенно среди старшего поколения репатриантов. Этот принцип основан на восприятии себя как выраженной социальной и, следовательно, электоральной группы со специфическими интересами, которые могут быть наилучшим образом представлены "своими" политиками и партиями. Солидарность подкрепляется использованием русского языка как маркера идентичности, деятельностью русскоязычных СМИ, формирующих общую информационную среду, и опытом дискриминации со стороны "старожилов". Однако солидарность не является абсолютной и подвержена эрозии по итогам проходящих процессов интеграции и смены поколений. Молодое поколение, выросшее в Израиле, в меньшей степени идентифицирует себя с "русской" общиной и чаще голосует, располагаясь на позиции молодежных общеизраильских интересов, а не общинных.

Идеологический плюрализм проявляется в том, что, несмотря на общую тенденцию поддержки правых и центристских партий, русскоязычный электорат не представляет собой монолитного блока. Его политические предпочтения распределяются между разными идеологическими полюсами: около 40% традиционно поддерживают НДИ, 25-30% – "Ликуд" и другие правые партии, 20-25% – центристские силы как "Еш Атид", и 5-10% – левые партии. Такой плюрализм обусловлен несколькими факторами: различиями в возрасте, образовании и продолжительности проживания в Израиле; неоднородностью самой общины, разным отношением к роли религии в государстве.

Важным аспектом электорального поведения является также относительно низкая явка по сравнению со средними показателями по стране (60% против 70%). Это объясняется как отличительными характеристиками общины (высокая доля пожилых людей, испытывающих разочарование в политике), так и общими для Израиля тенденциями (снижение доверия к политическим институтам). Однако в моменты кризисов, которые воспринимаются на "Русской улице" как угрожающие интересам общины, явка может значительно возрастать.

Взаимодействие Российской Федерации с Израилем зачастую ведется через "Русскую улицу", которая играет роль важного посредника и лоббиста российских интересов.

Авигдор Либерман на протяжении многих лет демонстрирует пророссийскую ориентацию. В своих публичных выступлениях он неоднократно подчеркивал важность сохранения конструктивных отношений с Москвой даже в периоды международной напряженности. Например, во время украинского кризиса Либерман избегал прямой критики действий России и выступал против присоединения Израиля к западным санкциям, аргументируя это национальными интересами Израиля. В 2018 году он заявил, что Израиль ценит понимание со стороны России своих интересов в Сирии, особенно в контексте безопасности северных границ. Либерман также неоднократно встречался с российскими высокопоставленными лицами, включая президента Владимира Путина и министра обороны Сергея Шойгу, для обсуждения региональных вопросов, таких как ситуация в Сирии и иранская ядерная программа.

Русскоязычные депутаты Кнессета, в особенности народные избранники из партии НДИ, активно выступают с 2022 года против введения санкций в отношении России. Они аргументируют это потенциальным ущербом израильской экономике и безопасности от санкций, а также осложнением жизни русскоязычной общины, сохраняющей связи с Россией. Например, Либерман неоднократно заявлял, что Израиль дол-

жен сохранять нейтралитет, чтобы не подрывать диалог с Москвой по вопросам региональной безопасности, таким как ситуация в Сирии и противодействие Ирану.

Русскоязычные бизнесмены, имеющие интересы в России и Израиле, также с 2022 года оказывали давление на правительство, предупреждая о последствиях санкций для израильской экономики. Они указывали на потенциальные убытки в таких секторах, как высокие технологии, туризм и сельское хозяйство, которые тесно связаны с российским рынком. Например, в 2023 году группа предпринимателей обратилась к министру финансов с предупреждением, что санкции приведут к потере тысяч рабочих мест и сокращению экспорта.

Русскоязычные общественные деятели и политики неоднократно предлагали Израилю выступить посредником между Россией и Украиной, вместо того чтобы присоединяться к санкциям. Они заявляли, что Израиль, благодаря своим тесным отношениям с обеими сторонами, может способствовать мирному урегулированию. Например, в 2023 году депутаты от НДИ встречались с российскими и украинскими дипломатами, предлагая планы деэскалации.

Правительство Израиля, под влиянием этого лобби, воздерживалось от введения прямых санкций против России, несмотря на давление со стороны западных стран. Вместо этого Израиль ограничился гуманитарной помощью Украине и критикой действий России, но избегал шагов, которые могли бы привести к разрыву отношений с Москвой.

Выводы

Израиль как отдельное государство сформировалось к середине XX века под воздействием двух крупных волн переселения евреев из Российской империи. Именно первые две алии, состоявшие преимущественно из русских евреев, сформировали демографическую основу будущего государства. Отдельные потомки этих переселенцев заняли руководящие посты и стали оказывать непосредственное влияние на политику государства.

После распада Советского Союза прошла очередная волна переселения русских евреев в Израиль, но, в отличие от предыдущих алий, новые переселенцы не были мотивированы идеологически, их переезд был обусловлен экономическими причинами. Воспитанные в условиях атеизма, больших социальных гарантий от государства, они выступили с критикой государственной поддержки религии и требованиями обеспечения доступных медицины, образования, культуры и других общественных благ.

Для защиты политических интересов репатриантов в 1990-х гг. были созданы две политические партии "Израэль ба-Алия" и "Наш дом Израиль" (НДИ). Данные политические силы вошли в Кнессет, где НДИ стала третьей по величине фракцией по количеству представителей и до настоящего времени оказывает существенное влияние на политику государства. Идеологическая программа НДИ включает в себя жесткую позицию по вопросам безопасности, светский национализм и специфические для русских евреев социально-экономические требования.

Кроме названных политических партий интересы «Русской улицы» защищают отдельные политики такие как, Юлий Эдельштейн, Йоэль Развозов, Авигодор Либерман.

Основу электорального поведения русских евреев составляют прагматичный инструментализм, общинная солидарность и идеологический плюрализм. Суть этих принципов заключается, с одной стороны, в поддержке «своих» кандидатов и партий, готовых решать важные для репатриантов социально-экономические проблемы, а с другой стороны, в отсутствии единых политических предпочтений, несмотря на общую тенденцию поддержки правых и центристских партий.

В условиях изменения геополитического порядка политические силы «Русской улицы» выступают против разрыва отношений с Россией. Под их воздействием Израиль вместо введения санкций по образцу США и стран Евросоюза ограничился гуманитарной помощью Украине и критикой действий Российской Федерации. Кроме того, депутаты от НДИ встречались с российскими и украинскими дипломатами, предлагая планы деэскалации конфликта.

Итак, русские евреи с момента своего переселения и до настоящего времени являются весомой политической силой, во многом определяющей внутреннюю и внешнюю политику Израиля.

Список источников

1. Жаботинский В. Сионизм и Эрец Израэль // Викитека. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Сионизм_и_Эрец_Израэль_\(Жаботинский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Сионизм_и_Эрец_Израэль_(Жаботинский)) (дата обращения: 15.04.2026)
2. Рабкин Я.М. Израиль: война и мир. М.: ИНИОН РАН, 2024. 352 с.

3. Ханин В. «Третий Израиль»: Русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века. М.: Институт Ближнего Востока, 2014. 242 с.
4. Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/> (дата обращения: 15.04.2026)
5. Adelman J. The Rise of Israel: A history of a revolutionary State. New York: Routledge, 2008. 282 p.
6. Galili L. The Other Tribe: Israel's Russian-Speaking Community and How it is Changing The Country. Foreign Policy, 2020. URL: https://www.brookings.edu/wpcontent/uploads/2020/09/FP_20200921_other_tribe_galili.pdf (дата обращения: 15.04.2026)
7. Gilbert M. The Atlas of Jewish history. New York: William Morrow and Company, 1993. 159 p.
8. Matusiak M. The 'Russian Street'. The Place and Significance of Immigrants from the Former USSR in Israel. Warsaw: Centre for Eastern Studies (OSW), 2021. URL: https://aei.pitt.edu/103792/1/PV_The-Russian-street_net_0.pdf (дата обращения: 15.04.2026)
9. Mazin A. Russian Immigrants in Israeli Politics: The Past, the Recent Elections and the Near Future. Tel-Aviv: The Friedrich Ebert Stiftung. Mimeographed. 36 p.
10. Remennik L. Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2007. 408 p.
11. Siegel D. The Great Immigration. Russian Jews in Israel. New York: Berghan Books, 1996. 256 p.

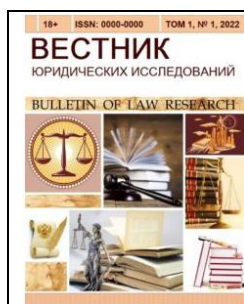
References

1. Jabotinsky V. Zionism and Eretz Israel. Wikisource. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Zionism_and_Eretz_Israel_\(Jabotinsky\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Zionism_and_Eretz_Israel_(Jabotinsky)) (date of access: 15.04.2026)
2. Rabkin Ya.M. Israel: War and Peace. Moscow: INION RAS, 2024, 352 p.
3. Khanin V. "The Third Israel": The Russian-Speaking Community and Political Processes in the Jewish State at the Beginning of the 21st Century. Moscow: Institute of the Middle East, 2014, 242 p.
4. Electronic Jewish Encyclopedia. Available at: <https://eleven.co.il/> (date of access: 15.04.2026)
5. Adelman J. The Rise of Israel: A History of a Revolutionary State. New York: Routledge, 2008. 282 p.
6. Galili L. The Other Tribe: Israel's Russian-Speaking Community and How it is Changing The Country. Foreign Policy, 2020. URL: https://www.brookings.edu/wpcontent/uploads/2020/09/FP_20200921_other_tribe_galili.pdf (date of access: 15.04.2026)
7. Gilbert M. The Atlas of Jewish history. New York: William Morrow and Company, 1993. 159 p.
8. Matusiak M. The 'Russian Street'. The Place and Significance of Immigrants from the Former USSR in Israel. Warsaw: Center for Eastern Studies (OSW), 2021. URL: https://aei.pitt.edu/103792/1/PV_The-Russian-street_net_0.pdf (date of access: 15.04.2026)
9. Mazin A. Russian Immigrants in Israeli Politics: The Past, the Recent Elections and the Near Future. Tel-Aviv: The Friedrich Ebert Stiftung. Mimeographed. 36 p.
10. Remennik L. Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2007. 408 p.
11. Siegel D. The Great Immigration. Russian Jews in Israel. New York: Berghan Books, 1996. 256 p.

Информация об авторе

Зарицкий-Музыкаус М.М., аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, zaritskymarc@yandex.com

© Зарицкий-Музыкаус М.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 341.781.5:327

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-19-25

Институт почетного консульства в Российской Федерации: правовые основы, мировые практики и потенциал народной дипломатии в условиях геополитических вызовов (2022-2026)

¹ Шакалов И.И.,

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье представлен комплексный анализ института почетного консульства Российской Федерации в условиях трансформации международных отношений (2022-2026). Исследована эволюция нормативно-правовой базы, включая ключевые новеллы 2025 г. и 2026 г. На основе сравнительного изучения региональных моделей функционирования почетных консулов в Европе, Америке, Азии, Африке и на Ближнем Востоке выделены устойчивые мировые тренды. Показано, что в период специальной военной операции институт почетного консульства приобрел стратегическое значение как инструмент замещения разорванных побратимских связей. Впервые в научный оборот введен и детально проанализирован эмпирический материал о деятельности Фонда развития Краснодарского края, реализующего функции народной дипломатии. Представлены проекты адаптации иностранных студентов («Мост в Россию. Консультационный центр 2.0») и культурной дипломатии (фестиваль «Русская душа»). Сформулированы дорожные карты для федеральной, региональной и муниципальной власти, а также для медиасообщества. В статье предлагаются рекомендации по освещению в СМИ, блогерами и на профильных сайтах. Перспективы дальнейших исследований включают проведение анализа эффективности работы ПКДЛ из дружественных стран (по истечении первого года), а также разработку методики оценки возврата инвестиций (ROI) в народную дипломатию.

Ключевые слова: почетное консульство, народная дипломатия, специальная военная операция, Краснодарский край, Фонд развития Краснодарского края, адаптация иностранных студентов, «Русская душа», побратимские связи, дорожная карта

Для цитирования: Шакалов И.И. Институт почетного консульства в Российской Федерации: правовые основы, мировые практики и потенциал народной дипломатии в условиях геополитических вызовов (2022-2026) // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 19 – 25. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-19-25

Поступила в редакцию: 4 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Institute of the Honorary Consulate in the Russian Federation: legal foundations, global practices, and the potential of public diplomacy in the face of geopolitical challenges (2022-2026)

¹ Shakalov I.I.,

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the institution of the Honorary Consulate of the Russian Federation in the context of the transformation of international relations (2022-2026). The evolution of the legal framework, including key novelties in 2025 and 2026, is examined. Based on a comparative study of regional models of the functioning of Honorary Consuls in Europe, America, Asia, Africa, and the Middle East, stable global trends are identified. It is shown that during the special military operation, the institution of honorary consulates has acquired strategic importance as a tool for replacing broken twinning ties. For the first time, empirical material on the activities of the Krasnodar Territory Development Fund, which implements the functions of people's diplomacy, has been introduced into scientific circulation and analyzed in detail. Projects for the adaptation of foreign students ("Bridge to Russia. Consultation Center 2.0") and cultural diplomacy (the "Russian Soul" festival) have been presented. Roadmaps have been formulated for federal, regional, and municipal authorities, as well as for the media community. The article provides recommendations for media coverage, bloggers, and specialized websites. Further research prospects include analyzing the effectiveness of PDCs from friendly countries (after the first year), as well as developing a methodology for evaluating the return on investment (ROI) in people's diplomacy.

Keywords: Honorary Consulate, public diplomacy, special military operation, Krasnodar Territory, Krasnodar Territory Development Fund, adaptation of foreign students, "Russian soul", sister cities, roadmap

For citation: Shakalov I.I. Institute of Honorary Consulate in the Russian Federation: legal foundations, global practices, and the potential of public diplomacy in the face of geopolitical challenges (2022-2026). Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 19 – 25. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-19-25

The article was submitted: June 4, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Актуальность темы исследования. Современная геополитическая ситуация характеризуется беспрецедентным уровнем санкционного давления на Российскую Федерацию, разрывом устоявшихся экономических цепочек, а также сворачиванием традиционных форматов международного сотрудничества. В период с 2022 года зафиксированы многочисленные факты разрыва или замораживания побратимских отношений между городами России и зарубежными партнерами, преимущественно из «недружественных» государств. Данный тренд существенно ограничил возможности прямого межмуниципального диалога, который ранее служил важным каналом народной дипломатии [6, с. 45-47].

В этих условиях возрастает значение альтернативных, более гибких и менее политизированных инструментов внешнеполитической деятельности. Институт почетного консульства, долгое время остававшийся в тени штатных дипломатических миссий, приобретает стратегическое значение. Почетные консулы, являясь, как правило, авторитетными представителями деловых, общественных и научных кругов, способны поддерживать и развивать связи там, где официальный диалог затруднен или сведен к минимуму [1, с. 112-115].

Степень научной разработанности. В российской науке вопросы консульского права и деятельности почетных консулов освещались в трудах Г.В. Бобылева, В.В. Лапина и других исследователей [5]. Однако большая часть работ была выполнена до 2022 года и не учитывает фактор массированного санкционного давления и трансформации мировой системы международных отношений. Более того, практический аспект использования института почетных консулов для продвижения национальных интересов на региональном уровне остается недостаточно изученным.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает институт почетного консульства как правовой и социально-политический феномен. Предметом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации функций почетными консульскими должностными лицами на территории Российской Федерации и за рубежом, а также практики взаимодействия региональных некоммерческих организаций с данным институтом.

Цели и задачи. Целью настоящей работы является выработка практических рекомендаций по повышению эффективности использования института почетного консульства для укрепления международных связей России. Для достижения цели поставлены следующие задачи: анализ актуальной нормативно-правовой базы; изучение мировой практики; оценка текущего состояния института в России; выявление успешных региональных кейсов (на примере Краснодарского края и других субъектов РФ); формирование дорожных карт для органов власти и СМИ.

Материалы и методы исследований

В работе использованы общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, системный подход), формально-юридический метод, а также метод кейс-стади.

Результаты и обсуждения

Теоретико-правовые основы и мировые модели института почетного консульства

Понятие, эволюция и правовая природа почетного консульства. Институт почетного (нештатного) консула является одним из наиболее древних инструментов внешних сношений, уходящий корнями в практику торговых республик средневековой Италии и ганзейских городов. Его ключевая особенность, сохранившаяся до наших дней – выполнение консульских функций лицом, не состоящим на штатной дипломатической службе представляемого государства и, как правило, не получающим за это вознаграждение. В международном праве базовым актом остается Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года, которая в статьях 58–68 прямо регулирует статус почетных консульских должностных лиц (ПКДЛ) и возглавляемых ими почетных консульских учреждений [2].

В российской правовой системе до 2025 г. основным актом являлось Положение о Консульском учреждении Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ № 1330 от 05.11.1998. Однако этот документ был ориентирован преимущественно на штатные консульские учреждения. В 2025 г. произошел качественный прорыв: Федеральный закон № 211-ФЗ от 07.07.2025 внес системные изменения в Консульский устав РФ [10], а Указ Президента № 707 от 06.10.2025 обновил само Положение [9].

Новеллы 2025 года включают:

1. замену терминологии – вместо «почетный консул» введено понятие «почетное консульское должностное лицо» (ПКДЛ);
2. введение классной иерархии ПКДЛ – почетные генеральные консулы, почетные консулы, почетные вице-консулы, почетные консульские агенты;
3. упрощение процедуры открытия – исключение требования о наличии международного договора как обязательного условия.

19 августа 2025 года МИД России принял Приказ № 18501 «Об утверждении Положения о порядке назначения почетного консульского должностного лица на должность, освобождения его от должности и продления срока его полномочий», зарегистрированный Минюстом 25 сентября 2025 г. (№ 83648) [8]. Документ устанавливает единый срок полномочий ПКДЛ (5 лет) и обязательное согласование кандидатур с Минобороны, СВР и ФСБ России.

Мировая практика функционирования института: региональные модели.

Европейская модель. В Германии, Италии, Франции, Австрии, Швейцарии действуют сотни почетных консулов. До 2022 г. ПКДЛ России в Европе активно работали в сфере культурной дипломатии. Однако после начала СВО ситуация изменилась: прекратили работу штатные генконсульства Финляндии, Швеции, Нидерландов в Санкт-Петербурге, отозваны экзекатуры у ряда ПКДЛ РФ в странах Балтии и Польше.

Американская модель. В Северной Америке институт используется для поддержки диаспор. Для России американское направление в 2022–2026 гг. оказалось почти полностью заблокировано. Однако в Латинской Америке (Бразилия, Аргентина, Мексика) ПКДЛ России активизировались, организуя бизнес-миссии в области агропрома и энергетики.

Азиатско-тихоокеанская модель. Азия – зона динамичного роста. В Индии действуют ПКДЛ РФ в Мумбаи, Ченнаи, Калькутте, Кочи. Почетные консулы Индии в Астрахани и Екатеринбурге успешно лоббируют поставки российской нефти.

Ближневосточная модель. Страны Персидского залива активно назначают ПКДЛ в регионах России. 22 апреля 2026 г. в Екатеринбурге открылось первое в истории почетное консульство Иордании в России. Почетным консулом назначен Александр Торопов.

Африканская модель. Африка стала регионом, где после 2022 г. институт получил мощный импульс: аккредитованы ПКДЛ Мали (Санкт-Петербург, 2023), Зимбабве (Москва, 2024), активизированы консулы Танзании, Эфиопии, Марокко, Алжира, Маврикия и Египта в ЮФО.

Российская практика: институт почетного консульства в условиях СВО и пример краснодарского края

Влияние СВО на международные связи России: разрыв побратимских и консульских отношений

Период с февраля 2022 г. характеризуется беспрецедентным разрывом устоявшихся форм международного сотрудничества. Согласно мониторингу Международной ассоциации «Породненные города», более 300 побратимских пар с участием российских городов заморожены по инициативе западной стороны [6]. Параллельно закрыты или приостановили работу 22 штатных консульства РФ в «недружественных» странах, 15 штатных консульств стран ЕС и НАТО прекратили деятельность в РФ. В этих условиях нагрузка на ПКДЛ объективно возрастает [12].

География и динамика развития почетных консульств в РФ

По состоянию на 20 января 2026 г. (данные Консульского информационного портала МИД России), на территории РФ аккредитован 117 иностранных ПКДЛ из 49 государств [4]. Динамика: 2021 г. – 98, 2023 г. – 105, 2025 г. – 115, первое полугодие 2026 г. – 117. Рост обеспечен за счет государств Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки.

Наиболее активно институт развивается в Южном федеральном округе. В Свердловской области аккредитовано 14 генконсульств и 9 почетных консулов.

В Краснодарском крае и сопредельных регионах ЮФО на регулярной основе работают почетные консулы следующих государств (более 10): Германия (г. Краснодар) [4], Индия (г. Астрахань, курирует Кубань) [4], Испания (г. Ростов-на-Дону), Италия (г. Краснодар), Греция, Венгрия, Турция (г. Краснодар), Ирак, Алжир (назначение 2023 г.), Марокко, Египет, Эфиопия (с 2023 г.), Маврикий, ОАЭ, Словакия, Беларусь, ЮАР, Мали.

Фонд развития Краснодарского края: народная дипломатия в действии.

Фонд развития Краснодарского края (далее – Фонд) является уникальным институтом народной дипломатии, по функционалу схожим с почетными консульствами. Фонд на системной основе взаимодействует с Посольством Боснии и Герцеговины, Сербии, Италии, Венгрии, Словакии, Ирака, Алжира, ОАЭ, Турции, Беларуси, Маврикия, Эфиопии, Марокко, Египта и многих других стран Африки, Азии, Европы – даже в условиях санкционных ограничений [7].

Фонд сотрудничает с Ассамблеей народов мира, Ассоциацией российских дипломатов, Торгово-промышленными палатами России и зарубежных стран, депутатским корпусом (парламентская дипломатия), а также с МИД России, Россотрудничеством, посольствами и «Русскими домами» за рубежом [7].

Флагманские проекты Фонда:

1. Фестиваль культуры, искусства и спорта «Русская душа». Организуется совместно с Федерацией таврелей России (русские шахматы), Ассоциацией креативных индустрий, АНО «Национальный центр развития туризма и гостеприимства» при поддержке Россотрудничества и Фонда «Русский мир» (МИД России) [7; 11]. Яркий пример культурной дипломатии.

2. Проект «Консультационный центр по работе с иностранными студентами» и его эволюционное развитие – «Мост в Россию. Консультационный центр 2.0». Реализуется при поддержке Грантов Губернатора Кубани, направлен на правовую и социокультурную адаптацию иностранных студентов в России, интеграцию их в культурную и общественную жизнь Краснодарского края [3; 7]. Проконсультировано более 300 иностранных студентов из 35 стран, уровень отсева снизился на 18%.

3. Экономическая дипломатия. В 2026 г. кубанские предприятия достигли предварительных экспортных договоренностей на несколько млн долларов США в рамках выставки «Белагро» в Республике Беларусь, проведены бизнес-миссии в страны Ближнего Востока и Африки.

4. Культурный успех. Фестиваль культуры, искусства и спорта «Русская душа» из Краснодарского края проведен в Сербии, Египте, ОАЭ и Маврикий.

Инвестиционная привлекательность Кубани как база для работы ПКДЛ.

С начала 2026 г. власти Краснодарского края реализовали 20 крупных инвестиционных проектов на 71,6 млрд руб., создано более 1,2 тыс. рабочих мест. Инвестиционный портфель региона насчитывает 726 проектов на 4,6 трлн руб. Доходы краевой казны по итогам 2025 г. составили 502,1 млрд руб.

Дорожные карты, рекомендации и пути тиражирования успешных практик

Системные вызовы и риски

Основные риски: политическая ангажированность ПКДЛ (кейс Черногории, расследование ProPublica), конфликт интересов, низкая операционная эффективность.

Таблица 1

Дорожная карта для федеральных органов власти.

Table 1

Roadmap for federal government agencies.

Мероприятие	Срок	Ответственный
Внедрение системы ежегодной отчетности ПКДЛ перед регионами пребывания	2027 г.	Консульский департамент МИД
Создание публичного реестра ПКДЛ с интерактивной картой	2027 г.	МИД России
Создание при МИД России «Совета по народной дипломатии»	I кв. 2027	МИД, Россотрудничество

Таблица 2

Дорожная карта для региональных администраций.

Table 2

Roadmap for regional administrations.

Мероприятие	Срок	Ответственный
Формирование реестра «Дружественных почетных консулов» на сайте региона	2027 г.	Департамент международных связей
Учреждение грантов губернатора для НКО по адаптации иностранных студентов (по модели Кубани)	2027 г.	Администрация региона
Включение ПКДЛ в экспертные советы при ТПП и Центрах экспорта	2027 г.	ТПП, Центр экспорта

Таблица 3

Дорожная карта для муниципальных образований.

Table 3

Roadmap for municipalities.

Мероприятие	Срок	Ответственный
Аудит замороженных побратимских связей, поиск альтернативных партнеров	2027 г.	Мэрии городов
Заключение меморандумов с ПКДЛ по туризму, культуре, спорту, образованию, молодежной политике, инвестициям и смежным направлениям	2027-2028 гг.	Главы муниципалитетов
Создание консультационных центров для иностранных студентов (по модели Кубани)	2028 г.	Управления образования

Рекомендации по освещению в СМИ, блогерами и на профильных сайтах:

1. Создать рубрику «Почётный гость» на сайтах региональных органов власти с интервью ПКДЛ.
2. Запустить цикл видеороликов «Мост в Россию» для блогеров с участием иностранных студентов.
3. Организовать премию «Русская душа» для журналистов, освещающих международное гуманитарное сотрудничество.
4. Создать на портале «Госуслуги» раздел «Карта народной дипломатии».
5. При освещении международных мероприятий обязательно указывать роль ПКДЛ и НКО-партнеров с конкретными результатами.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы с учетом новых данных 2025-2026 гг.:

1. Нормативно-правовая база института почетного консульства в Российской Федерации полностью сформирована. Принятие Приказа МИД России № 18501 от 19.08.2025 [8] завершило процесс имплементации положений ФЗ № 211-ФЗ [10] и Указа № 707 [9]. Установлены четкие процедуры назначения, согласования (включая проверку через Минобороны, СВР и ФСБ), освобождения и продления полномочий ПКДЛ.
2. Институт почетного консульства продолжает расширяться географически. Открытие первого в истории консульства Иордании в Екатеринбурге (апрель 2026 г.) – яркое подтверждение. Свердловская область (14 генконсульств и 9 ПКДЛ) становится флагманским регионом.

3. Народная дипломатия и институт ПКДЛ демонстрируют конкретные экономические результаты. Участие предприятий Краснодарского края в российских и международных выставках принесло конкретные экспортные договоренности. Инвестиционный портфель Кубани в 2026 году составил 726 проектов на 4,6 трлн руб.

4. Краснодарский край является модельным регионом с выстроенной системой взаимодействия с ПКДЛ более чем из 15 государств (Германия, Индия, Испания, Италия, Турция, Ирак, Алжир, Марокко, Египет, Эфиопия, ОАЭ и др.). Фонд развития Краснодарского края успешно сотрудничает с многими посольствами стран Европы, Африки, Азии и Ближнего Востока.

5. Проекты Фонда – фестиваль «Русская душа» (при поддержке Россотрудничества и Фонда «Русский мир») и «Мост в Россию. Консультационный центр 2.0» (гранты Губернатора Кубани) – заслуживают тиражирования. Проконсультированы сотни иностранных студентов, достигнуто снижение отсева на 18%.

6. Сформулированные дорожные карты для федеральных, региональных и муниципальных органов власти, а также для СМИ и блогеров, носят практический характер и могут быть немедленно внедрены.

Перспективы дальнейших исследований: целесообразно провести анализ эффективности работы ПКДЛ из дружественных стран (по истечении первого года), а также разработать методику оценки возврата инвестиций (ROI) в народную дипломатию.

Список источников

1. Бобылев Г.В., Лапин В.В. Консульское право Российской Федерации: учебник для вузов. Москва: Международные отношения, 2023. 408 с.
2. Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24.04.1963) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. Москва, 1991. С. 124 – 156.
3. Гранты Губернатора Кубани. Проект «Мост в Россию. Консультационный центр 2.0»: итоги реализации. Краснодар, 2025. 34 с.
4. Консульский информационный портал МИД России. Иностранные почётные консулы, аккредитованные в Российской Федерации (по состоянию на 20.01.2026). URL: <https://www.kdmid.ru/consdep/inostrannye-pochetnye-konsuly-akkreditovannyye-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 13.04.2026)
5. Лапин В.В. Институт почётного консула в системе современных международных отношений // Дипломатическая служба. 2021. № 4. С. 45 – 52.
6. Международная ассоциация «Породнённые города». Мониторинг состояния побратимских связей Российской Федерации с зарубежными партнёрами (2022-2025). Москва, 2025. 112 с.
7. Отчёт о деятельности Фонда развития Краснодарского края за 2023-2025 годы (архив Фонда). Краснодар, 2026. 112 с.
8. Приказ Министерства иностранных дел Российской Федерации от 19.08.2025 № 18501 «Об утверждении Положения о порядке назначения почётного консульского должностного лица на должность, освобождения его от должности и продления срока его полномочий» (зарегистрирован 25.09.2025 № 83648) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202509250009> (дата обращения: 13.04.2026)
9. Указ Президента РФ от 06.10.2025 № 707 «О внесении изменений в Положение о Консульском учреждении Российской Федерации, утверждённое Указом Президента Российской Федерации от 05.11.1998 № 1330» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 41. Ст. 5678.
10. Федеральный закон от 07.07.2025 № 211-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Консульский устав Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 28. Ст. 4123.
11. Фонд «Русский мир». Проекты и гранты: отчёт за 2025 год. Москва, 2026.
12. Шакалов И.И., Айвазян О.О. Стратегия и тактика избирательной кампании на муниципальных выборах в России: политический, коммуникативный и правовой аспекты: учебно-методическое пособие. Краснодар, 2026. 84 с.

References

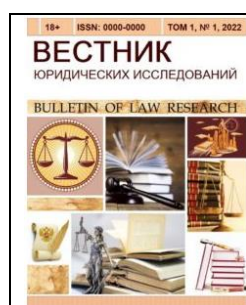
1. Bobylev G.V., Lapin V.V. Consular Law of the Russian Federation: Textbook for Universities. Moscow: International Relations, 2023. 408 p.
2. Vienna Convention on Consular Relations (Vienna, April 24, 1963). Collection of International Treaties of the USSR. Issue XLV. Moscow, 1991. P. 124 – 156.
3. Grants of the Governor of Kuban. Project "Bridge to Russia. Consultation Center 2.0": Implementation Results. Krasnodar, 2025. 34 p.

4. Consular Information Portal of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Foreign Honorary Consuls accredited in the Russian Federation (as of January 20, 2026). URL: <https://www.kdmid.ru/cons-dep/inostrannye-pochetnye-konsuly-akkreditovannye-v-rossiyskoy-federatsii/> (date of accessed: 13.04.2026)
5. Lapin V.V. The Institute of Honorary Consul in the System of Modern International Relations. Diplomatic Service. 2021. No. 4. P. 45 – 52.
6. International Association "Sister Cities". Monitoring the State of Sister City Relations between the Russian Federation and Foreign Partners (2022-2025). Moscow, 2025. 112 p.
7. Report on the Activities of the Krasnodar Krai Development Fund for 2023-2025 (Fund Archive). Krasnodar, 2026. 112 p.
8. Order of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation dated 19.08.2025 No. 18501 "On approval of the Regulation on the procedure for appointing an honorary consular official to a position, dismissing him from a position and extending his term of office" (registered on 25.09.2025 No. 83648). Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202509250009> (date of accessed: 13.04.2026)
9. Decree of the President of the Russian Federation of 06.10.2025 No. 707 "On Amendments to the Regulation on the Consular Establishment of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of 05.11.1998 No. 1330". Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 41. Art. 5678.
10. Federal Law of 07.07.2025 No. 211-FZ "On Amendments to the Federal Law "Consular Charter of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 28. Art. 4123.
11. Russkiy Mir Foundation. Projects and Grants: Report for 2025. Moscow, 2026.
12. Shakalov I.I., Ayvazyan O.O. Strategy and Tactics of the Electoral Campaign in Municipal Elections in Russia: Political, Communicative, and Legal Aspects: A Study Guide. Krasnodar, 2026. 84 p.

Информация об авторе

Шакалов И.И., кандидат социологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Shakalov_ilya1@mail.ru

© Шакалов И.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 94(47).081

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-26-31

Политические взгляды А.М. Горчакова: внутриполитическое и внешнеполитическое измерения дипломатического наследия канцлера Российской Империи

¹ Герман Р.Э.,

¹ Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

Аннотация: настоящее исследование посвящено комплексному анализу политических воззрений выдающегося русского дипломата, государственного канцлера Российской империи Александра Михайловича Горчакова (1798-1883), занимавшего пост министра иностранных дел в период с 1856 по 1882 год. Целью работы является реконструкция целостной системы внутриполитических и внешнеполитических взглядов А.М. Горчакова на основе анализа документов личного происхождения (циркуляров, депеш, мемуарных свидетельств, эпистолярного наследия) и трудов отечественных исследователей. Задачи исследования включают: выявление концептуальных оснований горчаковской дипломатии; определение соотношения консервативных и реформаторских компонентов его политической философии; анализ доктрины «сосредоточения» как стратегического ответа на поражение в Крымской войне; оценку его взглядов на роль России в европейском концерте держав; обоснование актуальности горчаковского наследия для современной российской внешней политики. В ходе исследования установлено, что А.М. Горчаков сформировал оригинальную доктрину, синтезирующую принципы национального суверенитета, прагматизма и нравственного достоинства державы. Практическая значимость работы определяется возможностью использования концептуальных подходов Горчакова при разработке современной внешнеполитической стратегии Российской Федерации в условиях многополярного миропорядка, а также применения материалов исследования в учебных курсах по истории дипломатии, политологии и международных отношений.

Ключевые слова: А.М. Горчаков, российская дипломатия, внешняя политика Российской империи, доктрина сосредоточения, Парижский трактат 1856 года, циркуляр 1870 года, европейский концерт, национальный суверенитет, многополярный мир

Для цитирования: Герман Р.Э. Политические взгляды А.М. Горчакова: внутриполитическое и внешнеполитическое измерения дипломатического наследия канцлера Российской Империи // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 26 – 31. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-26-31

Поступила в редакцию: 5 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Political views of A.M. Gorchakov: domestic and foreign policy dimensions of the diplomatic legacy of the Chancellor of the Russian Empire

¹ German R.E.,

¹ Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: this study is devoted to a comprehensive analysis of the political views of the outstanding Russian diplomat, State Chancellor of the Russian Empire Alexander Mikhailovich Gorchakov (1798-1883), who served as Minister of Foreign Affairs from 1856 to 1882. The aim of the work is to reconstruct the integral system of domes-

tic and foreign policy views of A.M. Gorchakov based on the analysis of documents of personal origin (circulars, dispatches, memoirs, epistolary heritage) and the works of domestic researchers. The research objectives include: identifying the conceptual foundations of Gorchakov's diplomacy; determining the relationship between conservative and reformist components of his political philosophy; analyzing the doctrine of «concentration» as a strategic response to defeat in the Crimean War; evaluating his views on Russia's role in the European concert of powers; substantiating the relevance of Gorchakov's legacy for modern Russian foreign policy. In the course of the study, it was established that A.M. Gorchakov formed an original doctrine synthesizing the principles of national sovereignty, pragmatism and moral dignity of the state. The practical significance of the work is determined by the possibility of using Gorchakov's conceptual approaches in the development of the modern foreign policy strategy of the Russian Federation in a multipolar world order, as well as the application of research materials in training courses on the history of diplomacy, political science and international relations.

Keywords: A.M. Gorchakov, Russian diplomacy, the foreign policy of the Russian Empire, the doctrine of concentration, the Paris Treaty of 1856, the circular of 1870, the European concert, national sovereignty, the multipolar world

For citation: German R.E. Political views of A.M. Gorchakov: domestic and foreign policy dimensions of the diplomatic legacy of the Chancellor of the Russian Empire. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 26 – 31. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-26-31

The article was submitted: June 5, 2026; Approved after reviewing: July 3, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Фигура светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова занимает в истории российской дипломатии исключительное место. Возглавив Министерство иностранных дел в драматический момент после Крымской катастрофы и подписания унижительного Парижского трактата 1856 года, он сумел в течение полутора десятилетий не только восстановить международные позиции России, но и обеспечить ей статус великой европейской державы, способной к самостоятельным геополитическим решениям [3, с. 45]. Феномен горчаковской дипломатии давно стал предметом научного интереса, однако в условиях современных трансформаций мирового порядка и формирования многополярной системы международных отношений обращение к политическому наследию канцлера приобретает не только академическую, но и прикладную актуальность [6, с. 112].

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, концептуальные подходы Горчакова к обеспечению национальных интересов России в условиях враждебного внешнеполитического окружения сохраняют эвристическую ценность для современной российской дипломатии [1, с. 78]. Во-вторых, политические взгляды канцлера представляют собой уникальный пример синтеза европейской образованности и национального самосознания, что особенно значимо в эпоху ценностного противостояния России и коллективного Запада [13, с. 23]. В-третьих, изучение внутривнутриполитических воззрений Горчакова, нередко остающихся в тени его внешнеполитических достижений, позволяет глубже понять связь между внутренним устройством государства и его международным положением.

Объектом исследования выступает политическая деятельность и идейное наследие А.М. Горчакова. Предметом – система его внутривнутриполитических и внешнеполитических взглядов в их взаимосвязи и эволюции. Хронологические рамки охватывают период с 1820-х годов (начало дипломатической карьеры) до 1882 года (отставка с поста министра).

Степень научной разработанности темы характеризуется наличием обширной историографии, включающей классические труды С.С. Татищева, исследования советского периода (работы В.Г. Сироткина, А.Л. Нарочницкого), а также современные изыскания Н.С. Киняпиной, В.Н. Виноградова, О.Р. Айрапетова, В.В. Дегоева, С.В. Лаврова, А.И. Кузнецова, П.И. Королева, О.В. Жидковой, М.А. Шпаковской, О.Ю. Волковой, А.А. Комзоловой, А.П. Цыганкова, П.П. Черкасова [18, с. 156]. Вместе с тем, целостная реконструкция политико-философских оснований горчаковской доктрины с учетом всего корпуса источников личного происхождения по-прежнему остается актуальной задачей; кроме того, в большинстве работ внимание исследователей сосредоточено на анализе внешнеполитических взглядов и дипломатической деятельности А.М. Горчакова, нами же рассмотрены и внутривнутриполитические воззрения канцлера Российской империи.

Материалы и методы исследований

Источниковую (информационную) базу исследования составляют несколько групп материалов. Первая группа – официальные документы Министерства иностранных дел, опубликованные в сборнике, изданном в память 25-летия управления Министерством иностранных дел Александром Михайловичем Горчаковым [14]. Вторая группа – документы личного происхождения А.М. Горчакова: дипломатические циркуляры и депеши [14; 16, с. 103-107], записки [8, с. 365-378], частная переписка канцлера с членами семьи и близким окружением [5]. Третья группа – мемуары и воспоминания императора Александра II, включающие сведения и об А.М. Горчакове [2]. Теоретическую основу работы составила современная научная литература по теме исследования.

Методологическая основа работы базируется на принципах историзма, объективности и системности. В исследовании применены следующие методы: историко-генетический (для реконструкции эволюции взглядов Горчакова), историко-сравнительный (для сопоставления горчаковской доктрины с подходами других государственных деятелей эпохи – К.В. Нессельроде, О. фон Бисмарка, Б. Дизраэли), историко-типологический (для классификации внешнеполитических концепций), биографический метод, контент-анализ дипломатических документов, а также дискурс-анализ текстов, позволяющий выявить системные основания политического мировоззрения [12, с. 15-27]. Применение указанного методологического инструментария обеспечивает комплексный характер исследования и научную верифицируемость полученных результатов.

Результаты и обсуждения

Политические взгляды А.М. Горчакова складывались под влиянием нескольких факторов: блестящего образования, полученного в Царскосельском лицее (где он учился вместе с А.С. Пушкиным), длительной дипломатической службы в европейских столицах (Лондон, Рим, Берлин, Флоренция, Штутгарт, Вена), а также личного знакомства с ведущими политическими деятелями эпохи – К. Меттернихом, О. фон Бисмарком, Наполеоном III [15, с. 67]. Лицейское воспитание сформировало в нем глубокое чувство патриотизма, преданности престолу и одновременно – рациональный, просвещенческий взгляд на государственное управление. Как отмечал сам канцлер в одном из писем: «Россия не сердится, Россия сосредоточивается» – эта формула, ставшая визитной карточкой его доктрины, выражала не пассивность, а внутреннюю собранность державы, готовящейся к восстановлению своего достоинства [9, с. 45].

Существенное влияние на формирование его взглядов оказал негативный опыт деятельности предшественника – К.В. Нессельроде, чья политика «легитимизма» и безусловной поддержки принципов Священного союза, по убеждению Горчакова, привела Россию к дипломатической изоляции в период Крымской войны [11, с. 250]. Горчаков сделал из этого опыта принципиальный вывод: российская внешняя политика должна базироваться не на идеологических конструкциях, но на трезвом расчете национальных интересов.

Внутриполитические воззрения канцлера, хотя и формировались преимущественно через призму его дипломатической деятельности, представляют собой целостную систему. Горчаков был убежденным сторонником умеренных реформ Александра II, видя в них необходимое условие восстановления международного авторитета России. В своих записках он неоднократно подчеркивал прямую связь между внутренним устройством государства и его внешнеполитическим весом: «Никакая дипломатия не возместит того, что упущено внутри страны» [7, с. 60].

Канцлер поддерживал отмену крепостного права 1861 года, судебную реформу 1864 года, военные преобразования Д.А. Милютин, рассматривая их как фундамент будущего могущества империи. Вместе с тем Горчаков оставался убежденным монархистом и государственнымником, отвергая радикальные либеральные и тем более революционные проекты. Его политический идеал – сильное самодержавие, опирающееся на просвещенное чиновничество, дворянство и постепенно модернизирующееся общество [4, с. 122]. В отношении национального вопроса Горчаков придерживался прагматичной позиции: признавая необходимость уважения культурных особенностей народов империи, он одновременно настаивал на безусловном приоритете государственного единства и подавлении сепаратистских движений, что особенно ярко проявилось в его дипломатической защите российской позиции во время Польского восстания 1863-1864 годов [10, с. 71].

Существенно, что Горчаков видел в дипломатии не только инструмент защиты внешних интересов, но и средство обеспечения благоприятных условий для внутренних преобразований. Доктрина «сосредоточения» имела, таким образом, не только внешнеполитическое, но и внутриполитическое измерение – она предполагала концентрацию ресурсов государства на решении задач внутреннего развития [17, с. 134].

Внешнеполитические взгляды Горчакова представляют собой оригинальную систему, основанную на нескольких базовых принципах. Первый принцип – приоритет национальных интересов над идеологическими конструкциями. В отличие от своего предшественника, Горчаков отказался от безусловной приверженности принципам легитимизма, что позволило России проводить гибкую и прагматичную политику, выстраивая отношения с теми державами, союз с которыми отвечал актуальным интересам империи [3, с. 67].

Второй принцип – доктрина «сосредоточения», изложенная в циркуляре 1856 года. Эта концепция предполагала временный отказ от активной экспансионистской политики в Европе при одновременном накоплении внутренних ресурсов и постепенном восстановлении международных позиций. Горчаков понимал «сосредоточение» не как изоляционизм, а как стратегическую паузу, необходимую для подготовки реванша дипломатическими средствами [1, с. 89].

Третий принцип – концепция «нравственной силы» дипломатии. Канцлер был убежден, что престиж и моральный авторитет государства составляют не менее важный ресурс внешней политики, чем военная мощь. В одной из депеш он писал: «Достоинство державы есть капитал, который дипломат обязан беречь не менее, чем государственную казну» [14, с. 156]. Этот подход обусловил его настойчивое стремление к отмене унижительных ограничений Парижского трактата.

Четвертый принцип – гибкая система союзов. Горчаков мастерски использовал противоречия между европейскими державами, последовательно сближаясь то с Францией (в 1859-1863 годах), то с Пруссией (в период франко-прусской войны 1870-1871 годов), то участвуя в создании «Союза трех императоров» (1873). При этом канцлер всегда сохранял свободу маневра, избегая жестких обязательств, способных ограничить суверенитет российской политики.

Кульминацией горчаковской дипломатии стал циркуляр от 19 (31) октября 1870 года, в котором Россия в одностороннем порядке объявила об отказе от соблюдения ограничительных статей Парижского трактата, касавшихся нейтрализации Черного моря. Это решение, принятое в момент разгрома Франции Пруссией и согласованное с Бисмарком, стало триумфом «сосредоточения» – Россия вернула себе суверенные права на Черном море дипломатическими средствами, без единого выстрела [15, с. 178]. Лондонская конференция 1871 года юридически закрепила этот успех.

Особое место во внешнеполитической доктрине канцлера занимал Восточный вопрос. Горчаков рассматривал поддержку славянских народов Балкан как историческую миссию России, обусловленную общностью веры, культуры и исторической памяти [9, с. 42]. Вместе с тем он стремился избежать прямого военного столкновения с европейскими державами, отдавая предпочтение дипломатическим методам решения восточных проблем. Берлинский конгресс 1878 года, ревизовавший условия Сан-Стефанского мира, канцлер сам охарактеризовал как «самую черную страницу» в своей служебной деятельности [11, с. 249]. Этот эпизод выявил пределы возможностей даже самой искусной дипломатии в условиях коалиционного давления европейских держав.

Концептуальные подходы А.М. Горчакова сохраняют значительный эвристический потенциал для современной российской внешней политики. В условиях формирования многополярного миропорядка и обострения противостояния России с коллективным Западом доктрина «сосредоточения» обретает новое прочтение [6, с. 156]. Принципы стратегического планирования, приоритета национальных интересов, гибкости в выборе партнеров и одновременной твердости в защите суверенитета – все эти элементы горчаковского наследия органично интегрируются в современную внешнеполитическую концепцию Российской Федерации [13, с. 32].

Особую актуальность приобретает горчаковский тезис о неразрывной связи внутренней силы государства и его внешнеполитического веса. В современных условиях это означает необходимость технологического суверенитета, демографического возрождения, культурно-ценностной консолидации общества как фундамента подлинно независимой внешней политики [7, с. 62]. Горчаковская концепция «нравственной силы» дипломатии находит отражение в современном российском подходе к международным отношениям, основанном на принципах справедливости, уважения суверенитета и неприятия «правил», навязываемых вне международного права [17, с. 135].

Не менее значимым представляется горчаковский опыт использования межимпериалистических противоречий и формирования гибких партнерств. Современный поворот России на Восток, развитие отношений с КНР, Индией, странами Глобального Юга в рамках БРИКС и ШОС типологически близок горчаковской стратегии диверсификации внешнеполитических связей [13, с. 20; 17, с. 139].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов. Во-первых, политические взгляды А.М. Горчакова представляют собой целостную систему, объединяющую внутривнутриполитическое и внешнеполитическое измерения на основе единой идеи национального достоинства и государственного суверенитета России. Во-вторых, горчаковская доктрина «сосредоточения» является не выражением слабости или изоляционизма, но оригинальной стратегической концепцией, предполагающей синтез внутренней модернизации и дипломатического восстановления международных позиций державы. В-третьих, канцлер сумел выработать уникальный синтез прагматизма и нравственных оснований внешней политики, что обеспечило долгосрочную устойчивость его дипломатических достижений. В-четвертых, наследие Горчакова сохраняет значительный потенциал для современной российской внешнеполитической стратегии – его принципы стратегического планирования, защиты национального суверенитета, гибкости союзов и приоритета национальных интересов органично соответствуют задачам России в условиях многополярного мира. В-пятых, актуализация горчаковского наследия требует системного обращения к источникам личного происхождения и продолжения научно-исследовательской работы по реконструкции концептуальных оснований русской дипломатической традиции, что имеет как научное, так и практическое значение для подготовки современных кадров российской дипломатии и формирования национально-ориентированной внешнеполитической доктрины.

Список источников

1. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М.: «Европа», 2006. 672 с.
2. Александр Второй. Воспоминания. Дневники / вступ. ст., сост., примеч. и подгот. текста В.Г. Чернухи]. СПб.: Пушкин. фонд, 1995. 444 с.
3. Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М.: «Наука», 2005. 302 с.
4. Волкова О.Ю. Министр иностранных дел Горчаков Александр Михайлович (1856-1882 гг.) // Международная жизнь. 2002. № 2. С. 119 – 128.
5. Горчаков А.М. Переписка князя А.М. Горчакова с родными и близкими. М.: Любимая Россия, 2008. 398 с.
6. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 494 с.
7. Жидкова О.В., Шпаковская М.А. Оценка деятельности канцлера А.М. Горчакова в отечественной историографии (к 220-летию со дня рождения А.М. Горчакова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 55 – 69.
8. Записка А. М. Горчакова «О внешней политике России с 1856 по 1867 год» // Лопатников В.А. Горчаков: время и служение. М.: 2015. С. 365 – 378.
9. Киняпина Н.С. А.М. Горчаков // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 21 – 48.
10. Комзолова А.А. Польское восстание 1863-1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2023. № 1. С. 68 – 74.
11. Королев П.И. Деятельность российско-германских дипломатических ведомств в период 1856-1871 гг. (на материалах АВПРИ) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 6 (86). С. 247 – 253.
12. Кузнецов А.И. «Наследуя предания, освященные временем...». Из истории российской внешнеполитической доктрины // Полития. Зима 2004-2005. № 4 (35). С. 15 – 27.
13. Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России. Размышления на новом этапе международного развития // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. С. 18 – 34.
14. Сборник, изданный в память двадцатипятилетия управления Министерством иностранных дел государственного канцлера светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. 1856-1881. СПб.: 1881. 234 с.
15. Татищев С.С. Император Александр II: его жизнь и царствование: 1818-1881 / подгот. текста (современная версия) М. Татариновой. М.: Эксмо, 2009. 446 с.
16. Циркулярная депеша министра иностранных дел России А.М. Горчакова к представителям России при дворах держав, подписавших Парижский трактат 1856 года // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М.: Политиздат, 1952. С. 103 – 107.

17. Цыганков А.П. Сосредоточение не по Горчакову. Цивилизационная геополитика на рубеже веков // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. С. 130 – 141.

18. Черкасов П.П. Рождение Третьей республики во Франции глазами русского дипломата (сентябрь 1870 года – май 1871 года) // Новая и новейшая история. 2023. Вып. 6. С. 143 – 160.

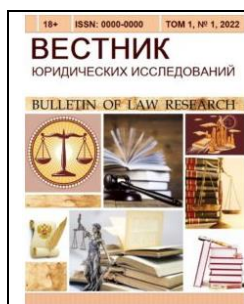
References

1. Airapetov O.R. Foreign Policy of the Russian Empire (1801-1914). Moscow: "Europa", 2006. 672 p.
2. Alexander II. Memories. Diaries. introduction, compiled, notes and text preparation by V.G. Chernukhi]. St. Petersburg: Pushkin. fond, 1995. 444 p.
3. Vinogradov V.N. The Balkan Epic of Prince A.M. Gorchakov. Moscow: "Nauka", 2005. 302 p.
4. Volkova O.Yu. Minister of Foreign Affairs Gorchakov Alexander Mikhailovich (1856-1882). International Affairs. 2002. No. 2. P. 119 – 128.
5. Gorchakov A.M. Correspondence of Prince A. M. Gorchakov with His Family and Friends. Moscow: Lyubimaya Rossiya, 2008. 398 p.
6. Degoev V.V. Russia's Foreign Policy and International Systems: 1700-1918. Moscow: ROSSPEN, 2004. 494 p.
7. Zhidkova O.V., Shpakovskaya M.A. Assessment of Chancellor A. M. Gorchakov's Activities in Russian Historiography (on the 220th Anniversary of A. M. Gorchakov's Birth). Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2018. No. 4. P. 55 – 69.
8. Note by A.M. Gorchakov "On Russia's Foreign Policy from 1856 to 1867". Lopatnikov V.A. Gorchakov: Time and Service. Moscow: 2015. P. 365 – 378.
9. Kinyapina N.S. A.M. Gorchakov. Questions of History. 1997. No. 12. P. 21 – 48.
10. Komzolova A.A. The Polish Uprising of 1863-1864 in the Context of European Diplomacy: Modern Assessments of Russian Historians. Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 5: History. 2023. No. 1. P. 68 – 74.
11. Korolev P.I. Activities of the Russian-German Diplomatic Departments in the Period 1856-1871 (Based on the Materials of the Association of German and German Diplomatic Missions). Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences. 2010. Issue 6 (86). P. 247 – 253.
12. Kuznetsov A.I. "Inheriting the Traditions Sanctified by Time..." From the History of Russian Foreign Policy Doctrine. Polity. Winter 2004-2005. No. 4 (35). P. 15 – 27.
13. Lavrov S.V. Historical Perspective of Russia's Foreign Policy. Reflections on the New Stage of International Development. Russia in Global Affairs. 2016. No. 2. P. 18 – 34.
14. Collection published in memory of the twenty-fifth anniversary of the administration of the Ministry of Foreign Affairs by State Chancellor, His Serene Highness Prince Alexander Mikhailovich Gorchakov. 1856-1881. St. Petersburg: 1881. 234 p.
15. Tatishchev S.S. Emperor Alexander II: His Life and Reign: 1818-1881. Text prepared by M. Tatarinova. Moscow: Eksmo, 2009. 446 p.
16. Circular Dispatch of Russian Foreign Minister A.M. Gorchakov to the Russian Representatives at the Courts of the Signatories of the Treaty of Paris of 1856. Collection of Treaties of Russia with Other States. 1856-1917. Moscow: Politizdat, 1952. P. 103 – 107.
17. Tsygankov A.P. Focus Not According to Gorchakov. Civilizational Geopolitics at the Turn of the Century. Russia in Global Affairs. 2017. No. 2. P. 130 – 141.
18. Cherkasov P.P. The Birth of the Third Republic in France through the Eyes of a Russian Diplomat (September 1870 – May 1871). Modern and Contemporary History. 2023. Issue 6. P. 143 – 160.

Информация об авторе

Герман Р.Э., кандидат исторических наук, доцент, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

© Герман Р.Э., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 351.777

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-32-44

Эффективность государственного управления в сфере экологической безопасности: механизмы, проблемы и направления совершенствования

¹ Мурашова-Росс А.В.,

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу эффективности государственного управления в сфере экологической безопасности Российской Федерации в условиях масштабной институциональной и цифровой трансформации отраслевой политики. На основе системного анализа деятельности Росприроднадзора в 2024-2025 гг., изучения нормативно-правовой базы, включая Федеральный закон от 29.12.2025 № 578-ФЗ, и оценки внедрения ФГИС «Экомониторинг», выявлены ключевые управленческие дисфункции: дублирование полномочий органов управления, дисбаланс между профилактическими и карательными механизмами, неравномерность правоприменения и дефицит публичности управленческих решений. Особое внимание уделено оценке внедрения цифровых инструментов управления – мобильного приложения «Инспектор», космического мониторинга и ФГИС «Экомониторинг» – как факторов повышения прозрачности и результативности экологического контроля. Обоснован вывод о необходимости системной трансформации экологического управления, включающей институционализацию экологической омбудсменской функции, завершение цифровизации на основе риск-ориентированного подхода и внедрение ключевых показателей эффективности для территориальных органов. Статья адресована специалистам в области публично-го управления, отраслевых политик, государственной службы и экологической безопасности.

Ключевые слова: государственное управление, экологическая безопасность, отраслевые политики, эффективность управления, Росприроднадзор, ФГИС «Экомониторинг», цифровая трансформация, профилактическая деятельность, риск-ориентированный подход

Для цитирования: Мурашова-Росс А.В. Эффективность государственного управления в сфере экологической безопасности: механизмы, проблемы и направления совершенствования // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 32 – 44. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-32-44

Поступила в редакцию: 6 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Efficiency of public administration in the sphere of environmental safety: mechanisms, problems and directions of improvement

¹ Murashova-Ross A.V.,

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Abstract: the article provides a comprehensive analysis of the efficiency of public administration in the sphere of environmental safety of the Russian Federation amid the large-scale institutional and digital transformation of sectoral policy. Based on a systemic analysis of the activities of Rosprirodnadzor in 2024-2025, a study of the regulatory framework, including Federal Law No. 578-FZ of 29 December 2025, and an assessment of the deployment

of the Federal State Information System «Ecomonitoring», the author identifies key administrative dysfunctions: the duplication of powers among governing bodies, the imbalance between preventive and punitive mechanisms, the unevenness of law enforcement and the deficit of transparency in managerial decisions. Particular attention is paid to assessing the adoption of digital management tools – the «Inspector» mobile application, satellite monitoring and the «Ecomonitoring» system – as factors that increase the transparency and effectiveness of environmental control. The author substantiates the conclusion on the need for a systemic transformation of environmental governance, including the institutionalization of an environmental ombudsman function, the completion of digitalization on the basis of a risk-oriented approach and the introduction of key performance indicators for territorial bodies. The article is addressed to specialists in the field of public administration, sectoral policies, public service and environmental safety.

Keywords: public administration, environmental safety, sectoral policies, management efficiency, Rosprirodnadzor, FSIS Ecomonitoring, digital transformation, preventive activities, risk-oriented approach

For citation: Murashova-Ross A.V. Efficiency of public administration in the sphere of environmental safety: mechanisms, problems and directions of improvement. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 32 – 44. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-32-44

The article was submitted: June 6, 2026; Approved after reviewing: July 4, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена фундаментальным значением экологической безопасности как приоритетной отраслевой политики современного российского государства [22]. Конституционная реформа 2020 года закрепила обязанность государства способствовать сохранению окружающей среды (ст. 75.1 Конституции РФ), а реализация национального проекта «Экология» (2019-2024 гг.) [7] и запуск нового федерального проекта «Экологическое благополучие» (2025-2030 гг.) [8] вывели экологическую проблематику в число стратегических приоритетов государственной политики.

Современное состояние государственного управления в сфере экологической безопасности характеризуется глубокой институциональной и технологической трансформацией. Анализ показывает, что, несмотря на значительные усилия со стороны государства, направленные на улучшение состояния окружающей среды, наблюдается диссонанс между декларируемыми целями и реальными результатами. Ключевые экологические индикаторы демонстрируют медленные или неоднозначные изменения, а общественное восприятие ситуации остается тревожным.

Особую актуальность теме придает масштабная цифровая трансформация контрольной деятельности: внедрение мобильного приложения «Инспектор», космического мониторинга, искусственного интеллекта для выявления неплательщиков, а также запуск первой очереди ФГИС «Экомониторинг» (25 декабря 2025 г.), призванной объединить данные 18 модулей наблюдения от 13 федеральных поставщиков. Однако, как показывают данные официальных отчетов и экспертные оценки, наполненность системы данными пока составляет лишь 61% от запланированного объема, а часть информации поступает с задержками, что находится на контроле у вице-премьера Дмитрия Патрушева.

Эмпирические данные свидетельствуют о сохранении системных управленческих проблем: экологические вопросы устойчиво входят в число основных поводов для локальной протестной активности, а граждане зачастую сталкиваются с административными барьерами при попытке отстаивания своих экологических прав. Это актуализирует научный поиск ответа на вопрос: почему система государственных механизмов, формально обладающая развитой институциональной структурой и активно внедряющая цифровые технологии, не обеспечивает ожидаемого уровня эффективности с точки зрения конечных бенефициаров – населения и состояния окружающей среды?

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы государственного управления в сфере экологической безопасности получили освещение в работах отечественных ученых, среди которых А.И. Соловьев [24], О.А. Павлютенкова [23], А.В. Фадеева [25], Е.В. Титкова [26], М.Д. Королева. Их исследования охватывают широкий спектр проблем: от институционального анализа экологической политики до оценки эффективности цифровых инструментов управления. В частности, в работах Королевой М.Д. (2026) проведен анализ эффективности реализации национального проекта «Экология» (2019-2024), выявлены системные проблемы в правовом регулировании, контроле и общественном участии, обоснована необходимость системной трансформации экологического управления, сочетающей ужесточение нормативных требований с

экономическими стимулами и активным вовлечением бизнеса и гражданского общества [21]. Однако комплексные исследования, интегрирующие анализ институциональных механизмов, цифровой трансформации и правоприменительной практики в единую систему оценки эффективности государственного управления, остаются недостаточно разработанными.

Цель исследования – комплексная оценка эффективности государственного управления в сфере экологической безопасности Российской Федерации и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию управленческих механизмов.

Материалы и методы исследований

Задачи исследования:

1. Систематизировать институциональные механизмы государственного управления экологической безопасностью на федеральном и региональном уровнях с учетом последних нормативно-правовых изменений.
2. Проанализировать результативность контрольно-надзорной и профилактической деятельности Росприроднадзора в 2024-2025 гг. на основе официальных статистических данных.
3. Оценить современное состояние и управленческий потенциал внедрения цифровых инструментов управления, включая ФГИС «Экомониторинг», мобильное приложение «Инспектор» и космический мониторинг.
4. Выявить системные управленческие дисфункции и институциональные разрывы в реализации экологической политики.
5. Разработать научно обоснованные рекомендации по повышению эффективности отраслевой политики в сфере экологической безопасности.

Объект исследования – государственное управление в сфере экологической безопасности Российской Федерации как специфическая отраслевая политика.

Предмет исследования – институциональные механизмы, управленческие практики и инструменты обеспечения экологической безопасности, а также факторы, определяющие их эффективность.

Методологическая основа исследования включает:

- институциональный анализ (изучение формальных норм и процедур государственного управления в сфере экологической безопасности, а также их соотношение с неформальными практиками взаимодействия контролирующих органов, бизнеса и граждан);
- неинституциональный подход (выявление неформальных практик, блокирующих эффективную реализацию формальных управленческих решений);
- метод анализа эффективности государственного управления (оценка результативности контрольной деятельности по критериям: соотношение выявленных нарушений и взысканного ущерба, динамика профилактических мероприятий, качество обратной связи с гражданами);
- метод кейс-стади (анализ конкретных управленческих ситуаций в субъектах РФ, включая практику взаимодействия уполномоченных по правам человека с природоохранными органами);
- сравнительный анализ (сопоставление официальных данных Росприроднадзора, судебной статистики и экспертных оценок).

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теоретических представлений об эффективности государственного управления в экологической сфере, систематизации факторов институциональных разрывов и разработке критериев оценки результативности отраслевой политики.

Практическая значимость исследования состоит в том, что содержащиеся в нем выводы и рекомендации могут быть использованы при совершенствовании государственной экологической политики, оптимизации контрольной деятельности Росприроднадзора, а также в образовательном процессе по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление» и «Политология».

Эмпирическая база исследования представлена:

- официальными отчетами и докладами Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) о результатах деятельности за 2024-2025 гг.;
- стенограммами заседаний Коллегии Росприроднадзора (05.06.2025) и заседания Совета Федерации «Итоги контрольной (надзорной) деятельности в РФ за 2025 год» (15.12.2025);
- данными о внедрении и функционировании ФГИС «Экомониторинг» (2025-2026 гг.);
- нормативно-правовыми актами (Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в актуальной редакции, Федеральный закон от 29.12.2025 № 578-ФЗ, Федеральный закон от 31.07.2025 № 294-ФЗ);

- судебной практикой Верховного Суда РФ по экологическим спорам (2025 г.);
- научными публикациями в рецензируемых журналах (2024-2026 гг.);
- отчетами о деятельности Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ по экологическим обращениям граждан.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2024-2026 гг., что позволяет проследить динамику управленческих показателей в условиях перехода от национального проекта «Экология» к новому федеральному проекту «Экологическое благополучие», а также оценить первые результаты внедрения цифровой платформы ФГИС «Экомониторинг».

Результаты и обсуждения

Правовую основу государственного управления в сфере экологической безопасности составляет иерархическая система нормативных правовых актов, определяющая цели, принципы, полномочия органов власти и механизмы реализации отраслевой политики.

На высшем уровне – Конституция РФ, которая в ст. 42 закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Конституционная реформа 2020 года дополнила Основной закон ст. 75.1, устанавливающей обязанность государства способствовать сохранению окружающей среды, что придало экологической функции государства конституционно-правовой статус [1].

Базовым отраслевым актом выступает Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон № 7-ФЗ). Статья 11 Закона устанавливает права граждан в области охраны окружающей среды, включая право создавать общественные объединения, направлять обращения в органы власти, участвовать в публичных мероприятиях и общественных обсуждениях, а также право предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного окружающей среде [2].

Важным направлением нормативно-правового развития в рассматриваемый период стало совершенствование разграничения полномочий между уровнями публичной власти. Федеральным законом от 31.07.2025 № 294-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Закон № 7-ФЗ введена статья 50.1, согласно которой правообладатели земельных участков, обладатели публичного сервитута обязаны проводить мероприятия по охране окружающей среды от распространения опасных видов инвазивных (чужеродных) растений и уничтожению таких растений. Перечень опасных видов инвазивных растений устанавливается нормативным правовым актом субъекта РФ [4], что усиливает региональную составляющую в управлении экологическими рисками.

Ключевым событием нормативно-правовой трансформации стало принятие Федерального закона от 29.12.2025 № 578-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон, вступающий в силу с 1 сентября 2026 года (кроме отдельных положений), кардинально перераспределяет полномочия в сфере охраны окружающей среды: на муниципалитеты возлагаются полномочия по организации мероприятий, направленных на охрану окружающей среды на своей территории [3]. Кроме того, в законе об ограничении выбросов парниковых газов закреплены понятия «высвобождение парниковых газов», «методология климатического проекта», «счет резервирования», а также скорректированы требования к климатическим проектам и порядок их реализации и регистрации в реестре углеродных единиц. Этот закон вносит изменения также в Федеральный закон «Об экологической экспертизе», уточняя полномочия органов местного самоуправления в этой сфере.

Значимым для управленческой практики является и Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1087 «О федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды» (в редакции от 15.11.2025), которое формирует нормативную базу для цифровой трансформации экологического управления, определяя порядок создания, эксплуатации и развития ФГИС «Экомониторинг» [5].

Стратегическим документом, определяющим вектор развития отраслевой политики, являются Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 года, утвержденные Президентом РФ 30.04.2012 № Пр-1102 [6].

Система органов государственной власти, реализующих экологическую политику, имеет сложную многоуровневую архитектуру.

Федеральный уровень представлен следующими ключевыми субъектами управления:

1. Министерство природных ресурсов и экологии РФ (Минприроды России) – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере охраны окружающей среды. Минприроды разрабатывает законопроект-

ты, утверждает нормативные правовые акты, координирует деятельность подведомственных служб и агентств.

2. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) – ключевой контрольно-надзорный орган, осуществляющий 8 видов государственного контроля: государственный экологический контроль (надзор); федеральный государственный надзор в области охраны атмосферного воздуха; федеральный государственный надзор в области обращения с отходами; федеральный государственный надзор в области использования и охраны водных объектов; государственный земельный контроль (в части земель всех категорий); федеральный государственный геологический контроль; государственный надзор в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий; государственный надзор за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр.

3. Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) – осуществляет мониторинг состояния окружающей среды, включая наблюдения за загрязнением атмосферного воздуха, поверхностных вод, почв, а также радиационную обстановку.

4. Природоохранная прокуратура – специализированное подразделение органов прокуратуры, осуществляющее надзор за исполнением экологического законодательства.

5. Следственный комитет РФ – расследует экологические преступления, предусмотренные главой 26 Уголовного кодекса РФ.

Региональный уровень представлен министерствами, комитетами и департаментами природных ресурсов и охраны окружающей среды субъектов РФ. Они реализуют переданные государственные полномочия, осуществляют региональный государственный экологический контроль, разрабатывают и реализуют региональные экологические программы.

Местный уровень после вступления в силу Федерального закона № 578-ФЗ от 29.12.2025 получает расширенные полномочия: выявление объектов накопленного вреда окружающей среде и организация его ликвидации применительно к территории, расположенной в границах земельных участков, находящихся в собственности соответствующего муниципального образования.

Ключевой тенденцией в развитии государственного управления экологической безопасностью в 2024–2025 гг. является последовательный переход от преимущественно карательной модели контроля к риск-ориентированной и профилактической. Как отметила руководитель Росприроднадзора Светлана Радионова на Коллегии ведомства 5 июня 2025 года: «Экология – это про ответственность. Сегодня, завтра, всегда. За последние годы в экологической повестке России произошёл настоящий сдвиг. Катастрофа в Норильске в 2020-м стала поворотным моментом. После этого был чётко обозначен принцип: "загрязнитель платит". И он работает» [10].

Принцип «загрязнитель платит» получил институциональное оформление в виде «окрашивания» экологических платежей – они направляются строго на устранение вреда, а не в общий бюджет. Реализуется расширенная ответственность производителей (РОП), что в 2024 году привело к увеличению утилизации отходов на 27% по сравнению с предыдущим периодом.

Важным элементом профилактической модели является смещение акцента с проверочных мероприятий на профилактику. Как сообщила С. Радионова на заседании Совета Федерации 15 декабря 2025 года: «Сейчас ведомство осуществляет 8 видов государственного контроля, при этом основной акцент постепенно смещается с проверочных мероприятий на профилактику» [11]. Активное применение профилактических мер в отношении природопользователей с конца 2024 года дало свои результаты.

В 2024 году проведено более 8 тысяч профилактических визитов, выдано свыше 72 тысяч предостережений. В 2025 году эти показатели значительно выросли: Росприроднадзор провел 92 тыс. 370 профилактических мероприятий в рамках федерального государственного экологического контроля. Осуществлено 5 тыс. 943 проверки и 18 тыс. 016 выездных обследований и наблюдений без взаимодействия с контролируруемыми лицами [12].

При этом, как подчеркивается в официальных сообщениях, «ключевая задача Службы – не штрафовать, а предотвращать нарушения. Росприроднадзор ведет масштабную работу по профилактике: разъясняет требования законодательства, выстраивает диалог с бизнесом и помогает предприятиям заблаговременно устранять риски». «Контроль, профилактика и диалог с бизнесом – основа нашей работы. А цифровые технологии и искусственный интеллект помогают точнее находить проблемы и быстрее их решать», – отметила руководитель Росприроднадзора.

Деятельность Росприроднадзора в 2024-2025 гг. характеризуется положительной динамикой ключевых финансовых и контрольных показателей, что свидетельствует о повышении эффективности администрирования экологических платежей.

Поступления в бюджетную систему:

- Экологический сбор в 2024 году составил 21,6 млрд рублей.
- Плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС) достигла 23,3 млрд рублей.
- Деятельность Росприроднадзора в 2024 году обеспечила почти 32,5 млрд рублей поступлений в консолидированный бюджет, что на 30% превысило прогнозные показатели [9].

Результаты надзорной деятельности:

1. В 2024 году предъявлено ущерба на 124 млрд рублей, взыскано – более 12 млрд рублей.
2. В 2025 году выявлено 29 тыс. 305 нарушений, возбуждено 12 тыс. 875 дел об административных правонарушениях, сумма назначенных штрафов превысила 547 млн рублей.
3. По итогам контрольно-надзорных мероприятий в 2025 году в сфере геологического контроля выявлено 6866 нарушений обязательных требований, общая сумма вынесенных штрафов составила 79,2 млн рублей.

Профилактическая эффективность:

Проверки по индикаторам риска показывают высокую эффективность – более 90%.

Решения Росприроднадзора редко обжалуют, а большинство дел в судах Служба выигрывает.

Катастрофа в Норильске (2020 год) стала, по единодушному признанию экспертов и официальных лиц, «поворотным моментом» в экологической политике России. Именно после этого события был четко обозначен и начал последовательно реализовываться принцип «загрязнитель платит».

Практические результаты реализации данного принципа включают:

1. «Окрашивание» экологических платежей – они направляются строго на цели ликвидации накопленного вреда.
2. Расширенная ответственность производителей (РОП) – в 2024 году утилизировано отходов на 27% больше, чем в предыдущем периоде.
3. Проведено обследование более 230 объектов накопленного вреда на территории 49 регионов.
4. Создан реестр утилизаторов, однако 92% оборудования – иностранное, что создает технологические риски для устойчивости системы утилизации.

Росприроднадзор последовательно внедряет цифровые инструменты управления. С 2020 по 2025 год количество услуг ведомства, предоставляемых в цифровом виде, выросло в 16 раз.

Ключевые цифровые решения:

- Личный кабинет природопользователя – позволил бизнесу экономить сотни миллионов рублей на административных издержках.
- Искусственный интеллект – помогает выявлять тех, кто не платит за НВОС.
- Космический мониторинг – 85% нарушений в сфере недропользования выявлены по спутниковым данным.
- Беспилотные летательные аппараты и лазерное сканирование – стали стандартной процедурой экоконтроля.
- Мобильное приложение «Инспектор» – с его помощью в 2025 году проведены свыше 4 тыс. дистанционных оценок соответствия лицензиатов лицензионным требованиям, а фото- и видеофиксация стала обычной частью работы.
- Дистанционные проверки – в 2025 году проведено более 6 тысяч дистанционных проверок.

Федеральная государственная информационная система «Экомониторинг» (ФГИС «Экомониторинг») является ключевым проектом цифровой трансформации государственного экологического управления. Первая очередь системы введена в эксплуатацию 25 декабря 2025 года.

Ключевые характеристики системы:

Таблица 1

Ключевые характеристики ФГИС «Экомониторинг».

Table 1

Key characteristics of the Federal State Information System "EcoMonitoring."

Параметр	Значение
Модули мониторинга	18 (воздух, вода, почвы, леса, ООПТ и др.)
Поставщики данных	13 федеральных ведомств (Росгидромет, Рослесхоз, Росприроднадзор)
Наборы данных	366
Бюджет создания	500 млн рублей
Бюджет развития (3 года)	1,3 млрд рублей

Источник: доклад заместителя министра природных ресурсов и экологии РФ Дениса Буцаева на расширенном заседании Комитета по экологии, 18.02.2026.

Source: Report by Deputy Minister of Natural Resources and Environment of the Russian Federation Denis Butsaev at an extended meeting of the Ecology Committee, 18 February 2026.

ФГИС уже обеспечивает цифровизацию трех государственных функций: сбор отчетности водопользователей, проведение общественных обсуждений экологически значимых объектов и ведение кадастра особо охраняемых природных территорий (ООПТ) [13].

Система будет не только констатировать факты загрязнения, но и прогнозировать экологические риски. Используя данные Росгидромета о направлении ветра, информацию об объемах производства и математическое моделирование, платформа сможет определить конкретный источник выброса вредных веществ.

Как пояснил депутат Александр Коган: датчик на промышленном объекте фиксирует превышение норм выбросов, после чего автоматически формируется протокол о нарушении и направляется в Росприроднадзор. Инспектору остается только инициировать административное дело.

Несмотря на значительный потенциал, внедрение ФГИС «Экомониторинг» сталкивается с серьезными трудностями, которые снижают эффективность системы как управленческого инструмента.

Первая проблема: неполнота данных. Наполненность системы составляет лишь 61% от запланированного объема данных. Часть информации поступает от ведомств-поставщиков с задержками. Этот вопрос находится на контроле у вице-премьера Дмитрия Патрушева.

Вторая проблема: технические сбои и недостаточная производительность. Пользователи системы сообщают о многочисленных проблемах, включая сбои в работе, некорректное функционирование электронной цифровой подписи, отсутствие оперативной реакции технической поддержки. Данные проблемы характерны не только для ФГИС «Экомониторинг», но и для других государственных информационных систем. Как отмечается в документах Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ) за 2026 год, среди наиболее острых проблем цифровизации государственного управления называются технические сбои, избыточная отчетность, дефицит квалифицированного персонала для работы с системами, отсутствие должной интеграции между различными ФГИС, а также вопросы достоверности вносимых данных.

Третья проблема: ограниченная интеграция с региональными системами. Вторая очередь системы (2026–2027 годы) предусматривает дооснащение, подключение региональных платформ и использование данных дистанционного зондирования Земли.

Четвертая проблема: кадровый дефицит. Дефицит квалифицированного персонала для работы с ФГИС ограничивает возможности полноценного использования системы в управленческой практике.

В числе приоритетов развития системы – интеграция автоматического контроля выбросов в рамках проекта «Чистый воздух», внедрение математических моделей прогнозирования качества воздуха и автоматизация контрольно-надзорной деятельности. Отдельно обсуждается возможность перехода к риск-ориентированному подходу: фиксация превышений выбросов в режиме реального времени, автоматическое формирование материалов по нарушениям и контроль корректности расчетов платы за НВОС.

Комитет по экологии Госдумы предложил ввести жесткие меры для недобросовестных предприятий: если система автоматического контроля не работает или регулярно отключается, это станет основанием для внеплановой проверки [14].

Как отмечается в официальных документах, «от полноты и достоверности данных в ФГИС "Экомониторинг" напрямую зависит эффективность экоконтроля и здоровье граждан». Система должна стать инструментом, который минимизирует человеческий фактор и повышает прозрачность экологического контроля.

Следующий шаг – использование данных системы как основы для управленческих решений и надзорных мер. По итогам заседания Комитета по экологии Госдумы (18.02.2026) планируется подготовить зако-

нодательные инициативы по цифровизации экологического контроля и усилению ответственности за нарушения природоохранного законодательства.

На основе анализа официальных данных, судебной практики и экспертных оценок можно выделить следующие системные дисфункции государственного управления в сфере экологической безопасности.

Первый институциональный разрыв: дублирование полномочий и слабая координация. Экологический контроль осуществляют несколько ведомств (Росприроднадзор, Россельхознадзор, Роспотребнадзор, природоохранная прокуратура), что порождает дублирование функций и снижает эффективность использования административных ресурсов.

Второй разрыв: дисбаланс профилактической и карательной функций. Хотя декларируется переход к профилактической модели, на региональном уровне сохраняется практика «закручивания гаек» в отношении малого и среднего бизнеса при одновременной лояльности к крупным промышленным предприятиям, имеющим административный ресурс.

Третий разрыв: низкая публичность управленческих решений. Ограниченный доступ граждан к экологической информации, неразвитость механизмов участия общественности в принятии экологически значимых решений, формальный характер публичных слушаний – все это снижает легитимность управленческих решений и провоцирует протестную активность [27].

Четвертый разрыв: дефицит обратной связи с гражданами. Система управления не ориентирована на реальные запросы населения. Как показывает анализ, подавляющее большинство дел об экологических правонарушениях возбуждается по инициативе надзорных органов, а не по заявлениям пострадавших граждан. Это свидетельствует о низкой правовой активности населения, что связано как с правовым нигилизмом, так и с объективными административными барьерами.

Пятый разрыв: неравномерность правоприменения. Крупные промышленные предприятия, имеющие административный ресурс, зачастую избегают ответственности или получают несопоставимые с причиненным вредом наказания.

Анализ судебной практики Верховного Суда РФ за 2025 год позволяет выявить характерные управленческие коллизии в экологической сфере.

Показательным является дело № А07-43579/2023, рассмотренное Верховным Судом РФ 03.06.2025. Решением Арбитражного суда Республики Башкортостан от 06.06.2024, оставленным без изменения вышестоящими инстанциями, индивидуальный предприниматель был обязан прекратить выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников загрязнения [15]. Верховный Суд отказал в передаче кассационной жалобы предпринимателя для рассмотрения в судебном заседании, подтвердив законность и обоснованность принятых судебных актов. Это решение демонстрирует способность судебной системы обеспечивать принудительное прекращение экологически вредной деятельности [17].

Другим значимым судебным актом является Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 01.04.2025 № АПЛ25-67, которым оставлено без изменения решение Верховного Суда РФ от 30.01.2025 № АКПИ24-1001. Суд отказал в удовлетворении заявления о признании недействующим абзаца третьего подпункта 8 пункта 1 критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий [16].

Как отмечается в аналитическом обзоре, посвященном 8-летию Постановления Пленума ВС № 49, этот документ «усилил роль суда в экологических спорах, где присутствует публичный интерес». «При рассмотрении исков о прекращении экологически вредной деятельности суд обязан учитывать не только факт нарушения, но и социально-экономические последствия своего решения» (п. 27 ПП ВС № 49). Суды вынуждены балансировать между экологическими требованиями и экономическими интересами, что создает дополнительные сложности для единообразного правоприменения [18].

Опыт Республики Дагестан, освещенный в отчете Уполномоченного по правам человека за 2025 год, показывает, что эффективное решение экологических проблем требует системного межведомственного взаимодействия. Уполномоченный по правам человека в Республике Дагестан отмечает: «вопросы экологической безопасности требуют системного межведомственного взаимодействия и принятия последовательных решений, направленных на защиту прав граждан и сохранение природного потенциала». В течение 2025 года в адрес Уполномоченного поступали многочисленные обращения жителей, связанные с нарушениями права на благоприятную окружающую среду. Как отмечает Уполномоченный, «эти вопросы затрагивают большое количество граждан. Речь идет не только о бытовых неудобствах, но прежде всего о нарушении конституционных прав – права на благоприятную окружающую среду и права на охрану здоровья» [19].

В Санкт-Петербурге в 2025 году открылся офис общественного эколога («Зеленый офис») – первый комплексный эко-сервис, объединяющий юристов, экологов, экспертов в области охраны памятни-

ков, урбанистов и депутатов. Функционал общественного эко-омбудсмента включает прием жалоб граждан на вырубку деревьев, засорение водоемов, неприятные запахи, застройку скверов; оперативный выезд на место и фиксацию нарушений; составление запросов в компетентные органы; участие в инвентаризации зеленых зон, защищенных от застройки; развитие раздельного сбора мусора. Это гражданская инициатива, которая фактически компенсирует недостаток государственной обратной связи с населением, демонстрируя высокий общественный запрос на создание специализированного механизма защиты экологических прав [20].

Учитывая высокий общественный запрос на создание специализированного механизма защиты экологических прав, а также успешный опыт функционирования общественных эко-омбудсменов в Санкт-Петербурге и других регионах, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о введении на федеральном уровне должности Уполномоченного по экологическим правам (экологического омбудсмента) при Президенте РФ.

Такой институт позволит:

- снизить бюрократические барьеры для граждан при обращении по вопросам нарушения экологических прав;
- обеспечить оперативное реагирование на экологические конфликты на ранней стадии, предотвращая их перерастание в протестную активность;
- создать устойчивый канал обратной связи между гражданами и органами государственной власти;
- осуществлять системный мониторинг соблюдения экологических прав граждан.

Приоритетными задачами в сфере цифровой трансформации государственного экологического управления являются:

1. Достижение 100% наполнения ФГИС «Экомониторинг» данными – обеспечение своевременного и полного предоставления информации всеми ведомствами-поставщиками.
2. Обеспечение стабильной работы системы – устранение технических сбоев, повышение производительности, совершенствование технической поддержки пользователей.
3. Интеграция с региональными платформами – подключение региональных систем мониторинга к единой федеральной платформе.
4. Внедрение риск-ориентированного подхода – автоматическая фиксация превышений выбросов в режиме реального времени, автоматическое формирование материалов по нарушениям.
5. Создание «публичной экологической карты нарушений» – обеспечение доступа граждан к актуальной информации о состоянии окружающей среды и выявленных нарушениях в онлайн-режиме.

Необходимо дальнейшее совершенствование правовых механизмов защиты экологических прав граждан:

1. Упрощение процедуры доказывания в экологических спорах – использование данных автоматизированных систем мониторинга (включая показания датчиков ФГИС «Экомониторинг») в качестве доказательств без проведения дополнительных экспертиз.
2. Снижение финансовых барьеров для судебной защиты – освобождение граждан от уплаты госпошлины по искам о возмещении вреда, причиненного экологическими правонарушениями.
3. Внедрение механизма групповых исков (классовых действий) в экологической сфере – что позволит эффективно защищать права больших групп граждан, пострадавших от экологических нарушений.
4. Усиление ответственности за сокрытие экологической информации – ужесточение санкций за непредоставление или искажение данных о состоянии окружающей среды.

Для повышения эффективности деятельности территориальных органов Росприроднадзора целесообразно внедрение системы ключевых показателей эффективности, ориентированных на реальное улучшение качества окружающей среды, а не на формальные показатели контрольной деятельности.

Рекомендуемые KPI:

- динамика сокращения выбросов загрязняющих веществ на подведомственной территории;
- доля объектов накопленного вреда, в отношении которых начата процедура ликвидации;
- среднее время реагирования на обращения граждан;
- доля обращений граждан, по которым приняты меры административного реагирования.

Необходимо обеспечение публичности управленческих решений в сфере экологической безопасности через:

1. Обязательное опубликование всех материалов экологического мониторинга в открытом доступе.
2. Обеспечение реального, а не формального участия общественности в принятии экологически значимых решений, включая общественные обсуждения проектов и публичные слушания.

3. Создание механизмов общественного контроля за деятельностью контролирующих органов в экологической сфере.

4. Внедрение практики публичной отчетности руководителей территориальных органов Росприроднадзора перед населением.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Государственное управление в сфере экологической безопасности Российской Федерации представляет собой развитую институциональную структуру, включающую нормативно-правовой, организационно-управленческий и контрольно-надзорный блоки. В 2024-2025 гг. осуществлен переход к профилактической модели контроля, закреплён и последовательно реализуется принцип «загрязнитель платит», внедряются цифровые инструменты управления.

2. Результативность контрольно-надзорной деятельности характеризуется положительной динамикой: поступления экологического сбора и платы за НВОС превысили 44 млрд рублей в 2024 году, количество профилактических мероприятий выросло до 92 тыс. 370 в 2025 году (рост более чем в 10 раз по сравнению с 2024 годом). Взыскано более 12 млрд рублей из предъявленного ущерба в 124 млрд рублей.

3. Внедрение ФГИС «Экомониторинг» (первая очередь введена 25.12.2025) создает технологическую основу для кардинального повышения прозрачности и эффективности экологического контроля. Однако система сталкивается с серьезными проблемами внедрения: неполнота данных (наполненность 61%), технические сбои, недостаточная интеграция с региональными системами, кадровый дефицит. Без устранения этих недостатков цифровая платформа не может служить надежной основой для принятия управленческих решений.

4. Системными управленческими дисфункциями являются: дублирование полномочий контролирующих органов, дисбаланс профилактической и карательной функций, низкая публичность управленческих решений, дефицит обратной связи с гражданами, неравномерность правоприменения. Судебная практика Верховного Суда РФ (дела № А07-43579/2023, № АПЛ25-67 и др.) демонстрирует способность судебной системы обеспечивать прекращение экологически вредной деятельности, однако сохраняются проблемы доказывания и финансовые барьеры для граждан.

5. Перспективными направлениями модернизации отраслевой политики являются: институционализация экологической омбудсменской функции на федеральном уровне; завершение цифровой трансформации на основе риск-ориентированного подхода (100% наполнение ФГИС «Экомониторинг» данными, автоматическая фиксация нарушений, создание публичной экологической карты); внедрение системы ключевых показателей эффективности (KPI) для территориальных органов Росприроднадзора; совершенствование судебных механизмов защиты экологических прав (упрощение доказывания, снижение финансовых барьеров, внедрение классовых исков); обеспечение публичности и прозрачности управленческих решений.

6. Дальнейшие исследования целесообразно направить на анализ эффективности ФГИС «Экомониторинг» после завершения второй очереди (2026–2027 гг.), сравнительную оценку региональных моделей экологического управления, а также на изучение влияния внедрения риск-ориентированного подхода на результаты контрольно-надзорной деятельности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 42, 75.1.

2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133. Ст. 11.

3. Федеральный закон от 29.12.2025 № 578-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2025. № 52 (Часть I). Ст. 8365.

4. Федеральный закон от 31.07.2025 № 294-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 5687.

5. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1087 «О федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды» (ред. от 15.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012 № Пр-1102) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Паспорт национального проекта «Экология» (2019-2024 гг.) // Официальный сайт Минприроды России.
8. Паспорт федерального проекта «Экологическое благополучие» (2025-2030 гг.) // Официальный сайт Правительства РФ.
9. Доклад о результатах деятельности Федеральной службы по надзору в сфере природопользования за 2024 год. Утвержден приказом Росприроднадзора от 21.05.2025 № 323.
10. Стенограмма заседания Коллегии Росприроднадзора «Итоги работы в 2024 году и задачи на 2025 год» (05.06.2025) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росприроднадзора. Режим доступа: https://rpn.gov.ru/press/news/kollegiya_rosprirodnadzora_sistemnaya_rabota_pozvolyaet_vyyavlyat_i_spravedlivo_presekat_ekologiches/ (дата обращения: 15.05.2026)
11. Стенограмма заседания Совета Федерации «Итоги контрольной (надзорной) деятельности в РФ за 2025 год» (15.12.2025) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росприроднадзора. Режим доступа: https://rpn.gov.ru/press/news/v_sovete_federatsii_obsudili_itogi_kontrolnoy_nadzornoй_deyatelnosti_v_strane_za_2025_god/ (дата обращения: 15.05.2026)
12. Информационное сообщение Росприроднадзора «В 2025 году Росприроднадзор провел более 92 тысяч профилактических мероприятий» (12.03.2026) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росприроднадзора. Режим доступа: https://rpn.gov.ru/press/news/v_2025_godu_rosprirodnadzor_provel_bole_92_tysyach_profilakticheskikh_meropriyatiy/ (дата обращения: 15.05.2026)
13. Буцаев Д.В. ФГИС «Экомониторинг»: от цифровой платформы к инструменту реального контроля. Доклад на расширенном заседании Комитета по экологии. 18.02.2026 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Форума «Экология». Режим доступа: https://forumeco.ru/conf2026/press-center/news/RN/FGIS_Ekomonitoring_ot_tsifrovoy_platformy_k_instrumentu_realnogo_kontrolya/ (дата обращения: 14.05.2026)
14. Комитет по экологии Госдумы обсудил подготовку к запуску полноценного контроля через систему «Экомониторинг» (18.02.2026) [Электронный ресурс] // Раменское телевидение. Режим доступа: <https://ramtv.ru/news/komitet-po-ekologii-gosdumy-obsudil-podgotovku-k-zapusku-polnocennogo-kontrolya-cherez-sistemu-ekomonitoring/> (дата обращения: 14.05.2026)
15. Определение Верховного Суда РФ от 03.06.2025 № 309-ЭС25-4050 по делу № А07-43579/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03062025-n-309-es25-4050-po-delu-n-a07-435792023/> (дата обращения: 15.05.2026)
16. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 01.04.2025 № АПЛ25-67 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2025 № АКПИ25-273 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://koapru.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16092025-n-akpi25-273/> (дата обращения: 15.05.2026)
18. К 8-летию Постановления Пленума ВС № 49: как изменилось взыскание экологического вреда (27.10.2025) [Электронный ресурс] // Право.ру. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/245197/> (дата обращения: 15.05.2026)
19. Отчет о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан за 2025 год. Раздел «Защита экологических прав граждан» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан.
20. Общественный эко-омбудсмен в Санкт-Петербурге: открытие Зеленого офиса (09.10.2025) [Электронный ресурс] // Официальный сайт М.А. Шишкиной.
21. Королева М.Д. Совершенствование государственной политики Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды: от национальных проектов к системной трансформации // Актуальные исследования. 2026. № 3 (289). Ч. III. С. 28 – 35.
22. Экологическая политика как задача государственного управления Российской Федерации // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 6. С. 356 – 361.
23. Павлютенкова О.А. Цифровой экологический мониторинг как инструмент публичного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 2. С. 87 – 105.
24. Соловьев А.И. Экологическая политика современной России: институциональные вызовы и управленческие практики // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2025. № 3. С. 42 – 58.

25. Фадеева А.В. Экологическая безопасность как фактор политической стабильности в регионах России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 4. С. 512 – 527.
26. Титкова Е.В. Публичное управление в сфере экологии: баланс интересов государства, бизнеса и общества // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 78 – 93.
27. Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (ратифицирована РФ Федеральным законом от 26.06.1998 № 86-ФЗ) // Бюллетень международных договоров. 1999. № 10.

References

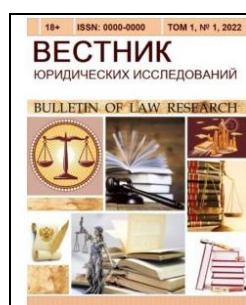
1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Art. 42, 75.1.
2. Federal Law of 10.01.2002 No. 7-FZ "On Environmental Protection" (as amended on 28.12.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 2. Art. 133. Art. 11.
3. Federal Law of 29.12.2025 No. 578-FZ "On Amendments to Article 7 of the Federal Law "On Environmental Protection" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 29.12.2025. No. 52 (Part I). Article 8365.
4. Federal Law of July 31, 2025 No. 294-FZ "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 31. Article 5687.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 No. 1087 "On the Federal State Information System of the State of the Environment" (as amended on November 15, 2025). SPS "Consultant-Plus".
6. Fundamentals of State Policy in the Field of Environmental Development of the Russian Federation for the Period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012 No. Pr-1102). SPS "ConsultantPlus".
7. Passport of the national project "Ecology" (2019-2024). Official website of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation.
8. Passport of the federal project "Environmental Well-being" (2025-2030). Official website of the Government of the Russian Federation.
9. Report on the results of the activities of the Federal Service for Supervision of Natural Resources for 2024. Approved by Order of Rosprirodnadzor dated May 21, 2025, No. 323.
10. Transcript of the meeting of the Board of Rosprirodnadzor "Results of work in 2024 and tasks for 2025" (June 5, 2025) [Electronic resource]. Official website of Rosprirodnadzor. Access mode: https://rpn.gov.ru/press/news/kollegiya_roprirodnadzora_sistemnaya_rabota_pozvolyaet_vyyavlyat_i_spravedlivo_presekat_ekologiches/ (date of access: 15.05.2026)
11. Transcript of the meeting of the Federation Council "Results of control (supervisory) activities in the Russian Federation for 2025" (15.12.2025) [Electronic resource]. Official website of Rosprirodnadzor. Access mode: https://rpn.gov.ru/press/news/v_sovete_federatsii_obsudili_itogi_kontrolnoy_nadzorno_y_deyatelnosti_v_strane_za_2025_god/ (date of access: 15.05.2026)
12. Information message of Rosprirodnadzor "In 2025, Rosprirodnadzor carried out more than 92 thousand preventive measures" (12.03.2026) [Electronic resource]. Official website of Rosprirodnadzor. Available at: https://rpn.gov.ru/press/news/v_2025_godu_roprirodnadzor_provel_bole_92_tysyach_profilakticheskikh_meropriyatiy/ (date of access: 15.05.2026)
13. Butsaev D.V. FGIS "EcoMonitoring": from a digital platform to a tool for real control. Report at the extended meeting of the Committee on Ecology. 18.02.2026 [Electronic resource]. Official website of the Forum "Ecology". Access mode: https://forumeco.ru/conf2026/press-center/news/RN/FGIS_Ekomonitoring_ot_tsifrovoy_platformy_k_instrumentu_realnogo_kontrolya/ (date of access: 14.05.2026)
14. The State Duma Committee on Ecology discussed preparations for the launch of full-fledged monitoring through the EcoMonitoring system (18.02.2026) [Electronic resource]. Ramenskoye Television. Access mode: <https://ramtv.ru/news/komitet-po-ekologii-gosdumy-obsudil-podgotovku-k-zapusku-polnocennogo-kontrolya-cherez-sistemu-ekomonitoring/> (date of access: 14.05.2026)
15. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.06.2025 No. 309-ES25-4050 in case No. A07-43579/2023 [Electronic resource]. SPS "ConsultantPlus". Access mode: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03062025-n-309-es25-4050-po-delu-n-a07-435792023/> (date of access: 15.05.2026)

16. Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.04.2025 No. APL25-67. SPS "ConsultantPlus".
17. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.09.2025 No. AKPI25-273 [Electronic resource]. SPS "ConsultantPlus". Access mode: <https://koapru.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16092025-n-akpi25-273/> (date of access: 15.05.2026)
18. On the 8th anniversary of Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 49: How the recovery of environmental damage has changed (27.10.2025) [Electronic resource]. Pravo.ru. Access mode: <https://pravo.ru/story/245197/> (date of access: 15.05.2026)
19. Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Republic of Dagestan for 2025. Section "Protection of the environmental rights of citizens" [Electronic resource]. Official website of the Human Rights Commissioner in the Republic of Dagestan.
20. Public Environmental Ombudsman in St. Petersburg: Opening of the Green Office (09.10.2025) [Electronic resource]. Official website of M.A. Shishkina.
21. Koroleva M.D. Improving the state policy of the Russian Federation in the field of environmental protection: from national projects to systemic transformation. Current Research. 2026. No. 3 (289). Part III. P. 28 – 35.
22. Environmental Policy as a Task of Public Administration of the Russian Federation. Herald of Science. 2025. Vol. 2. No. 6. P. 356 – 361.
23. Pavlyutenkova O.A. Digital environmental monitoring as a public administration tool. Issues of public and municipal administration. 2025. No. 2. pp. 87–105.
24. Soloviev A.I. Environmental policy of modern Russia: institutional challenges and management practices. Bulletin of Moscow University. Series 12, Political sciences. 2025. No. 3. pp. 42–58.
25. Fadeeva A.V. Environmental safety as a factor of political stability in the regions of Russia. Political expertise: POLITEX. 2024. Vol. 20. No. 4. P. 512 – 527.
26. Titkova E.V. Public administration in the field of ecology: balance of interests of the state, business and society. Management consulting. 2025. No. 1. P. 78 – 93.
27. Aarhus Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters (ratified by the Russian Federation by Federal Law of 26.06.1998 No. 86-FZ). Bulletin of International Treaties. 1999. No. 10.

Информация об авторе

Мурашова-Росс А.В., кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Мурашова-Росс А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 35.07

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-45-52

**Цифровой патернализм в системе проактивных государственных услуг:
методика ОРТ-оценки и эмпирические данные регионов
(г. Москва, Республика Татарстан, 2020-2025 гг.)**

¹ Суров М.Ю.,

¹ Славяно-греко-латинская академия

Аннотация: проактивные государственные услуги – механизм, при котором государство самостоятельно инициирует предоставление услуги на основании данных о жизненной ситуации гражданина без его обращения, – стремительно масштабируются в Российской Федерации с принятием Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 507-ФЗ. Однако существующий инструментарий оценки качества публичных услуг конструировался для реактивной модели взаимодействия и структурно неприменим к проактивному формату: традиционные метрики клиентского опыта предполагают наличие активного гражданина как участника взаимодействия, тогда как проактивная услуга оказывается «за его спиной». В статье предложен авторский трёхмерный аналитический фреймворк «Организация – Результативность – Точность» (ОРТ), разработанный специально для оценки проактивных услуг через призму концепции цифрового патернализма. Методика апробирована на материалах двух ведущих регионов цифровой трансформации – города Москвы и Республики Татарстан – за период 2020-2025 годов. Результаты показывают, что оба региона демонстрируют высокую зрелость по измерениям Организации и Результативности при структурно идентичном дефиците по измерению Точности: публичная статистика обжалований автоматически назначенных услуг в открытых источниках отсутствует. Цифровой патернализм в российских регионах масштабируется быстрее, чем формируются механизмы контроля за его алгоритмической точностью.

Ключевые слова: цифровой патернализм, проактивные государственные услуги, электронное правительство, методика оценки, результативность, региональная политика, цифровая трансформация, Москва, Татарстан

Для цитирования: Суров М.Ю. Цифровой патернализм в системе проактивных государственных услуг: методика ОРТ-оценки и эмпирические данные регионов (г. Москва, Республика Татарстан, 2020-2025 гг.) // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 45 – 52. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-45-52

Поступила в редакцию: 7 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

**Digital paternalism in the system of proactive public services: the ORT assessment
methodology and empirical data from the regions (Moscow, Republic of Tatarstan, 2020-2025)**

¹ Surov M. Yu.,

¹ Slavic-Greek-Latin Academy

Abstract: proactive public services constitute a mechanism whereby the state itself initiates the provision of a service on the basis of data about a citizen's life situation, without any application on the citizen's part; such

services have been rapidly scaling up in the Russian Federation following the adoption of Federal Law No. 507-FZ of 30 December 2021. However, the existing toolkit for assessing the quality of public services was designed for a reactive model of interaction and is structurally inapplicable to the proactive format: traditional customer-experience metrics presuppose an active citizen as a participant in the interaction, whereas a proactive service is rendered «behind their back». The article proposes an original three-dimensional analytical framework, «Organisation – Results – Targeting» (ORT), developed specifically for assessing proactive services through the lens of the concept of digital paternalism. The methodology is tested on data from two leading regions of digital transformation – the city of Moscow and the Republic of Tatarstan – for the period 2020-2025. The results show that both regions demonstrate high maturity along the Organisation and Results dimensions while exhibiting a structurally identical deficit along the Targeting dimension: public statistics on appeals against automatically assigned services are absent from open sources. Digital paternalism in Russian regions is scaling up faster than mechanisms for monitoring its algorithmic accuracy are being formed.

Keywords: digital paternalism, proactive public services, e-government, evaluation methodology, effectiveness, regional policy, digital transformation, Moscow, Tatarstan

For citation: Surov M.Yu. Digital paternalism in the system of proactive public services: the ORT assessment methodology and empirical data from the regions (Moscow, Republic of Tatarstan, 2020-2025). Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 45 – 52. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-45-52

The article was submitted: June 7, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации вступила в качественно новую фазу с принятием в 2021 году законодательства о проактивном предоставлении государственных и муниципальных услуг. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 507-ФЗ законодательно закрепил механизм «упреждающего» режима, при котором государство самостоятельно инициирует предоставление услуги гражданину на основании данных, уже имеющихся в государственных информационных системах, без подачи заявления с его стороны [4]. К 2024 году в рамках федерального портала государственных услуг реализовано более сорока суперсервисов, охватывающих ключевые жизненные события – рождение ребёнка, наступление пенсионного возраста, потерю работы, – а ряд субъектов Российской Федерации сформировал собственные региональные экосистемы проактивного обслуживания [1]. Скорость институционализации этой модели существенно опережает темпы её научного осмысления: нормативная рамка создана, инфраструктура развёртывается, однако систематических методик оценки результативности проактивных сервисов в российской академической и управленческой среде не выработано.

Данная статья предлагает авторский аналитический фреймворк «Организация – Результативность – Точность» (ОРТ), специально разработанный для оценки проактивных государственных услуг через призму концепции цифрового патернализма. Научная новизна подхода определяется тем, что ОРТ-фреймворк – первый отечественный инструмент, концептуально учитывающий патерналистскую природу проактивной услуги: государство действует вместо гражданина, и оценивать это действие необходимо по соответствующим критериям. Исследовательский вопрос статьи: по каким критериям и с какими результатами реализуется цифровой патернализм в системе проактивных государственных услуг в ведущих субъектах Российской Федерации? Структура статьи: раздел 2 формирует теоретические основания, раздел 3 описывает методологию ОРТ-оценки, раздел 4 представляет результаты, разделы 5 и 6 – интерпретацию и выводы.

Материалы и методы исследований

Теоретические основания

В основе исследования лежит концепция «либертарного патернализма» Р. Талера и К. Санстейна, которые называют патерналистскими практики, при которых управляющий субъект стремится повлиять на выбор людей таким образом, чтобы сделать их жизнь лучше, не ограничивая при этом доступных опций [12]. В цифровой среде эта логика радикально усиливается: К. Юнг описывает феномен «гипернаджа» (hypernudge) как способность цифровых государственных систем непрерывно использовать персональные данные для формирования индивидуализированных воздействий, функционирующих «ниже уровня

сознательного восприятия» гражданина [2, с. 121]. Цифровой патернализм в отличие от традиционного может функционировать полностью «за спиной» гражданина, что придаёт феномену дополнительное политологическое измерение, то есть – это одновременно инструмент повышения благосостояния и форма скрытого перераспределения власти. В российской политической науке эта категория разрабатывается в контексте цифровой трансформации государственного управления, хотя соответствующий академический дискурс только складывается. Ряд исследователей рассматривает проактивное предоставление услуг как прагматически оправданную форму патернализма, другие акцентируют риски алгоритмической непрозрачности [13; 14].

Проактивные государственные услуги – операциональный механизм цифрового патернализма. Концептуально они связаны с переходом от модели «одного окна» к модели «нулевого окна» – когда гражданин не обязан предпринимать никаких действий для получения причитающихся ему благ [15]. В типологии Д. Линдерса это модель «государство как платформа» (Government as a Platform) [6, с. 450]; К. Реддик и М. Тёрнер описывают её через оппозицию «push» и «pull». Если в «pull»-модели гражданин «вытягивает» услугу через обращение, то в «push»-модели государство «проталкивает» её получателю по данным из своих систем [16, с. 215]. Правовая институционализация проактивной модели в Российской Федерации осуществлялась поэтапно. Ключевым рубежом стал Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 507-ФЗ, конкретизированный Постановлением Правительства от 9 августа 2021 г. № 1268, закрепившим понятие «жизненной ситуации» как совокупности обстоятельств, автоматически порождающих право гражданина на услугу [3; 4; 5].

Существующие инструменты оценки качества государственных услуг – это показатели субъективного восприятия (удовлетворённость, NPS), объективной доступности (время ожидания, доля электронных обращений) и международные индексы (OECD Digital Government Index [17]), которых объединяет принципиальное ограничение – все они имплицитно предполагают гражданина как активного участника взаимодействия.

В проактивной модели это допущение нарушается структурно: гражданин, получивший автоматически зачисленную выплату, может не знать о самом факте алгоритмического решения в его пользу, а получивший отказ – нередко не получает уведомления об этом. Число транзакций описывает объём системной активности, но не говорит ничего о том, достигли ли они тех, кто нуждался в услуге, и были ли корректны по нормативному праву. Именно эта структурная слепота делает специализированную методику необходимой.

Методология оценки: OPT-фреймворк

Данное исследование предлагает трёхмерный аналитический фреймворк «Организация – Результативность – Точность» (OPT), структура которого отражает полный деятельностный цикл проактивной услуги: возможность предоставления, реализация этой возможности, а также качество ее реализации. Три измерения образуют иерархическую последовательность и дефицит в любом из них разрывает весь цикл [2, с. 119]. Хочу заметить, что они неодинаково доступны эмпирически. Напрмиер, организация верифицируется нормативными актами, результативность – открытой статистикой, а точность, как в дальнейшем покажет анализ – нет.

Организация (О) характеризует институциональную и технологическую готовность к проактивной доставке. Ключевые индикаторы: число событийных триггеров в региональном реестре услуг; уровень межведомственной интеграции платформы со СМЭВ, Социальным фондом и ФНС; наличие единого цифрового профиля гражданина. Нормативная основа – ст. 7.3 Федерального закона № 210-ФЗ (ред. От 30.12.2021) и Постановление Правительства № 1268 [3; 4; 5]. Источниковая база – федеральный и региональные реестры услуг, нормативные акты субъектов, ежегодные доклады о цифровой трансформации.

Результативность (Р) фиксирует фактическое достижение гражданином выгод от услуги. Центральный индикатор – коэффициент охвата (uptake rate): отношение числа граждан, фактически получивших услугу в проактивном режиме, к числу имеющих на неё нормативное право. Показатель выявляет «проблему последней мили» цифровых публичных услуг – разрыв между декларируемыми возможностями системы и реальной способностью достигать получателей [6, с. 449]. Дополнительные индикаторы: среднее время доставки услуги от момента события-триггера; доля граждан, добровольно отказавшихся от проактивно назначенной услуги. Эмпирическая база: открытые данные региональных порталов, доклады Министерства цифрового развития [7; 8].

Точность (Т) оценивает корректность алгоритмического решения относительно нормативного права и индивидуальной ситуации гражданина. Ошибка в проактивном решении – незаконное назначение,

неправомерный отказ, некорректный размер блага – труднее поддаётся оспариванию, чем традиционный административный акт, поскольку гражданин может не знать о самом факте автоматического решения [2, с. 120]. Индикаторы: доля обжалованных решений о назначении или отказе в проактивной услуге; число жалоб на ошибочное или нежелательное назначение; доля назначений, скорректированных в административном порядке. Источниковая база: статистика обращений граждан по Федеральному закону от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ [9]; доклады уполномоченных по правам человека; данные прокуратуры.

Эмпирическая часть построена на методологии сравнительного кейс-стади: два субъекта Российской Федерации – город Москва и Республика Татарстан – за период 2020-2025 годов. Москва воплощает централизованную мегаполисную модель: единый оператор (ДИТ) управляет интегрированной платформой (mos.ru, ЕМИАС, Единый цифровой профиль), охватывающей свыше 15,9 миллиона зарегистрированных пользователей [10]. Республика Татарстан – альтернативную экосистемную модель: региональный портал функционирует на собственной интеграционной шине (ГИС РТ), обеспечивающей относительно высокий уровень информационного суверенитета; республика системно входит в число ведущих регионов по цифровой зрелости [11]. Принципиально различные архитектуры двух регионов – прямая проверка гипотезы о зависимости результативности и точности от организационных характеристик системы.

Результаты и обсуждения

Эмпирический анализ

Город Москва: централизованная модель цифрового патернализма

Организация. Московская модель строится на основе трёх взаимоинтегрированных платформ под управлением единого оператора – Департамента информационных технологий города Москвы. Портал mos.ru аккумулирует более 450 услуг и сервисов [18]; ЕМИАС обеспечивает автоматический обмен данными о медицинских событиях; Единый цифровой профиль москвича (ЕЦП) интегрирован со СМЭВ. И государственными реестрами, позволяя системе получать актуальные сведения о жизненных событиях гражданина без его обращения. Это обеспечивает несколько моделей проактивности: полностью автоматическое назначение (льготное школьное питание для детей из малоимущих семей с 2023 года) и полуавтоматическое продление с уведомлением (парковочные разрешения для многодетных семей). В 2024 году запущено и модернизировано более 110 услуг и сервисов [19].

Результативность. Совокупный объём обращений к сервисам mos.ru составил в 2024 году более 852 миллионов (+11% к 2023 году), суточная аудитория – свыше одного миллиона пользователей [18]. Эта цифра отражает все обращения к платформе; выделить долю проактивных транзакций невозможно – дезаггегрированная статистика в открытом доступе отсутствует. Ориентиром остаются данные федерального проекта «Государство для людей»: среднее время получения государственной услуги в проактивном режиме сократилось с 102 до 35 дней, число необходимых визитов – с 14 до 3 [20].

Точность. По данным федерального проекта, удовлетворённость граждан при использовании сервисов «жизненных ситуаций» составила 98%, среднее число необходимых документов сократилось с 28 до 3 [20]. В условиях проактивной доставки верификационная функция документов переносится на алгоритм, что повышает требования к его точности. Региональная статистика обжалований автоматически назначенных услуг в открытых источниках ДИТ Москвы за исследуемый период не обнаружена. Это аналитически значимо: при декларируемых 98% удовлетворённости гражданин, которому не сообщили об алгоритмическом отказе, попросту не знает, что имел основания пожаловаться.

Республика Татарстан: республиканская экосистемная модель

Организация. Региональный портал государственных услуг Республики Татарстан (uslugi.tatarstan.ru) функционирует как самостоятельная экосистема, опирающаяся на собственную интеграционную шину – Государственную информационную систему Республики Татарстан (ГИС РТ). Такая архитектура обеспечивает республике более высокий уровень информационного суверенитета. К 2024 году 100% государственных и муниципальных услуг переведены в электронный вид, проведён реинжиниринг 140 услуг с целью сокращения числа требуемых от гражданина действий [21]. Республика также участвует в федеральном сервисе «Жизненные ситуации»: более тысячи жителей воспользовались им в первые месяцы работы сервиса [22].

Результативность. По итогам 2023 года в электронном виде оказано около 350 миллионов услуг и транзакций [21]. Использование цифровых сервисов за десять месяцев 2023 года позволило жителям сэкономить 38 миллионов часов и более 9 миллиардов рублей – за счёт устранения необходимости личного посещения ведомств и МФЦ [21]. Выделение доли проактивных транзакций в общем объёме также сопряжено с ограничениями по публичным данным, аналогичными выявленным в московском кейсе.

Точность. Косвенный сигнал о точности – динамика реинжиниринга: переработка 140 услуг в 2024 году подразумевает верификацию алгоритмической логики каждой из них [21]. Тем не менее региональная статистика обжалований автоматически назначенных услуг, как и в случае Москвы, в открытых источниках за исследуемый период не обнаружена.

Сравнительная ОРТ-матрица

Результаты применения фреймворка к двум региональным кейсам систематизированы в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная ОРТ-матрица: г. Москва и Республика Татарстан (2020-2025).

Table 1

Comparative ORT matrix: Moscow and the Republic of Tatarstan (2020-2025).

Измерение	Индикатор	Москва	Татарстан	Сравнительная оценка
Организа-ция	Архитектурная модель	Централизованная (единый оператор – ДИТ)	Экосистемная (ГИС РТ + РПГУ)	Разные модели, обе функциональны
	Число услуг на платформе	450+ [18]	100% гос. Услуг в электронном виде [21]	Сопоставимо по охвату
	Ежегодный прирост услуг	110+ запущено/модернизировано в 2024 [19]	140 услуг реинжиниринг в 2024 [21]	РТ активнее по переработке логики
	Уровень ИТ-суверенитета	Зависимость от федеральных систем	Собственная интеграционная шина	РТ > Москва
Результативность	Объём транзакций в год	852 млн обращений (2024) [18]	~350 млн транзакций (2023) [21]	Москва > РТ (по масштабу)
	Эффект для граждан	Свыше 1 млн пользователей/сутки [18]	38 млн ч., 9 млрд руб. сэкономлено (10 мес. 2023) [21]	РТ демонстрирует измеримый эффект
	Время получения услуги (жизн. Ситуации)	Сокращение с 102 до 35 дней (федерал.) [20]	Сокращение с 102 до 35 дней (федерал.) [20]	Единая федеральная динамика
Точность	Удовлетворённость (жизн. Ситуации)	98% (федеральный показатель) [20]	98% (федеральный показатель) [20]	Единая федеральная метрика
	Среднее число документов	Сокращение с 28 до 3 (федерал.) [20]	Сокращение с 28 до 3 (федерал.) [20]	Единая федеральная динамика
	Региональная статистика обжалований	Не опубликована	Не опубликована	Общий пробел в публичности

Табл. 1 фиксирует три устойчивых паттерна. Обе системы зрелы по измерению Организации – инфраструктурная стадия в основном завершена. Различие архитектур сказывается на характеристиках, а не объёмах: Татарстан превосходит по ИТ-суверенитету и активности реинжиниринга, Москва – по масштабу транзакций. По измерению Точности картина однородная: статистика обжалований закрыта в обоих регионах. Этот пробел указывает на системный дефицит механизмов публичной подотчётности алгоритмических решений.

Интерпретация результатов: что сравнение говорит о природе цифрового патернализма

ОРТ-методика вскрывает несколько закономерностей, выходящих за рамки двух конкретных кейсов. Оба региона демонстрируют высокую зрелость по измерению Организации: инфраструктурная стадия цифрового патернализма в ведущих регионах в основном завершена – технические условия для того, чтобы государство действовало вместо гражданина, созданы. Это – решённая задача.

Тем острее разрыв по измерению Точности. Оба региона – при всём различии архитектурных моделей – обнаруживают один и тот же пробел: статистика обжалований не публикуется. Это отражает системный дефицит институционализированного внешнего контроля над алгоритмическими решениями – «алгоритмическую непрозрачность» [2, с. 122]. Государство масштабирует проактивные практики, опережая формирование механизмов их публичной подотчётности: чем более автоматизированным

становится предоставление услуг, тем менее видимым для внешнего наблюдателя оказывается его качество.

Различие архитектурных моделей проявляется в измерениях Организации и Результативности: Татарстан превосходит по ИТ-суверенитету и активности реинжиниринга, Москва – по масштабу транзакций. По измерению Точности обе системы обнаруживают один и тот же пробел: проблема публичной подотчётности алгоритмических решений не зависит от архитектурной модели.

Методика имеет несколько ограничений. Опора на открытые источники делает расчёт коэффициента охвата невозможным: агрегированная статистика порталов не позволяет выделить долю проактивных транзакций без доступа к ведомственным данным. Выборка из двух кейсов достаточна для апробации фреймворка, но не для обобщений на все субъекты Федерации: Москва и Татарстан – лидеры, экстраполяция на менее зрелые регионы требует отдельного исследования. Наконец, отсутствие публичной статистики обжалований – само являющееся содержательным результатом – оставляет измерение Точности в режиме качественной фиксации пробела.

Управленческие рекомендации

Из полученных результатов вытекают три практические рекомендации.

Институционализация мониторинга. ОРТ-методика может быть встроена в ежегодные доклады о цифровой трансформации регионов как обязательный блок с раскрытием показателей по всем трём измерениям – это обеспечит межрегиональную сопоставимость и основу для бенчмаркинга.

Устранение пробела по Точности. Необходимы обязательное публичное раскрытие статистики обжалований автоматически назначенных услуг и механизм уведомления гражданина о каждом алгоритмическом решении – включая отказы.

Реституция субъектности. Законодательное закрепление права на отказ (opt-out) от автоматически назначенной услуги – необходимое условие перехода от цифрового патернализма к цифровому партнёрству.

Выводы

Фреймворк ОРТ – первый отечественный инструмент, разработанный под патерналистскую природу проактивной услуги: государство действует вместо гражданина, и оценка этого действия требует соответствующих критериев. Три измерения фреймворка образуют иерархическую последовательность, разрыв в любом звене которой ставит под сомнение результативность системы в целом.

Апробация методики на материалах города Москвы и Республики Татарстан за 2020-2025 годы зафиксировала: по измерению Организации оба региона демонстрируют высокую степень зрелости; по измерению Результативности – значительный объём транзакций и измеримый социальный эффект, при ограничениях дезагрегации данных; по измерению Точности – структурно идентичный пробел: статистика обжалований автоматически назначенных услуг не публикуется ни Москвой, ни Татарстаном. Цифровой патернализм в российских регионах масштабируется быстрее, чем формируются механизмы контроля за его точностью – в этом и состоит его главная управленческая проблема.

Ближайшие перспективы – расширение выборки на другие регионы-лидеры и сравнение с зарубежными практиками (Эстония, Дания, Сингапур). Более амбициозная задача – операциональная модель перехода от цифрового патернализма к партнёрской логике: её основу составит институционализация механизмов оспариваемости алгоритмических решений.

Список источников

1. Концепция цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 9 июня 2023 г. № 1280. URL: <http://government.ru/docs/48808/> (дата обращения: 26.05.2026)
2. Yeung K. 'Hypernudge': Big Data as a mode of regulation by design // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20. № 1. P. 118 – 136. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1186713
3. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 30 декабря 2021 г. № 507-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 5.
5. О предоставлении государственных и муниципальных услуг в упреждающем (проактивном) режиме : постановление Правительства Рос. Федерации от 9 авг. 2021 г. № 1268 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 33. Ст. 6140.

6. Linders D. From e-government to we-government: Defining a typology for citizen coproduction in the age of social media // *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29. № 4. P. 446 – 454. DOI: 10.1016/j.giq.2012.06.003
7. Чернышенко Д.Н. По итогам 2023 года оказано более 340 млн госуслуг в электронном виде // Правительство России. 2024. URL: <http://government.ru/news/50858/> (дата обращения: 27.05.2026)
8. Дмитрий Чернышенко: «Цифровая зрелость Татарстана составляет 95% – это один из лучших показателей в стране» // *Реальное время*. 2024. 19 янв. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/300859> (дата обращения: 27.05.2026)
9. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2006. № 19. Ст. 2060.
10. Число зарегистрированных пользователей портала mos.ru превысило 15,9 миллиона // *Официальный сайт Мэра Москвы*. 2024. URL: <https://www.mos.ru/news/item/135077073/> (дата обращения: 27.05.2026)
11. Высокого уровня цифровой зрелости достигли 9 регионов // *Digital Russia*. URL: <https://digital-russia.ru/vysokogo-urovnja-cifrovoy-zrelosti-dostigli-9-regionov-mincifry.html> (дата обращения: 27.05.2026)
12. Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. New Haven: Yale University Press, 2008. 293 p.
13. Томин Л.В., Балаян А.А. Политические эффекты государственных цифровых платформ и сервисов в автократиях // *Публичная политика*. 2023. Т. 7. № 1-2. С. 108 – 117.
14. Шибаршина С.В. От «умных» алгоритмов к цифровому паноптикуму // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой учёный: лаборатория философа*. 2020. Т. 3. № 3. DOI: 10.5840/dspl20203325
15. Kernaghan K. Moving towards the virtual state: Integrating services and service channels for citizen-centred delivery // *International Review of Administrative Sciences*. 2005. Vol. 71, № 1. P. 119 – 131. DOI: 10.1177/0020852305051688
16. Reddick C.G., Turner M. Channel choice and public service delivery in Canada: Comparing e-government to traditional service delivery // *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29. № 2. P. 214 – 225. DOI: 10.1016/j.giq.2011.09.005
17. OECD Digital Government Index: 2023 Results / Organisation for Economic Co-operation and Development. Paris: OECD Publishing, 2024. (OECD Public Governance Policy Papers. №. 44). DOI: 10.1787/1a89ed5e-en
18. Собянин рассказал о новых услугах и сервисах портала mos.ru // *Официальный сайт Мэра Москвы*. 2025. URL: <https://www.sobyanin.ru/o-klyuchevyh-obnovleniyah-portala-mos-ru> (дата обращения: 26.05.2026)
19. Собянин С.С. Более 110 услуг и сервисов запустили и улучшили в 2024 году на mos.ru // *Официальный сайт Мэра Москвы*. 2025. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3445559> (дата обращения: 26.05.2026)
20. Григоренко Д.Ю. Итоги федерального проекта «Государство для людей» за 2024 год // Правительство России. 2025. URL: <http://government.ru/news/53837/> (дата обращения: 26.05.2026)
21. Электронные государственные услуги в 2024 году: достижения и планы на 2025 год / М-во цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан. 2025. URL: <https://digital.tatarstan.ru/index.htm/news/2378857.htm> (дата обращения: 26.05.2026)
22. Жизненные ситуации на Госуслугах: татарстанцы оценили удобство новых сервисов // *Челнинские известия*. 2024. URL: <https://chelny-izvest.ru/news/top5/ziznennye-situacii-na-gosuslugax-tatarstancy-ocenili-udobstvo-novyx-servisov> (дата обращения: 26.05.2026)

References

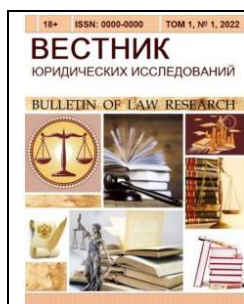
1. The Concept of Digital Transformation of Public Administration in the Russian Federation through 2030: approved by Order of the Government of the Russian Federation dated June 9, 2023, No. 1280. URL: <http://government.ru/docs/48808/> (date of access: 26.05.2026)
2. Yeung K. 'Hypernudge': Big Data as a Mode of Regulation by Design. *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20. No. 1. P. 118 – 136. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1186713
3. On the Organization of the Provision of State and Municipal Services: Federal Law No. 1280-2026. Law of July 27, 2010 No. 210-FZ (as amended on December 30, 2021). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2010. No. 31. Art. 4179.
4. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2021 No. 507-FZ. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2022. No. 1 (Part I). Art. 5.

5. On the Provision of State and Municipal Services in a Preemptive (Proactive) Mode: Resolution of the Government of the Russian Federation of August 9, 2021 No. 1268. Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 33. Art. 6140.
6. Linders D. From e-government to we-government: Defining a typology for citizen coproduction in the age of social media. *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29. No. 4. P. 446 – 454. DOI: 10.1016/j.giq.2012.06.003
7. Chernyshenko D.N. Over 340 million government services were provided electronically by the end of 2023. Government of the Russian Federation. 2024. URL: <http://government.ru/news/50858/> (date of access: 27.05.2026)
8. Dmitry Chernyshenko: “Tatarstan’s digital maturity is 95% – this is one of the best indicators in the country”. *Realnoe Vremya*. 2024. January 19. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/300859> (date of access: 27.05.2026)
9. On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ. Coll. legislation of the Russian Federation. 2006. No. 19. Article 2060.
10. The number of registered users of the mos.ru portal has exceeded 15.9 million. Official website of the Mayor of Moscow. 2024. URL: <https://www.mos.ru/news/item/135077073/> (date of access: 27.05.2026)
11. Nine regions have reached a high level of digital maturity. Digital Russia. URL: <https://d-russia.ru/vysokogo-urovnja-cifrovoy-zrelosti-dostigli-9-regionov-mincifry.html> (date of access: 27.05.2026)
12. Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. New Haven: Yale University Press, 2008. 293 p.
13. Tomin L.V., Balayan A.A. Political Effects of State Digital Platforms and Services in Autocracies. *Public Policy*. 2023. Vol. 7. No. 1-2. P. 108 – 117.
14. Shibarshina S.V. From “Smart” Algorithms to the Digital Panopticon. *The Digital Scholar: Philosopher’s Lab*. 2020. T. 3. No. 3. DOI: 10.5840/dspl20203325
15. Kernaghan K. Moving towards the virtual state: Integrating services and service channels for citizen-centred delivery. *International Review of Administrative Sciences*. 2005. Vol. 71, No. 1. P. 119 – 131. DOI: 10.1177/0020852305051688
16. Reddick C.G., Turner M. Channel choice and public service delivery in Canada: Comparing e-government to traditional service delivery. *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29. No. 2. P. 214 – 225. DOI: 10.1016/j.giq.2011.09.005
17. OECD Digital Government Index: 2023 Results. Organization for Economic Cooperation and Development. Paris: OECD Publishing, 2024. (OECD Public Governance Policy Papers. No. 44). DOI: 10.1787/1a89ed5e-en
18. Sobyenin spoke about new services on the mos.ru portal. Official website of the Mayor of Moscow. 2025. URL: <https://www.sobyenin.ru/o-klyuchevykh-obnovleniyah-portala-mos-ru> (date of access: 26.05.2026)
19. Sobyenin S.S. Over 110 services were launched and improved in 2024 on mos.ru. Official website of the Mayor of Moscow. 2025. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3445559> (date of access: 26.05.2026)
20. Grigorenko D.Yu. Results of the federal project "State for People" for 2024. Government of the Russian Federation. 2025. URL: <http://government.ru/news/53837/> (date of access: 26.05.2026)
21. Electronic government services in 2024: achievements and plans for 2025. Ministry of Digital Development of Public Administration, Information Technology and Communications of the Republic of Tatarstan. 2025. URL: <https://digital.tatarstan.ru/index.htm/news/2378857.htm> (date of access: 26.05.2026)
22. Life Situations on Gosuslugi: Tatarstan Residents Evaluate the Convenience of New Services. *Chelny News*. 2024. URL: <https://chelny-izvest.ru/news/top5/ziznennye-situacii-na-gosuslugax-tatarstancy-ocenili-udobstvo-novykh-servisov> (date of access: 26.05.2026)

Информация об авторе

Суков М.Ю., аспирант, Славяно-греко-латинская академия, nvimetr@gmail.com

© Суков М.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 329.17

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-53-58

Идеологические установки праворадикальных организаций и их реализация в современной Румынии

¹ Арчаков М.К.,

¹ Благовещенский государственный педагогический университет

Аннотация: праворадикальные организации в Европе, несмотря на известную свою маргинальность и малочисленность, тем не менее продолжают влиять на политическую повестку своих стран. Что во многом объясняется стремлением европейских политиков поддержать Украину в вопросе противостояния «перманентной угрозе» России странам Европы. Во многом искусственно сформулированная праворадикальными организациями угроза «российской экспансии» оказалась востребованной в условиях СВО. В связи с чем, румынские правящие круги активно используют эти идеи для решения своих задач в плане присоединения и поглощения Молдовы и Приднестровской молдавской республики. Поэтому изучение различных аспектов деятельности и риторики румынских праворадикальных организаций позволяет понять процесс радикализации правящих кругов Румынии в стремлении территориально поглотить Молдову и Приднестровье, что может привести к росту нового противостояния между Россией и европейским сообществом.

Ключевые слова: русофобия, правый радикализм, политический экстремизм, специальная военная операция, Румыния, Молдова, Приднестровье

Для цитирования: Арчаков М.К. Идеологические установки праворадикальных организаций и их реализация в современной Румынии // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 53 – 58. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-53-58

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Ideological attitudes of right-wing radical organizations and their implementation in modern Romania

¹ Archakov M.K.,

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University

Abstract: despite their marginality and small numbers, right-wing radical organizations in Europe continue to influence the political agenda of their countries. This is largely due to the desire of European politicians to support Ukraine in its fight against Russia's "perpetual threat" to European countries. The threat of "Russian expansion" articulated by right-wing radical organizations has become relevant in the context of the Special Military Operation. In this regard, the Romanian ruling circles are actively using these ideas to achieve their goals of annexing and absorbing Moldova and the Transnistrian Moldavian Republic. Therefore, studying various aspects of the activities and rhetoric of Romanian right-wing radical organizations allows us to understand the process of radicalization of Romania's ruling circles in their desire to absorb Moldova and Transnistria, which could lead to a new confrontation between Russia and the European community.

Keywords: russophobia, right-wing radicalism, political extremism, special military operation, Romania, Moldova, Transnistria

For citation: Archakov M.K. Ideological attitudes of right-wing radical organizations and their implementation in modern Romania. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 53 – 58. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-53-58

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 6, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

В последнее время во многих европейских странах можно отметить рост праворадикальных организаций и их влияния на общественные настроения, что связано, как с обострением миграционных вопросов и всплеском уличного насилия со стороны, как европейских праворадикалов, так и представителей сообществ мигрантов, проживающих в европейских странах. С другой стороны, рост праворадикальных организаций в Европе можно связать с военными действиями на территории Украины в рамках специальной военной операции (СВО), что вызвало в среде европейских радикалов усиление критики российской внешней политики, организацию различной помощи Украине, а также рост русофобских настроений ряда европейских праворадикальных организаций. На территории стран восточной Европы характерное усиление русофобии можно отметить на примере риторики радикальных организаций Польши и Румынии. И если праворадикалы Польши и ранее выступали с подчеркнуто русофобских позиций, то радикальные организации Румынии стали активно обращаться к проблеме антироссийских настроений с началом СВО, используя антироссийскую риторику в своих интересах, например, для пропаганды идеи «сплочения всех европейцев против неминуемой российской агрессии». В силу чего, интерес для политологического анализа представляют идеологические установки румынских праворадикальных организаций.

Материалы и методы исследований

Для четкости проводимого нами анализа, необходимо остановиться на понимании такого феномена, как «радикализм» в современных политических исследованиях.

С точки зрения П.Ю. Горюнова и И.В. Гребенщикова, радикализм – следование философским и политическим идеям, преследующим кардинальное преобразование социально-политических институтов путем преодоления сложившихся традиций [4; с. 19].

Один из известных исследователей практики экстремизма и политического радикализма профессор М.Я. Яхьяев предлагал следующую трактовку данного феномена, утверждая, что радикализм – вид политической деятельности, базирующийся на решительных действиях и крайних политических идеях, ставящих своей целью насильственное изменение сложившейся политической системы [11].

По мнению В.А. Бурковской, радикализм входит сегодня в перечень основных политологических категорий, подразумевая под собой всегда определенную политическую крайность, некое превышение определенной меры, поскольку имеет своим антиподом соглашательство и половинчатость [2; с. 47].

С точки зрения молодого ученого А.А. Похилько, радикализм, во-первых, основывается на мировоззренческом отрицании сложившейся политической системы. А, во-вторых, на убеждении, что необходимо использование только одного (крайнего) из вероятных способов для разрешения сложившейся кризисной ситуации. Радикализм проявляется в различных крайностях, таких, как нигилизм, экстремизм, терроризм [7].

По нашему мнению, радикализм – разновидность политической деятельности, основанной на крайних, но не связанных с осуществлением насилия действиях, предполагающих своей целью коренное преобразование политической системы общества. Поэтому одним из критериев, разграничивающих понятия «терроризм», «политический экстремизм» и «радикализм» – является применение противоправных насильственных действий субъектами террористической и экстремистской деятельности в отличие от политических радикалов, воздерживающихся от прямого нелегитимного политического насилия.

Результаты и обсуждения

В современной Румынии правый политический радикализм представлен рядом общественных организаций, одной из старейших крайне правых является политическая партия «Новые правые», сложившаяся в 2000 г. из различных группировок ультраправых, скинхедов и футбольных фанатов. Партию ассоциируют с наиболее крайне националистической, профашистской структурой из-за стремления ее членов подчеркнуть

свою преемственность от румынской фашистской организации 1930–40 гг. «Железная гвардия» Корнелиу Зея Кодряну. Так, «Новые правые» считают себя военизированной, националистической и православной организацией, как когда-то легионеры «Железной гвардии». Председателем партии был избран бизнесмен и владелец одного из футбольных клубов Румынии Гиги Бекали, неоднократно в СМИ заявлявший, что уважает политические взгляды Кодряну и всемерно будет продвигать идею национальной (консервативной) революции. Затем его сменил адвокат Тудор Ионеску, возглавляющий партию и по ныне.

Основные идеологические установки партии «Новые правые» базируются на повторении мировоззренческих идей основоположника «Железной гвардии» Корнелиу Кодряну, изложенных в его книге «Моим легионерам». Так, в основной программной работе «Наш путь» идеологов партии «Новые правые» утверждается, что «одной из проблем современной Румынии является влияние еврейских лобби на выборы и назначение чиновников» [9].

Здесь нетрудно провести параллели с идеологией «Железной гвардии», взглядами Кодряну, считавшим основным врагом румынского народа – еврейское население и заявлявшим, что «Румынии необходимо скорейшее решение еврейского вопроса, с целью предотвращения посягательства евреев на православную церковь и отступление от Ветхого Завета» [12].

«Новые правые» в своем стремлении обосновать борьбу с еврейским населением также апеллируют к известной теории Корнелиу Кодряну «о происхождении румын от римлян и даков, которые в свое время пострадали от заговоров и происков евреев» [12].

Подобно легионерам «Новые правые» отстаивают приоритет православной церкви в жизни Румынии, солидаризуясь с высказыванием Корнелиу Кодряну о том, что «именно из нашей религии Железная Гвардия» черпает свою основополагающую идею – вселенскую идею, как путь преодоления всякого интернационализма и иудаизма» [9]. Поэтому идеология «Железной гвардии» основывалась на православном мистицизме, культе смерти (высшая доблесть легионера – погибнуть в бою) и апокалиптических мотивах (легионеры верили, что рост насилия – это один из признаков Второго пришествия Христа).

Как и предшественники из Легиона Кодряну, сторонники партии «Новые правые» выступают против коммунистических идей, осуждают экономический либерализм, считая его элементом всемирного еврейского заговора и стремятся обосновать строительство в Румынии нового общественно-экономического строя, основанного на взаимодействии различных кооперативов в промышленности и сельском хозяйстве. В этом они видят реализацию национально-консервативной революции, как ее понимал Корнелиу Кодряну.

Интересна схожесть внешнеполитической программы партии «Новые правые» с идеологическими установками Кодряну, которые повторяются почти дословно. Так, Кодряну выступал за территориальную экспансию Румынии с целью присоединения к ней Молдовы, территории Приднестровья, создание «единого и неделимого румынского государства от Днестра до Тиссы» [6, с. 37].

Подобно Кодряну, идеологи партии «Новые правые» стараются пропагандировать лозунг «Румыния для румын» и призывают к расширению территориальных границ Румынии путем присоединения Молдовы и Приднестровья. Что интересно, в связи с началом российской СВО, правые радикалы из партии «Новые правые» не выступили напрямую с поддержкой Украины, но стали через собственные каналы в СМИ лоббировать идею проведения подобной спецоперации с целью присоединения Приднестровья к Румынии. Однако данные призывы поддержки в политических кругах Румынии не нашли.

Что отличает партию «Новые правые» от легионеров Кодряну, так это выступления против сексуальных меньшинств, запрет аборт и однополых браков, чего ранее легионеры просто себе представить не могли. Так «Новые правые» пропагандируют «защиту традиционной семьи и стремятся вести борьбу с явлениями, которые разрушают ее устои (гомосексуализм, аборты и т.д.)» [9]. Например, в 2017 г. радикалы организовали шествие с целью сорвать проведение гей-парада в Бухаресте, а 24 мая 2018 г. участвовали в митинге румынских правых организаций против проведения абортов, гомосексуальных вечеринок и т.п.

Таким образом, политическую партию «Новые правые» можно отнести к самому правому флангу радикалов Румынии. Даже, не являясь крупной и влиятельной организацией, данная партия аккумулирует расистские, антисемитские, антикоммунистические настроения, эпатажно привлекая в свои ряды, главным образом, радикальную румынскую молодежь (футбольные хулиганы, скинхеды и т.п.) и отстаивающую довольно маргинальный лозунг «Великой Румынии», посягающий на территориальную целостность других государств.

Более умеренной и многочисленной праворадикальной организацией считают политическую партию «Великая Румыния». Несмотря на свою подчеркнута националистическую риторику, партия стремится участвовать в различных выборах, взаимодействует с различными СМИ и заявляет о себе, как о менее радикальной политической организации, готовой к сотрудничеству с различными политическими силами со-

временной Румынии. Так, например, на различных парламентских выборах партия «Великая Румыния» выступала в коалиции с умеренно левыми – Социал-демократической партией и Социалистической партией труда.

Партия имеет более тридцатилетнюю историю политической деятельности (создана в 1991 г.) и выражает интересы национально ориентированных представителей среднего и мелкого бизнеса, творческой интеллигенции, студенчества. Долгое время организацию возглавлял один из ее создателей – журналист, поэт и автор многих художественных романов Корнелиу Вадим Тудор.

Радикализм партии «Великая Румыния» появляется в риторике основного документа – программе под названием «Национальная доктрина», где прямо утверждается, что «находящиеся у власти в Румынии представители различных социальных сил, прямо питают врагам румынского народа и ведут политику на ослабление государства» [10].

К таким социальным силам программа относит – коррупционеров, венгров, евреев, цыган и прочие национальные меньшинства. Которым партия противопоставляет «румынский народ», т. е. исключительно потомков даков и римлян. В этом противопоставлении хорошо видна заимствованная у лидера «Железной гвардии» Корнелиу Кодряну расистская риторика.

Кроме того, что роднит «Великую Румынию» с фашистским движением Кодряну – идея о приоритете и защите христианских ценностей, поскольку партия заявляет о себе, как о христианско-демократической, направленной на поддержку православия в Румынии. Однако, кроме общих заявлений, никаких практических действий в защиту Румынской православной церкви партией «Великая Румыния» предпринято не было.

Существенное место в программе «Великой Румынии» уделено международной политике, а точнее «концепции расширенной безопасности», согласно которой Румыния должна стать региональным лидером в Юго-Восточной Европе в ареале Балтийского, Черного и Эгейского морей. Проект партии предполагает обязательное присоединение к Румынии Республики Молдова с этой целью партия «Великая Румыния» проводит различные информационные кампании, пытаясь воздействовать на политическое сознание румын для усиления чувства национальной гордости и необходимости будущих преобразований – восстановления Великой Румынии с Молдавией, Бессарабией и Северной Буковиной в составе единого государства. Поскольку часть территорий принадлежит современной Украине (Бессарабия, Северная Буковина) – это вызывает неприятие украинской стороной данного проекта и осуждение его в украинских СМИ. Что напрямую сказалось в самом начале СВО, когда партия «Великая Румыния», в отличие от многих других европейских праворадикальных организаций, напрямую отказалась от поддержки Украины, но объявила, что поддержка в той или иной форме – личное дело каждого члена партии и решается им самим.

В то же время, следует отметить, что румынские политики различных партий и объединений критически настроены по отношению к РФ, полагая, что российская военная угроза выступает фактором нестабильности на Черном море, что напрямую сказывается на планах румынской элиты по объединению с Молдовой и Приднестровьем. По предположению С. Герасимчука, у румын давние счеты с Россией, идущие еще от первой мировой войны и создания СССР. Так, во время первой мировой войны Румыния передала царскому правительству на хранение часть своего золотого запаса, но победившие после революции большевики и правительство В.И. Ленина отказались возвращать золото «румынским буржуям», не вернули золотой запас и после второй мировой войны уже коммунистическому правительству Румынии во главе с Чаушеску [3].

Что по мнению С. Герасимчука, вызвало охлаждение и недовольство румын политикой СССР в отношении стран Варшавского договора. Все это в итоге привело к осуждению румынским политическим истеблишментом современной политики России в организации СВО.

В отличие от более мелких радикальных партий и организации «Великая Румыния» сразу стала ориентироваться на парламентские и президентские выборы и немало преуспела в этом. Например, до 2008 г. партия имела постоянное представительство в сенате и нижней палате румынского парламента. Что объясняли тогда популярным лозунгом, который использовала партия на выборах, а именно возвращение страны к границам 1940 г., то есть призыв вернуть Бессарабию, ставшую после второй мировой войны советской Молдавией. Кроме того, определенный процент голосов принесла «Великой Румынии» антивенгерская риторика, неприязнь к цыганам и евреям. Однако, если лидер партии Тудор в 2000 г. и занял второе место на президентских выборах, то в последующие годы, особенно со вступлением Румынии в Евросоюз (2007 г.), интерес к радикалам из «Великой Румынии» стал в обществе постепенно угасать, что привело лидера партии Тудора к отказу от публичной антиеврейской риторики и смягчению националистической позиции партии в целом. Затянувшийся кризис в партии привел к ощутимым потерям на электоральном поле, вызвав-

шимся в провале парламентской кампании 2020 г., когда за партию проголосовало всего 0,55% избирателей [1; с. 96].

На сегодняшний день, после смерти Тудора, новое руководство партии сменило крайне радикальную риторику на более умеренную, заявив о центристской направленности «Великой Румынии» и отказе от каких-либо экстремистских призывов и лозунгов. Что, однако, не мешает партии выступать за территориальное расширение страны за счет присоединения Молдовы и Приднестровской республики. И если присоединение Молдовы планируется провести на основе референдума, международного права, то в отношении Приднестровья звучат откровенные призывы о силовом варианте, по примеру российской СВО.

Несмотря на политические неудачи последних лет, партия «Великая Румыния» продолжает влиять на настроения политической элиты Румынии, чего нельзя сказать о других более мелких организациях и группах, таких как, например, партия «Единая Румыния», общественная организация «Железная гвардия» или группировка футбольных фанатов «Легионерское движение», выступающих, преимущественно, как маргинальные представители праворадикальных сил.

Выводы

Подводя некоторые итоги нашему исследованию, следует отметить, что с одной стороны, можно отметить незначительную роль праворадикальных организаций в политическом пространстве Румынии, но с другой стороны, влияние их идей в румынском обществе усиливается за счет стремления руководства Румынии решить территориальную проблему по присоединению Молдовы и Приднестровья. Здесь мы видим, как политическая элита Румынии начинает аккумулировать и использовать некогда маргинальные идеи радикалов в своих политических целях. С этой целью проводятся постоянные встречи с представителями деловых и политических кругов Молдовы, демонстрирующие заинтересованность молдавского руководства с президентом страны Майей Санду в объединительном процессе, который начинает обретать более ясные политические очертания. Так, за старт объединительного процесса уже высказалась нижняя палата парламента Румынии.

Вместе с тем, аппетиты Румынии затрагивают интересы Приднестровской республики, которая не стремится к вхождению в объединенную Румынию. Тогда, как президент Молдовы Майя Санду постоянно обращается к руководству Евросоюза с предложениями о выводе российских войск, по окончании конфликта с Украиной, из Приднестровья и о необходимости «демократизации и демилитаризации приднестровской республики» [8]. В ответ глава евродипломатии К. Каллас заявила, что европейские страны сформулируют ряд предложений к России, где будут настаивать на выводе российских войск из Приднестровской республики.

Мнение российской стороны практически однозначно. Так, Я. Климов отметил, что «Россия будет резко против изменения территориального статуса Приднестровской молдавской республики (ПМР) без учета коренных интересов населения и постарается поддержать ПМР политически, информационно и увеличением своего воинского контингента» [5].

Таким образом, используемая современным руководством Румынии риторика праворадикальных организаций может привести к росту напряженности в регионе и началу нового противостояния с целью присоединения Приднестровской республики. Что потребует от России привлечения экономических, политических, информационных, военных ресурсов для помощи ПМР в отстаивании ее суверенитета и права на самоопределение.

Список источников

1. Биткова Т.Г. Национализм и праворадикальные организации в Румынии // Правый радикализм в Восточной Европе / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М., 2024. С. 82 – 104.
2. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 376 с.
3. Герасимчук С. Русофобия: корни и крона // Материал [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2810> (дата обращения 28.04.2026)
4. Горюнов П.Ю., Гребенщиков И.В. Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию. СПб.: Амрит, 2016. 138 с.
5. Климов Я. В Румынии приняли законопроект об объединении с Молдавией [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/aj0llRe30xWLhDy1> (дата обращения 16.04.2026)
6. Кодряну К. Кредо национал-христианского социализма. М.: Посев, 2006. 118 с.

7. Похилько А.А. Экстремизм и радикализм как политические категории: понятийно-терминологический аппарат // Молодой ученый [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/58/8021> (дата обращения 23.04.2026)
8. Президент Молдавии захотела решить вопрос Приднестровья через Евросоюз [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/akEUDhe30xWLiW48> (дата обращения 28.04.2026)
9. Соин Д. Румынские неонацисты объединились для борьбы против национальных меньшинств // Тирас [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ukraine-russia.livejournal.com/3107244.html> (дата обращения 21.04.2026)
10. Шумицкая Е. К власти в Бухаресте могут прийти ультраправые политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/dipkurer/2025-01-12/10_9168_romania.html (дата обращения: 11.04.2026)
11. Яхьяев М.Я. Истоки и причины существования экстремизма как негативного социального явления // Экстремизм.ру [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/knigi/item/684-lichnostnopsihologicheskie-korni-ekstremizma> (дата обращения: 02.04.2026)
12. Яшин С. Капитанул Кодряну // Альтернативная наука [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vixri.ru/d/GerojDakiiKapitanulKodryanu.pdf> (дата обращения: 17.04.2026)

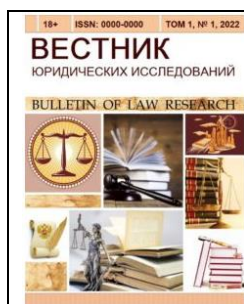
References

1. Bitkova T.G. Nationalism and right-wing radical organizations in Romania. Right-wing radicalism in Eastern Europe. Ed. Shanshieva L.N. Moscow, 2024. P. 82 – 104.
2. Burkovskaya V.A. Criminal religious extremism: criminal-legal and criminological foundations of counteraction: dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2006. 376 p.
3. Gerasimchuk S. Russophobia: roots and crown. Material [Electronic resource] Access mode: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2810> (date of access: 28.05.2026)
4. Goryunov P.Yu., Grebenshchikov I.V. Extremism and radicalism – from concepts to understanding. St. Petersburg: Amirit, 2016. 138 p.
5. Klimov Ya. Romania adopted a bill on unification with Moldova [Electronic resource]. Access mode: <https://dzen.ru/a/aj0lRe30xWLhDy1> (date of access: 16.04.2026)
6. Codreanu K. Credo of National-Christian Socialism. Moscow: Posev, 2006. 118 p.
7. Pokhilko A.A. Extremism and Radicalism as Political Categories: Conceptual and Terminological Apparatus. Young Scientist [Electronic resource] Access mode: <https://moluch.ru/archive/58/8021> (date of access: 23.04.2026)
8. The President of Moldova wanted to resolve the Transnistria issue through the European Union [Electronic resource]. Access mode: <https://dzen.ru/a/akEUDhe30xWLiW48> (date of access: 28.04.2026)
9. Soyn D. Romanian neo-Nazis united to fight against national minorities. Tiras [Electronic resource]. Access mode: <https://ukraine-russia.livejournal.com/3107244.html> (date of access: 21.04.2026)
10. Shumitskaya E. Ultra-right politicians may come to power in Bucharest [Electronic resource]. Access mode: https://www.ng.ru/dipkurer/2025-01-12/10_9168_romania.html (date of access: 11.04.2026)
11. Yakhyayev M.Ya. The Origins and Causes of Extremism as a Negative Social Phenomenon. Extremism.ru [Electronic resource]. Access mode: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/knigi/item/684-lichnostnopsihologicheskie-korni-ekstremizma> (date of access: 02.04.2026)
12. Yashin S. Kapitanul Kodreanu. Alternative Science [Electronic resource]. Access mode: <http://www.vixri.ru/d/GerojDakiiKapitanulKodryanu.pdf> (date of access: 17.04.2026)

Информация об авторе

Арчаков М.К., доктор политических наук, доцент, Благовещенский государственный педагогический университет, vostok731@yandex.ru

© Арчаков М.К., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 321.011.1+341.01+327.8

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-59-67

Эволюция концепта «государственный суверенитет» в условиях нового миропорядка: анализ теоретико-методологических подходов

¹ Арканникова М.С., ¹ Мисюра Д.В.,

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Аннотация: формирование полицентричного миропорядка с неизбежностью разрушает иллюзии о скором «отмирании» национальных границ, делая ревизию классических дефиниций весьма значимой задачей. По существу, использование гегемонами финансовых инструментов в качестве оружия наглядно обнажило серьезную уязвимость либеральной модели глобальной взаимозависимости. Между тем, в научной среде сохраняется глубокий концептуальный раскол. Возникает труднопреодолимое теоретическое противоречие: если мейнстримная западная политология активно легитимирует размывание властных прерогатив в пользу ангажированных наднациональных структур глобального управления, то отечественная школа твердо настаивает на защите конституционной идентичности, неотчуждаемости базовых вестфальских принципов. Цель исследования состоит в выявлении ключевых трансформаций рассматриваемой категории; в системном сопоставлении российской и западной академических парадигм. По-видимому, механическое применение старых изолированных доктрин к современным турбулентным реалиям бесповоротно утрачивает свою эвристическую ценность. Резюмировано, что высшая политическая самостоятельность сегодня преобразовалась из формальной декларации в сложный технологический, экономический комплекс, который гарантирует выживание нации. Авторский вклад выражен в литературном обзоре научного обоснования современных коннотаций концептов «суверенитет» и «суверенная резистентность». Также аргументируется необходимость разработки прикладного Индекса комплексного суверенитета для точного математического ранжирования текущих угроз.

Ключевые слова: глобализация, государственный суверенитет, многополярность, национальная идентичность, полицентричный миропорядок, суверенная резистентность, цифровой суверенитет

Для цитирования: Арканникова М.С., Мисюра Д.В. Эволюция концепта «государственный суверенитет» в условиях нового миропорядка: анализ теоретико-методологических подходов // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 59 – 67. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-59-67

Поступила в редакцию: 9 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Evolution of the concept of "state sovereignty" in the context of the new world order: an analysis of theoretical and methodological approaches

¹ Arkannikova M.S., ¹ Misyura D.V.,

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Abstract: the formation of a polycentric world order inevitably destroys illusions about the imminent "withering away" of national borders, making a revision of classical definitions a very significant task. In essence, the use of financial instruments as weapons by hegemon has clearly exposed the serious vulnerability of the liberal model of global interdependence. Meanwhile, a deep conceptual rift persists in the academic community. A difficult-to-overcome theoretical contradiction arises: if mainstream Western political science actively legitimizes the erosion of sovereign prerogatives in favor of engaged supranational structures of global governance, then the Russian school firmly insists on the protection of constitutional identity and the

inalienability of basic Westphalian principles. The aim of the study is to identify key transformations of the category under consideration; to systematically compare the Russian and Western academic paradigms. Apparently, the mechanical application of old isolated doctrines to modern turbulent realities is irreversibly losing its heuristic value. It is summarized that supreme political independence today has transformed from a formal declaration into a complex technological and economic complex that guarantees the survival of the nation. The author's contribution is expressed in a literature review of the scientific substantiation of modern connotations of the concepts of "sovereignty" and "sovereign resistance." The necessity of developing an applied Comprehensive Sovereignty Index for the accurate mathematical ranking of current threats is also argued.

Keywords: globalization, state sovereignty, multipolarity, national identity, polycentric world order, sovereign resistance, digital sovereignty

For citation: Arkannikova M.S., Misyura D.V. Evolution of the concept of "state sovereignty" in the context of the new world order: an analysis of theoretical and methodological approaches. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 59 – 67. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-59-67

The article was submitted: June 9, 2026; Approved after reviewing: July 7, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Концепт независимости верховной власти исторически выступает в качестве базиса политико-правовой организации человеческого общества. По сути, именно благодаря ему определяется сама природа взаимодействия автономных акторов на межгосударственной арене. Впрочем, сегодня классические дефиниции подвергаются серьезному пересмотру. Мировое сообщество проходит через этап структурных преобразований. Формируется новый, полицентричный миропорядок. Одновременно с этим происходит эрозия привычных институтов глобального управления, которые были созданы в середине прошлого века. Глобализация в ее либерально-универсалистском изводе уступает место регионализации. Набирают силу процессы политической фрагментации. Верховенство страны внутри собственных территориальных границ и ее полная независимость во внешней среде требуют концептуально нового теоретического осмысления

Текущий кризис монополярной системы неизбежно затрагивает правовые и духовно-нравственные основы существования наций и цивилизаций. Агрессивные экономические санкции, диктат цифровых платформ-монополистов вкупе с бесконтрольными трансграничными потоками данных – все это ежедневно проверяет на прочность традиционную политическую самостоятельность суверенных государств. Разумно предположить, что в подобных реалиях механическое применение старых доктрин утрачивает свою эвристическую ценность. Между тем, научный дискурс по обсуждаемой проблематике остается весьма поляризованным. Западная академическая мысль все чаще тяготеет к идеям «разделенного» или «ограниченного» статуса государств. В свою очередь, отечественная политологическая школа твердо настаивает на императиве национальных интересов. На основании отмеченного подчеркнем острую необходимость беспристрастного анализа указанных расхождений.

Материалы и методы исследований

Теоретическая база исследования опирается на репрезентативный массив трудов, которые охватывают как историко-правовой генезис, так и современную политологическую оценку суверенитета. В целом, анализируемая литература позволяет проследить сложную эволюцию доктрины от классического абсолютизма до концепций взаимозависимости и автолимитации в условиях полицентричности.

Выбор публикаций был обусловлен необходимостью проведения разностороннего компаративного анализа концепций суверенитета. Для реконструкции первоначальных смыслов привлекаются работы, где исследуется наследие основоположников теории. В частности, историко-правовой подход, где суверенитет рассматривается как абсолютная власть, делегированная в результате общественного договора, раскрывается в трудах таких ученых, как М.С. Бобкова [3], Е. Карчагин [11], А.Е. Ухов, Э.Л. Ковров, Э.Г. Симонян [20]. Актуализация боденовского понимания суверенитета как единой и неделимой верховной власти в реалиях постмодерна прослеживается у L. Oulabbib [26]. Генезис вестфальской парадигмы, в которой рассматриваемая категория трактуется через формальное равенство государств и принцип невмешательства во внутренние дела, и ее влияние на современную архитектуру международного публичного права изучают И.В. Борщ [4], А.А. Дорская [6]. Представляется, что без понимания этих базовых конструктивов невозможна адекватная оценка нынешних кризисных явлений.

В современной науке прослеживается поляризация взглядов на природу этого института. Так, представители западной политической науки в лице S.D. Krasner [24, 25], M.J. Kelly [23] видят суверенитет как проницаемую и условную категорию, аргументируя закономерность ограничения автономии стран ради глобальной интеграции или гуманитарных интервенций. В противовес им отечественная школа, представленная работами А.Г. Дугина [7], В.Д. Зорькина [8], А.А. Кокошина [12], В.В. Лапкина [14], М.Н. Марченко [16], И.К. Пантина [18] и т. д., использует государственно-центричный подход, понимая суверенитет как неотъемлемое свойство государства. Данные авторы твердо постулируют примат конституционной идентичности и принципиальную неотчуждаемость национальных интересов. Для характеристики трансформации суверенитета в условиях нового миропорядка задействованы системные изыскания В.В. Ильина [10], М.А. Лихачева [15], А. Фененко [21]. Дополнительно привлекается новейшая макроэкономическая статистика МВФ [22]; с ее помощью подтверждается структурное смещение центров финансового влияния.

Между тем, в проанализированном массиве источников обнаруживаются определенные пробелы. В большинстве классических и даже относительно свежих работ правовая догматика существенно оторвана от технологических реалий. Вопросы информационной независимости и контроля над цифровой инфраструктурой, определяющие контуры выживания наций в XXI веке, зачастую выпадают из фокуса внимания.

При подготовке статьи применялось сочетание методов. Базовыми послужили сравнительный анализ и литературный обзор научных публикаций. Именно они позволили объективно сопоставить отечественную и западную традиции, выделив в них точки соприкосновения и непреодолимые «водоразделы». Ретроспективный анализ был необходим для отслеживания логики трансформации категории от эпохи Возрождения до вехи цифровых платформ. Разумно предположить, что без строгой оценки среды обитания современных стран научная картина оказалась бы неполной. Поэтому задействован системно-структурный подход, благодаря которому формирующийся полицентричный миропорядок рассматривается как сложная внешняя переменная, детерминирующая адаптацию институтов власти.

Результаты и обсуждения

Генезис анализируемой доктрины неразрывно связан с процессами централизации власти в средневековой Европе. Первое системное обоснование феномен получил во второй половине XVI столетия. Жан Боден в своем фундаментальном труде «Шесть книг о государстве» (1576 г.) впервые четко определил рассматриваемую категорию как «абсолютную и постоянную власть» [3, 26]. Французский мыслитель стремился легитимировать монархию перед лицом феодальной раздробленности и разрушительных религиозных войн. Видимо, именно суровый исторический контекст заставил его наделить правителя жесткой монополией на правотворчество, применение силы. В боденовской модели изначально предполагалась строгая неделимость верховных полномочий. В ней категорически не допускалась институциональная конкуренция со стороны римской церкви или локальных сеньоров.

Последующее развитие концепт получил в рамках Вестфальской системы мирных договоров 1648 г. Был юридически закреплён принцип *cuius regio, ejus religio* (чья власть, того и вера). Это стало «отправной точкой» для утверждения базового равенства суверенов на международной арене [4, 6]. Чуть позже Томас Гоббс в трактате «Левиафан» довел идею централизации до логического предела. Он обосновал необходимость жесткого административного контроля для предотвращения гипотетической «войны всех против всех» [11]. В сопоставлении с более ранними подходами, гоббсовская интерпретация смело переносила смысловой акцент с божественного провидения на прагматичный общественный договор.

В XIX и XX веках доктрина обогатилась идеями народного волеизъявления (Ж.-Ж. Руссо) и национального самоопределения [20]. Учреждение Организации Объединённых Наций формально зафиксировало суверенное равенство всех полноправных членов организации. Однако уже со второй половины прошлого столетия начался латентный обратный процесс. Расширение наднациональных структур (к примеру, Европейский экономический союз, позднее ЕС) привело к добровольному делегированию странами части своих сугубо внутренних полномочий. Развитие теории автолимитации (самоограничения) Георга Еллинека позволило юристам объяснить этот феномен без разрушения базовой догматики [15].

По-видимому, именно усиливающаяся экономическая взаимозависимость стала главным фактором, размывающим жесткие вестфальские границы на рубеже тысячелетий. Возникло понятие «проницаемости» государств. Транснациональные корпорации (ТНК) и международные неправительственные организации (НПО) превратились в самостоятельных, весьма влиятельных акторов. В связи с этим отметим, что

классический боденовский абсолютизм бесповоротно утратил практическую применимость в условиях развитой глобализации. Научному сообществу потребовались новые методологические рамки для адекватного описания политической реальности.

Теоретическое осмысление вопросов независимости в XXI веке характеризуется глубоким концептуальным расколом. Западная политическая наука (представленная трудами С. Краснера, Р. Кохэна и их последователей) сформировала либерально-институциональную парадигму. В ней строгая изоляционистская автономия рассматривается скорее как опасный анахронизм. С. Краснер, в частности, выделяет несколько самостоятельных измерений (международно-правовое, вестфальское, внутреннее, взаимозависимое) и смело утверждает, что на практике полный суверенитет всегда оставался «организованным лицемерием» [24, 25].

Европейские и американские исследователи высвечивают важность «пулинга» (совместного объединения) прав ради достижения общих экономических выгод [23]. Примечательно, что данный подход весьма успешно легитимирует так называемые гуманитарные интервенции и жесткое санкционное давление. Подобные действия оправдываются необходимостью защиты универсальных демократических ценностей.

В отечественной научной традиции формулируется принципиально иной, защитный взгляд. В трудах философов (Н.Я. Данилевский), правоведов и политологов (В.Д. Зорькин, А.А. Кокошин, М.Н. Марченко) государственная самостоятельность постулируется как неотчуждаемое свойство, ключевое условие для существования и развития цивилизации [1, 5, 8, 12, 16]. Фиксируется базовый фундамент – национальная идентичность. Следует констатировать, что «российские подходы анализируются через историческую динамику: от смены идеологических оснований до современных документов стратегического планирования, таких как Концепция внешней политики и Стратегия национальной безопасности» [17, с. 126]. Аргументированно критикуются любые попытки использовать международное право в качестве закамуфлированного инструмента геополитической гегемонии. Еще Н.Я. Данилевский подчеркивал, что каждая локальная цивилизация должна защищать свою политическую независимость, так как не существует общечеловеческой цивилизации – есть только отдельные культурно-исторические типы с их специфическими чертами и жизненными циклами [5].

Политолог И.С. Семененко рассматривает суверенитет не только как политико-правовую независимость, но и как политико- и социокультурный конструкт, отмечая, что основу анализируемого явления составляет идентичность – система ценностей, которая объединяет общество, и личный выбор человека связывать будущее своей семьи с развитием страны [19], с учетом того, что «в концепт идентичности зачастую целенаправленно "упаковываются" групповые интересы и партикулярные ценностные установки» [9, с. 22].

Философ А.Г. Дугин трактует суверенитет как способность государства или цивилизации быть независимым субъектом, а не объектом мировой политики [7].

Политический философ и политолог В.В. Лапкин рассматривает суверенитет как исторически изменяющееся явление, которое в условиях XXI века сталкивается с серьезными вызовами. По его замечанию, национальные государства все чаще делят суверенные полномочия с надгосударственными структурами и транснациональными корпорациями [14].

Философ И.К. Пантин характеризует суверенитет в качестве исторически развивающегося явления, которое тесно связано с демократией, геополитикой, цивилизационными особенностями общества. Речь идет не о застывшей догме, а о результате непрекращающейся борьбы за независимость наций и государств в меняющихся геополитических реалиях [18].

Как отмечает Г.В. Коцур, «суверенитет» в дискурсе ЕС и России – это два принципиально разных концепта внутри одного и того же слова. Для Евросоюза он предстает способностью принимать независимые решения, в первую очередь, в экономике, сферах информации, безопасности для борьбы с вызовами наднационального уровня. В российском ценностном поле это важнейший социальный объект, который связан, прежде всего, с государственной безопасностью. Его необходимо защищать от угроз и вмешательства [13].

В отличие от западных подходов, отечественные авторы склонны рассматривать глобализацию не как безусловное благо, а как источник серьезных рисков и экзистенциальных угроз для национальной безопасности страны. Следовательно, закономерно возникает проработанная концепция «защиты суверенитета» в различных, ранее не существовавших измерениях: информационном, технологическом, культурно-мировоззренческом.

Для наглядности основные теоретические расхождения систематизированы и представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ подходов западной и российской научных школ к пониманию государственного суверенитета.

Table 1

Comparative analysis of approaches of Western and Russian scientific schools to understanding state sovereignty.

Критерий	Школы	
	Западная (либерально-институциональная)	Российская (государственно-центричная)
Отношение к процессам глобализации	Рассматривается как объективный позитивный процесс, который требует частичного отказа от национальной юрисдикции	Оценивается критически; основной упор сделан на рисках утраты экономической и политической субъектности
Определение ключевого субъекта	Размывание монополии страны; признание ТНК, НПО, наднациональных структур полноправными акторами	Держава остается главным и неделимым субъектом; международные организации вторичны по отношению к воле учредителей
Приоритет в иерархии права	Доминирование наднациональных норм и навязываемых универсальных стандартов над внутренним законодательством	Верховенство национальной конституции; внешние договоры действуют исключительно при условии их непротиворечия основному закону
Отношение к базовым ценностям	Ценности неолиберального глокалитета	Духовно-нравственные, формирующие национальную идентичность
Дискурс стратегического суверенитета	Дискурс индивидуального бытия в глобальном мире Анонимов: «я-для-себя», «мир-для-меня»	Духовно-интегрирующий дискурс соучастного или подлинно диалогического бытия: «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня»
Отношение к цифровому пространству	Продвижение идеи «открытого интернета» под управлением глобальных (в основном, западных) техногигантов	Жесткая защита цифрового суверенитета. Создание локализованной инфраструктуры маршрутизации данных

Главный «водораздел» проходит по линии отношения к наднациональности. В западной парадигме пытаются юридически закрепить сложившуюся асимметрию финансовой силы через подконтрольные институты глобального управления. Российская же выступает за строгое соблюдение исконных вестфальских принципов неприкосновенности границ и невмешательства во внутренние дела, методично адаптируя их к технологическим вызовам современности.

События первой четверти текущего столетия многократно ускорили слом однополярной архитектуры. Формирующийся многополярный (или полицентричный) миропорядок предстает мощным фактором ревизии правовых дефиниций [10, 21]. По существу, сегодня наблюдается вынужденное возвращение к концепции «жесткой» автономии, но уже на совершенно иной технологической и финансовой базе.

Ключевой движущей силой изменений стала стремительная «эрозия» доверия к глобальным арбитрам. Использование доллара в качестве «финансового оружия», заморозка резервных активов целых стран в сочетании с отключением банков от систем передачи сообщений (в частности, SWIFT) наглядно продемонстрировали фатальную уязвимость либеральной модели «взаимозависимости». Разумно предположить, что тесная экономическая кооперация с бывшими гегемонами более не воспринимается как надежная гарантия безопасности. Азиатские, африканские, латиноамериканские столицы вынуждены экстренно выстраивать независимые контуры жизнеобеспечения.

С помощью эмпирических данных подтверждается масштабное смещение глобальных центров силы. Согласно обновленным материалам Международного валютного фонда (МВФ), доля стран БРИКС в мировом валовом внутреннем продукте (по паритету покупательной способности) устойчиво превышает 35%, уверенно обходя показатели группы G7 [22]. Указанная фундаментальная перебалансировка неизбежно влечет за собой справедливые требования политической эмансипации. Страны Глобального Юга все чаще артикулируют свое законное право на суверенный путь развития, который свободен от неокOLONиального диктата и поучений.

Помимо товарных рынков, критической зоной преобразований стала цифровая среда. Информационная независимость приобрела статус первостепенной задачи выживания. Уверенное владение критической инфраструктурой, наличие собственных поисковых систем, соцсетей определяет реальную, а не номинальную степень свободы в эпоху медиатизированного общества. Крупнейшие IT-корпорации обладают бюджетами, многократно превышающими ВВП десятков государств. Они способны напрямую манипулировать общественным мнением, блокировать аккаунты законно избранных лидеров. И это представляет прямую угрозу институтам власти. В связи с этим развитые мировые акторы деятельно создают правовые механизмы локализации пользовательской информации (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые маркеры трансформации государственного суверенитета в условиях нового миропорядка (2020-2026 гг.).

Table 2

Key markers of the transformation of state sovereignty in the context of the new world order (2020-2026).

Сфера изменений	Характер внешней угрозы	Механизмы обеспечения суверенитета (практические кейсы)
Финансово-экономическая	Использование фиатных валют как инструмента давления; риск блокировки корреспондентских счетов	Форсированный переход на расчеты в национальных дензнаках; запуск альтернативных систем (CIPS в Китае, СПФС в России); скупка монетарного золота
Технологическая (цифровая)	Информационная гегемония западных корпораций; риск таргетированных кибератак на инфраструктуру	Обязательная локализация баз данных на территории страны; создание национальных файрволов; массированная господдержка локального IT-сектора
Ценностно-идеологическая	Агрессивный экспорт универсалистских культурных кодов, которые разрушают традиционный ценностно-суверенный фундамент	Прямая конституционная защита традиционных духовно-нравственных ценностей; жесткое регулирование деятельности иностранных агентов, иностранных медиа
Институциональная	Политизация международных судебных структур (ЕСПЧ, МУС) и профильных комитетов ООН	Юридическое закрепление приоритета национального права над решениями ангажированных межгосударственных органов. Расширение БРИКС и ШОС

На основании проведенного анализа возникает потребность в разработке обновленного методологического инструментария. На фоне усиливающейся геополитической фрагментации простого декларативного провозглашения независимости уже недостаточно.

Авторы констатируют, что новый миропорядок и мегатренды декларируют новую конфигурацию мира в трёх глубоко взаимосвязанных направлениях:

- 1) геополитическую перестройку и трансформацию суверенитета;
- 2) нарастающую глобальную демографическую катастрофу с экономическими последствиями;
- 3) технологическую революцию – от генеративного ИИ и платформизации до автономных систем.

Сквозной детерминантой является ускорение всех этих изменений, их необратимость и кумулятивный эффект на рынок труда, образование, промышленность и инновации, здравоохранение и государственный суверенитет. Можно говорить о том, что понятие суверенитета сегодня «перестраивается»: полнота контроля над инфраструктурами, технологиями и данными становится не менее важной, чем традиционные ресурсы и военная мощь, значение связующих юрисдикций и платформ растет. Использование зарубежных платформ перемещает данные за пределы страны, что означает торговлю будущим и тотальную (экономическую, политическую) зависимость. Базовый уровень суверенитета – локализация данных и контроль работоспособности, продвинутый – собственная разработка платформ [2].

Также требуются конкретные, измеримые шаги. Так, предлагается ввести в научный оборот и управленческую политическую практику концепт «суверенной резистентности». Данный термин точно отражает способность властных институтов не просто сохранять формальные атрибуты государственности, но и обеспечивать бесперебойное функционирование критических систем (логистики, связи, энергетики и т.д.) в условиях внезапного внешнего шока. В отличие от статических классических определений, резистентность обладает динамикой. Она может быть измерена. Эта новация помогает решить проблему отрыва политической теории от суровой экономической практики.

Методологической основой для объективизации оценки устойчивости государства должна стать разработка профильными научными центрами «Индекса комплексного суверенитета». В основу данного инструментария положены принципы системного анализа и концепции экономической и технологической безопасности, что позволяет осуществлять квантификацию латентных структурных уязвимостей. Архитектура сводного индекса базируется на декомпозиции суверенитета на четыре критических субдомена, которые верифицируются через систему репрезентативных индикаторов: финансово-экономический (процент международных расчетов в национальной валюте), ресурсно-распределительный (уровень самообеспеченности продовольствием), цифровой (доля локализованного программного обеспечения в госсекторе), промышленно-технологический (степень импортозависимости в сфере микроэлектроники). Новизна и назначение описываемого аналитического аппарата заключаются в переходе от дескриптивного описания рисков к их многокритериальному математическому моделированию. Эмпирическая обоснованность подхода выражена в возможности динамического ранжирования угроз на основе расчета пороговых значений (триггеров). Внедрение данного прогностического инструментария обеспечит органы государственного управления предиктивной базой для превентивного купирования системных рисков и стратегического планирования до момента наступления полномасштабных кризисов.

Выводы

Концепт политической независимости переживает сегодня глубокую, парадигмальную перестройку. Инициированная французским мыслителем Жаном Боденом доктрина абсолютной власти прошла долгий, извилистый путь развития. Она последовательно трансформировалась через вестфальское равноправие, буржуазное народное волеизъявление до весьма сложных моделей взаимозависимости эпохи зрелого модерна. Впрочем, романтические иллюзии начала XXI века о скором, неизбежном отмирании национальных границ под мощным напором глобализации совершенно не оправдались. Напротив, в текущем десятилетии имеет место отчетливое, мощное возрождение государственно-центричной модели управления.

Представленный в статье сравнительный анализ отражает расхождение школ. Западная и российская научные традиции предлагают исследователям диаметрально противоположные руководства по адаптации к изменившимся реалиям. Если западный мейнстримный дискурс упорно продолжает настаивать на дальнейшем размывании властных прерогатив в пользу ангажированных глобальных институтов, то отечественная наука логично обосновывает необходимость защиты национальной автономии во всех возможных проявлениях. Резюмируем, что глубокий теоретический конфликт является лишь прямым академическим отражением жестокой и агрессивной геополитической борьбы за контуры будущего обустройства мира.

Изменение системы международных координат отчетливо проявляется через конкретные маркеры полицентричности. Финансовый, цифровой, неприкрытый ценностный диктат прежних гегемонов вынуждает новые центры силы экстренно формировать собственные, непроницаемые защитные контуры. Высшая политическая самостоятельность сегодня – это отнюдь не стандартная декларация о невмешательстве в дела друг друга, написанная на гербовой бумаге. Речь идет о сложнейшем технологическом, экономическом, военном / синергетическом комплексе, который гарантирует выживание нации на фоне нарастающей мировой турбулентности. Способность страны надежно защитить закрытые базы данных, произвести критические микрочипы, беспрепятственно провести трансграничные транзакции в обход чужих систем становится истинным, объективным мерилom независимости.

Список источников

1. Арканникова М.С. Культурный суверенитет в дискурсах развития // Коммуникология. 2024. Т. 12. № 4. С. 13 – 27.
2. Арканникова М.С. Экспертное заключение эксперта Росконгресса по итогам работы ПМЭФ-2026: Революция ИИ или есть ли будущее у креативных индустрий. URL: <https://roscongress.ru/speakers/> (дата обращения: 24.05.2026)
3. Бобкова М.С. Книги Жана Бодена в фондах Российских библиотек // Люди и тексты. Исторический альманах. 2022. № 15. С. 129 – 149.
4. Борщ И.В. Вестфальский мир и религия в контексте эволюции публичного права в Европе // Современная Европа. 2023. № 1 (115). С. 173 – 183.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа // Среднерусский вестник общественных наук. 2006. № 1. С. 127 – 128.

6. Дорская А.А. Вестфальская система и ее роль в становлении современного миропорядка // Образование и право. 2024. № 6. С. 13 – 18.
7. Дугин А.Г. Геополитическое будущее России: многополярность и основные стратегические перспективы в XXI в // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 68 – 97.
8. Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12 (108). С. 30 – 36.
9. Идентичность как ресурс общественного развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. 512 с.
10. Ильин В.В. Глобальный миропорядок: живое и отжившее – контуры предстояния // Век глобализации. 2022. № 3 (43). С. 18 – 32.
11. Карчагин Е. Сколько видов справедливости в «Левиафане» Томаса Гоббса? // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1. С. 87 – 108.
12. Кокошин А.А. Обеспечение реального суверенитета России в современном мире // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 12. С. 1090 – 1097.
13. Коцур Г.В. Деконтекстуализация концептов «суверенитет» и «стратегический суверенитет» в официальных дискурсах России и Европейского союза, 2016-2021 гг. // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 23 – 36.
14. Лапкин В.В. Территориальное государство и сложное общество: императив коэволюции в пространстве политики // Полис. Политические исследования. 2023. Т. 5. С. 172 – 191.
15. Лихачев М.А. Политики международной правосубъектности и их историческая изменчивость // Журнал ВШЭ по международному праву. 2023. Т. 1. № 1. С. 8 – 25.
16. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 1. С. 186 – 197.
17. Назаров В.П. К вопросу об определении национальных интересов Российской Федерации // Полис. Политические исследования. 2026. № 3. С. 126 – 135.
18. Пантин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 134 – 148.
19. Семенов И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 91 – 102.
20. Ухов А.Е., Ковров Э.Л., Симонян Э.Г. Либерализм, социализм или коммунитаризм: противоречия принципов общественного договора Жан-Жака Руссо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 85 – 102.
21. Фененко А. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 1. С. 6 – 42.
22. GDP based on PPP, share of world. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (дата обращения: 05.05.2026)
23. Kelly M.J. Pulling at the Threads of Westphalia: Involuntary Sovereignty Waiver-Revolutionary International Legal Theory or Return to Rule by the Great Powers // UCLA J. Int'l L. & Foreign Aff. 2005. Vol. 10. P. 361.
24. Krasner S.D. Abiding sovereignty // International political science review. 2001. Vol. 22. № 3. P. 229 – 251.
25. Krasner S.D. Sovereignty: An institutional perspective // Comparative political study. 1988. Vol. 21. № 1. P. 66 – 94.
26. Oulahbib L. Bodin's Theory of Sovereignty and Its Updating // Brolly. 2024. Vol. 5. № 3. P. 61 – 67.

References

1. Arkannikova M.S. Cultural Sovereignty in Development Discourses. Communicology. 2024. Vol. 12. No. 4. P. 13 – 27.
2. Arkannikova M.S. Expert Opinion of a Roscongress Expert on the Results of SPIEF 2026: The AI Revolution, or Do Creative Industries Have a Future? Available at: <https://roscongress.ru/speakers/> (date of access: 24.05.2026)
3. Bobkova M.S. Jean Bodin's Books in Russian Library Collections. People and Texts. Historical Almanac. 2022. No. 15. P. 129 – 149.

4. Borshch I.V. The Peace of Westphalia and Religion in the Context of the Evolution of Public Law in Europe. *Modern Europe*. 2023. No. 1 (115). P. 173 – 183.
5. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2006. No. 1. P. 127 – 128.
6. Dorskaya A.A. The Westphalian System and Its Role in the Formation of the Modern World Order. *Education and Law*. 2024. No. 6. P. 13 – 18.
7. Dugin A.G. Russia's Geopolitical Future: Multipolarity and Main Strategic Prospects in the 21st Century. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2011. No. 2. P. 68 – 97.
8. Zorkin V.D. Rule of Law and Constitutional Justice. *Journal of Russian Law*. 2005. No. 12 (108). P. 30 – 36.
9. Identity as a Resource of Social Development. *Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field*. Ed. I.S. Semenenko. IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2023. 512 p.
10. Ilyin V.V. Global World Order: Living and Obsolete – Contours of the Future. *The Age of Globalization*. 2022. No. 3 (43). P. 18 – 32.
11. Karchagin E. How Many Types of Justice are There in Thomas Hobbes's Leviathan? *Sociological Review*. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 87 – 108.
12. Kokoshin A.A. Ensuring the Real Sovereignty of Russia in the Modern World. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 84. No. 12. P. 1090 – 1097.
13. Kotsur G.V. Decontestation of the Concepts of “Sovereignty” and “Strategic Sovereignty” in the Official Discourses of Russia and the European Union, 2016-2021. *Polis. Political Studies*. 2023. No. 4. P. 23 – 36.
14. Lapkin V.V. Territorial State and Complex Society: The Imperative of Coevolution in the Space of Politics. *Polis. Political Studies*. 2023. Vol. 5. P. 172 – 191.
15. Likhachev M.A. Policies of International Legal Personality and Their Historical Variability. *HSE Journal of International Law*. 2023. Vol. 1. No. 1. P. 8 – 25.
16. Marchenko M.N. State Sovereignty: Problems of Defining the Concept and Content. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. 2003. No. 1. P. 186 – 197.
17. Nazarov V.P. On the Issue of Defining the National Interests of the Russian Federation. *Polis. Political Studies*. 2026. No. 3. P. 126 – 135.
18. Pantin I.K. Democracy in Russia: Contradictions and Problems. *Polis. Political Studies*. 2003. No. 1. P. 134 – 148.
19. Semenenko I.S. Nation, Nationalism, National Identity: New Perspectives of Scientific Discourse. *World Economy and International Relations*. 2015. No. 11. P. 91 – 102.
20. Ukhov A.E., Kovrov E.L., Simonyan E.G. Liberalism, Socialism, or Communitarianism: Contradictions in the Principles of Jean-Jacques Rousseau's Social Contract. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2025. No. 88. P. 85 – 102.
21. Fenenko A. World Order as a Theoretical and Methodological Category. *International Processes*. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 6 – 42.
22. GDP based on PPP, share of world. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (date of access: 05.05.2026)
23. Kelly M.J. Pulling at the Threads of Westphalia: Involuntary Sovereignty Waiver-Revolutionary International Legal Theory or Return to Rule by the Great Powers. *UCLA J. Int'l L. & Foreign Aff.* 2005. Vol. 10. P. 361.
24. Krasner S.D. Abiding sovereignty. *International political science review*. 2001. Vol. 22. No. 3. P. 229 – 251.
25. Krasner S.D. Sovereignty: An institutional perspective. *Comparative political study*. 1988. Vol. 21. No. 1. P. 66 – 94.
26. Oulahbib L. Bodin's Theory of Sovereignty and Its Updating. *Brolly*. 2024. Vol. 5. No. 3. P. 61 – 67.

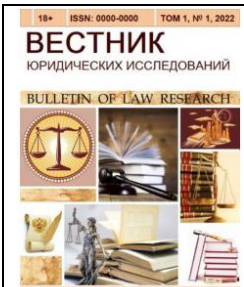
Информация об авторах

Арканникова М.С., кандидат политических наук, доцент, директор, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Мисюра Д.В., соискатель, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

© Арканникова М.С., Мисюра Д.В., 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

	Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research» https://blr-journal.ru 2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 https://blr-journal.ru/archives/category/publications Научная статья / Original article УДК 343.42 DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-68-74
--	--

Конституционный строй как комплексный объект уголовно-правовой охраны: вопросы структуры, иерархии и публично-правовой природы

¹ Серeda С.П.,

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: в представленной статье исследуется конституционный строй Российской Федерации как комплексный объект уголовно-правовой охраны в контексте его структуры, иерархии и публично-правовой природы. Автор обосновывает необходимость пересмотра сложившихся в уголовно-правовой науке представлений о месте и значении конституционного строя в системе охраняемых уголовным законом благ. В работе выявляются системные противоречия законодательной регламентации охраны конституционного строя, связанные с отсутствием чёткой иерархии объектов уголовно-правовой охраны, размытостью границ между конституционным строем и государственной безопасностью, а также бессистемностью криминализации новых составов преступлений. Предлагается авторская модель многоуровневой структуры конституционного строя как объекта охраны, включающая нормативный, институциональный, функциональный и ценностный уровни. Обосновывается вывод о том, что конституционный строй должен рассматриваться не как один из объектов охраны наряду с другими, а как системообразующая основа всей системы уголовно-правовой охраны, производная от конституционной аксиологии. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования структуры Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и разработки концепции уголовной политики в сфере обеспечения конституционной безопасности.

Ключевые слова: конституционный строй, уголовно-правовая охрана, основы конституционного строя, государственная безопасность, конституционная безопасность, иерархия объектов охраны, криминализация, системность

Для цитирования: Серeda С.П. Конституционный строй как комплексный объект уголовно-правовой охраны: вопросы структуры, иерархии и публично-правовой природы // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 68 – 74. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-68-74

Поступила в редакцию: 2 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

***The constitutional system as a complex object of criminal law protection:
issues of structure, hierarchy and public law nature***

¹ Sereda S.P.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the article examines the constitutional system of the Russian Federation as a complex object of criminal law protection in the context of its structure, hierarchy and public law nature. The author justifies the need to revise the ideas that have developed in criminal law science about the place and importance of the constitutional system in the system of goods protected by criminal law. The paper identifies systemic contradictions in the legislative regulation of the protection of the constitutional system related to the lack of a clear hierarchy of objects of criminal law protection, blurred boundaries between the constitutional system and state security, as well as the haphazard criminalization of new crimes. The author's model of the multilevel structure of the constitutional system as an object of protection is proposed, including normative, institutional, functional and value levels. The conclusion is substantiated that the constitutional system should be considered not as one of the objects of protection along with others, but as the system-forming basis of the entire system of criminal law protection, derived from constitutional axiology. The results of the research can be used to improve the structure of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) and to develop a concept of criminal policy in the field of ensuring constitutional security.

Keywords: constitutional system, criminal law protection, foundations of the constitutional system, state security, constitutional security, hierarchy of objects of protection, criminalization, consistency

For citation: Sereda S.P. The constitutional system as a complex object of criminal law protection: issues of structure, hierarchy and public law nature. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 68 – 74. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-68-74

The article was submitted: June 2, 2026; Approved after reviewing: July 1, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Обеспечение незыблемости конституционного строя относится к числу приоритетных задач современного правового государства. Как справедливо отмечает З.Л. Шхагапсоев, обеспечение безопасности государства и незыблемости его конституционного строя является первостепенной задачей любой страны [6, с. 56]. В условиях геополитической напряжённости и информационно-психологического воздействия проблема эффективной уголовно-правовой охраны конституционного строя приобретает особую значимость.

В доктрине уголовного права не сформировано единого мнения о содержании и структуре конституционного строя как объекта охраны. А.С. Ахметшин констатирует наличие активных дискуссий: одни авторы сужают объект до основ конституционного строя, другие дают излишне широкое толкование [1, с. 113]. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, число осуждённых по главе 29 УК РФ выросло с 862 в 2023 г. до 1254 в 2024 г. (+45,5%), за первое полугодие 2025 г. – 818 осуждённых [14]. По данным судебной статистики, в 2024 г. лидируют составы: ст. 280.2 (203 осуждённых), ст. 282.2 (179), ст. 275 (145), ст. 283.2 (129), ст. 282.4 (127) [14]. Доля преступлений из главы 29 – 0,24%, но рост судимости (более 45% за год) требует системного подхода к криминализации деяний в данной области. Данные преступления обладают повышенной общественной опасностью, поскольку даже единичные случаи способны нанести существенный урон [6, с. 55].

Цель настоящего исследования – определить структуру, иерархию и публично-правовую природу конституционного строя как комплексного объекта уголовно-правовой охраны.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа включает диалектический, системно-структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Источниковую базу составили: Конституция РФ, УК РФ (глава 29), Федеральный закон «О безопасности», Стратегия национальной безопасности, доктринальные труды С.Л. Нуделя, А.С. Ахметшина, И.М. Пшеничнова, А.В. Шеслера, В.Д. Самойлова, З.Л. Шхагапсоева, Д.В. Царева, Э.В. Густовой, Е.В. Пономаренко, К.О. Копшевой, Е.Б. Кургузкиной, Н.А. Власовой, М.Х. Гельдибаева,

В.Н. Медведева, а также статистические данные Судебного департамента по форме № 10-а за 2023-2025 гг. [14]. Статистический метод применён для анализа динамики и структуры рассматриваемой преступности и судимости.

Результаты и обсуждения

С.Л. Нудель определяет конституционный строй как совокупность общественных отношений, опосредующих форму организации государства, включая взаимодействие с гражданским обществом, обеспечивающую подчинение праву и характеризующую государство как конституционное [11, с. 126]. Автор обоснованно различает конституционный строй (общественные отношения) и его основы (принципы, нормативная модель), подчёркивая, что охране подлежат именно общественные отношения, а не нормативные устои [11, с. 127]. Это различие имеет принципиальное значение для квалификации.

Публично-правовая природа конституционного строя проявляется в его системообразующем характере, межотраслевом механизме охраны и учредительной функции по отношению к иным объектам. Как отмечает С.Л. Нудель, данная категория, являясь «порождением» конституционного права, включена в сферу действия уголовного права, при этом усиливается субординационная связь соответствующих отраслей [11, с. 124]. А.В. Шеслер также рассматривает политическую систему как составную часть конституционного строя, акцентируя субъектный состав (государство, партии, Президент) [4, с. 93]. Однако такой подход недостаточен, ибо конституционный строй включает не только субъектов, но и институты, процедуры и принципы взаимодействия (народовластие, разделение властей, политический плюрализм). Игнорирование этих аспектов сужает круг объектов, нуждающихся в охране.

На основе анализа доктрины и положений главы 1 Конституции РФ предлагается четырёхуровневая модель структуры конституционного строя как объекта охраны:

«Ядерный уровень» (основы) – фундаментальные принципы: народовластие, федерализм и территориальная целостность, республиканская форма правления, разделение властей, верховенство права, признание прав человека высшей ценностью, идеологическое и политическое многообразие и др. На это, в частности, обращает внимание В.Д. Самойлов, который выделяет аналогичный перечень [5, с. 77]). Посягательства на этот уровень наиболее опасны.

Институциональный уровень – система публичной власти и институтов гражданского общества: органы государственной власти, местное самоуправление, политические партии, СМИ, избирательная система. С.Л. Нудель справедливо подчёркивает, что организация публичной власти – важнейшая часть конституционного строя [11, с. 124].

Функциональный уровень (безопасность) – состояние защищённости конституционного строя. И.М. Пшеничнов определяет конституционную безопасность как способность институциональной системы выдерживать вызовы без утраты демократического характера и легитимности [2, с. 187].

Ценностный уровень – система ценностей (свобода, справедливость, демократия, права человека), определяющих целеполагание охраны.

Данная модель позволяет точнее определять объект посягательства и выстраивать иерархию охраняемых благ.

С.Л. Нудель критикует ст. 2 УК РФ за отсутствие чёткой иерархии объектов, отмечая разнородность перечня и смешение конкретных благ с категориями безопасности [11, с. 122-123; 3, с. 65]. Д.В. Царев указывает, что расположение главы 29 после преступлений против безопасности движения и компьютерной информации не соответствует значимости охраняемых ценностей [7, с. 161]. Автор предлагает перенести раздел X после разделов о личности и экономике, обосновывая это тем, что государство – гарант защиты прав личности, и его охрана есть условие реальной защищённости личности [7, с. 162].

Дискуссия о приоритете личности или государства (позиции С.В. Дьякова и В.В. Лунеева) разрешается через различение цели и средства: цель – защита прав человека (ст. 2 Конституции РФ), средство – охрана конституционного строя как гаранта этих прав. В иерархии объектов личности принадлежит верховное положение как цели, конституционному строю – как необходимому условию её достижения. Соответственно, в Особенной части УК РФ раздел о конституционном строе должен следовать за разделом о личности.

А.С. Ахметшин отмечает взаимозависимость основ конституционного строя и безопасности государства, однако не раскрывает их иерархию [1, с. 113]. И.М. Пшеничнов предлагает категорию «конституционная безопасность» как более адекватный родовый объект, поскольку основы конституционного строя фиксируют нормативное содержание, но слабо отражают динамику защищённости [2, с. 186-187]. По его мнению, конституционная безопасность объединяет конституционные принципы и реальное состояние их защищённости в деятельности органов власти, выборов, судебной системы [2, с. 189].

С позиций публичного права, данное предложение дискуссионно. Конституционная безопасность - не самостоятельный объект, а имманентное свойство конституционного строя (состояние защищённости). В.Д. Самойлов определяет конституционную безопасность как состояние защищённости основ конституционного строя, а принципы – как объекты этой безопасности [5, с. 78]. С.Л. Нудель и Е.Н. Карабанова также считают, что конституционный строй нельзя отождествлять с безопасностью. Они определяют государственную безопасность как защищённость национальных интересов, но отмечают, что сведение объекта только к безопасности нивелирует учредительную природу конституционного строя [9, с. 36]. Таким образом, конституционный строй первичен, безопасность - производна и не может его подменять.

Кургузкина Е.Б. и Власова Н.А., анализируя проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за массовые беспорядки, обращают внимание на исторический аспект: в ранее действовавшем Законе РФ «О безопасности» 1992 г. государство как объект безопасности включало конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность [13, с. 136]. Это подтверждает, что конституционный строй традиционно признавался ключевым элементом государственной безопасности. Авторы также справедливо критикуют неопределённость законодательных конструкций и бессистемность компоновки признаков составов преступлений в данной области [13, с. 137].

Многие ученые отмечают проблемы системности уголовно-правовой охраны конституционного строя. С.Л. Нудель указывает на системный характер дефектов в регулировании обеспечения национальной безопасности, требующих разработки новой концепции уголовной политики и нового УК [3, с. 71]. Э.В. Густова критикует изменения 2022 г.: отсутствие квалифицирующих признаков в ст. 275, неопределённость понятия «конфиденциальное сотрудничество», бессистемность и алогичность конструкций [8, с. 163, 166, 169]. Е.В. Пономаренко и К.О. Копшева отмечают неопределённость термина «противник», сужение круга субъектов государственной измены, нарушение принципа справедливости (двойная ответственность по ст. 275 и 275¹) [10, с. 123-125].

С.Л. Нудель и Е.Н. Карабанова приводят пример конкуренции ст. 207.3 (гл. 24) и 280.3 (гл. 29), а также сомнительное отнесение диверсии (ст. 281) к государственной безопасности, хотя она посягает на экономическую безопасность и обороноспособность [9, с. 34]. Эти примеры подтверждают размытость критериев разграничения объектов и отсутствие системности.

Особого внимания заслуживает классификация преступлений, посягающих на конституционный строй. С.Л. Нудель выделяет три группы: против суверенитета и территориальной целостности; против деятельности органов власти; экстремистские [11, с. 128]. М.Х. Гельдибаев и В.Н. Медведев детализируют: посягающие на внешнюю безопасность (ст. 275, 275.1, 276, 283); на внутреннюю безопасность и конституционный строй (ст. 277-280.4); на политическую и социально-экономическую основы (ст. 281-284.2, 282, 282.4); иные (ст. 282.1-282.3) [12]. А.В. Шеслер предлагает дополнить круг нарушением избирательного законодательства и деяниями по политическим мотивам, обоснованно полагая, что нормы о выборах должны находиться в гл. 29, а не в гл. 19 [4].

С учётом предложенной четырёхуровневой модели целесообразно классифицировать рассматриваемые посягательства по уровню: ядерный (суверенитет, народовластие), институциональный (органы власти, партии, СМИ), функциональный (экстремизм, пропаганда, дискредитация), ценностный (возбуждение ненависти, пропаганда неполноценности). Это позволит дифференцировать ответственность в зависимости от значимости поражаемого элемента.

Рассматривая вопросы криминализации деяний против конституционного строя, А.В. Шеслер предлагает два критерия общественной опасности: вредоносность (способность причинять существенный вред) и прецедентность (возможность повторения). При этом вредоносность является доминирующей, особенно для посягательств на конституционный строй, поскольку даже редкие, но опасные деяния (например, вооружённый мятеж) способны подорвать основы государства [4, с. 97-98]. З.Л. Шхагапсоев подчёркивает, что даже единичные случаи наносят существенный урон, и рост преступности обусловлен внешним информационно-психологическим воздействием и содействием российских граждан [6, с. 1, 6]. Э.В. Густова отмечает, что в условиях войны возрастает ценность государства как объекта охраны, но изменения должны быть системными, а не бессистемными [8, с. 169].

Таким образом, криминализация деяний против конституционного строя должна основываться на критерии вредоносности, а уголовная репрессия – быть соразмерной и дифференцированной в зависимости от уровня поражаемого конституционного строя.

Выводы

Конституционный строй как объект уголовно-правовой охраны – это комплексное публично-правовое явление, сочетающее нормативные, институциональные, функциональные и ценностные аспекты. Его публично-правовая природа проявляется в системообразующем характере, межотраслевых механизмах охраны и учредительной функции.

Нами предложена четырёхуровневая структура конституционного строя как объекта охраны: ядерный (основы), институциональный, функциональный (безопасность) и ценностный уровни. Это позволяет точнее определять объект посягательства и выстраивать иерархию охраняемых благ.

В иерархии объектов уголовно-правовой охраны конституционный строй занимает место необходимого условия (средства) достижения высшей цели – защиты прав и свобод человека. В Особенной части УК РФ раздел о конституционном строе должен следовать за разделом о личности, отражая функциональную зависимость. Технический перенос главы является лишь первым шагом, поскольку необходима содержательная ревизия всей системы на основе конституционной аксиологии.

Соотношение конституционного строя и государственной безопасности – это соотношение объекта и его состояния (защищённости). Безопасность – имманентное свойство конституционного строя, а не внешний объект. Категория «конституционная безопасность» не подменяет конституционный строй, а характеризует его состояние. В УК РФ следует сохранить указание на конституционный строй как объект охраны, дополнив его безопасностью как охраняемым состоянием.

Реформирование уголовного законодательства в части охраны конституционного строя (2022-2025 гг.) носит в определенной мере бессистемный, ситуативный характер, содержит дефекты законодательной техники (неопределённость терминов, отсутствие квалифицирующих признаков, конкуренция норм, нарушение принципа справедливости). Необходима разработка научно обоснованной концепции уголовной политики, определяющей иерархию охраняемых благ и критерии криминализации.

Обоснование криминализации деяний против конституционного строя должно строиться на доминирующем критерии вредоносности (способности подрывать основы государства), даже при малой распространённости. Дифференциация ответственности должна зависеть от уровня конституционного строя, на который осуществляется посягательство.

Практическое применение результатов проведенного исследования: разработка предложений по совершенствованию структуры Особенной части УК РФ, уточнению диспозиций статей главы 29, критериев разграничения со смежными составами. Предложенная модель может использоваться для квалификации и обоснования дифференциации ответственности.

Таким образом, конституционный строй требует системного уголовно-правового подхода, основанного на конституционной иерархии ценностей и публично-правовой природе данного явления. Только при чётком определении его структуры и иерархии возможна эффективная уголовно-правовая защита основ российского государства.

Список источников

1. Ахметшин А.С. Основы конституционного строя и безопасности государства как объекты уголовно-правовой охраны при противодействии экстремизму // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 110 – 116.
2. Пшеничнов И.М. Конституционная безопасность как объект экстремистских и террористических преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 186 – 190.
3. Нудель С.Л. Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 11. С. 62 – 74.
4. Шеслер А.В. Уголовно-правовая охрана политической системы России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 52. С. 91 – 103. DOI: 10.17223/22253513/52/7.
5. Самойлов В.Д. Конституционная безопасность Российского государства в условиях новых вызовов и угроз // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 76 – 80.
6. Шхагапсоев З. Л. К вопросу об ужесточении уголовной ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности Российского государства // Лоббирование в законодательстве. 2025. Т. 4. № 1. С. 55 – 61.
7. Царев Д.В. Проблемы места главы 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» в системе Особенной части УК РФ // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2024. Вып. 1. С. 158 – 163.

8. Густова Э.В. Реформирование уголовного законодательства относительно преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 161 – 169.

9. Нудель С.Л., Карабанова Е.Н. Безопасность общества и государства как объект уголовно-правовой охраны // Научный портал МВД России. 2025. № 4 (72). С. 33 – 41.

10. Пономаренко Е.В., Копшева К.О. Обоснованность изменений уголовного законодательства, касающихся отдельных составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 121 – 126.

11. Нудель С.Л. Конституционный строй как объект уголовно-правовой охраны // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 12. С. 121 – 132. DOI: 10.12737/jrl.2022.133

12. Гельдибаев М.Х., Медведев В.Н. Безопасность государства как объект уголовно-правовой охраны // Закон. Право. Государство. 2026. № 1 (49). С. 156 – 159.

13. Кургузкина Е.Б., Власова Н.А. Проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за совершение массовых беспорядков // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 2 (66). С. 135 – 144. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.66.2.003

14. Статистические данные о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2023-2025 гг. (по форме № 10-а): официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 11.01.2026)

References

1. Akhmetshin A.S. Fundamentals of the constitutional system and state security as objects of criminal-legal protection in countering extremism. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (60). P. 110 – 116.

2. Pshenichnov I.M. Constitutional security as an object of extremist and terrorist crimes. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (72). P. 186 – 190.

3. Nudel S.L. Criminal-legal mechanisms for ensuring national security. Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. No. 11. P. 62 – 74.

4. Shesler A.V. Criminal-legal protection of the political system of Russia. Bulletin of Tomsk State University. Law. 2024. No. 52. P. 91 – 103. DOI: 10.17223/22253513/52/7.

5. Samoilov V.D. Constitutional security of the Russian state in the context of new challenges and threats. International journal of constitutional and state law. 2022. No. 1. P. 76 – 80.

6. Shkhagapsoev Z.L. On the issue of tightening criminal liability for crimes against the foundations of the constitutional system and security of the Russian state. Lobbying in legislation. 2025. Vol. 4. No. 1. P. 55 – 61.

7. Tsarev D.V. Problems of the Place of Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation "Crimes against the Fundamentals of the Constitutional Order and State Security" in the System of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of Ivanovo State University. Series: Natural and Social Sciences. 2024. Issue 1. P. 158 – 163.

8. Gustova E.V. Reforming Criminal Legislation Regarding Crimes against the Fundamentals of the Constitutional Order and State Security. Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century. 2023. No. 1. P. 161 – 169.

9. Nudel S.L., Karabanova E.N. Security of Society and the State as an Object of Criminal Law Protection. Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (72). P. 33 – 41.

10. Ponomarenko E.V., Kopsheva K.O. Justification for Amendments to Criminal Legislation Concerning Certain Crimes against the Foundations of the Constitutional Order and State Security. Legal Policy and Legal Life. 2023. No. 1. P. 121 – 126.

11. Nudel S.L. Constitutional Order as an Object of Criminal-Law Protection. Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26, No. 12. P. 121 – 132. DOI: 10.12737/jrl.2022.133

12. Geldibaev M.Kh., Medvedev V.N. State Security as an Object of Criminal-Law Protection. Law. Law. State. 2026. No. 1 (49). P. 156 – 159.

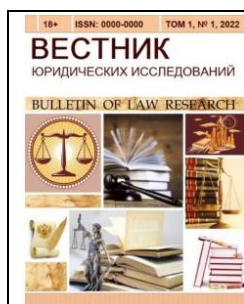
13. Kurguzkina E.B., Vlasova N.A. Problems of criminal-legal regulation of responsibility for committing mass riots. Penitentiary science. 2024. Vol. 18. No. 2 (66). P. 135 – 144. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.66.2.003

14. Statistical data on the number of persons convicted of all offenses under the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts were issued in criminal cases for 2023-2025 (form No. 10-a): official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru> (date of access: 11.01.2026)

Информация об авторе

Середа С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 347.918:342.7

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-75-81

Конституционно-правовые пределы участия государства в выборе арбитражного управляющего в деле о банкротстве гражданина

¹ Климова А.Н., ¹ Клепикова О.Г.,

¹ Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Аннотация: актуальность исследования обусловлена принятием редакции Постановления Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 (от 13.03.2026), предоставившей уполномоченному органу право выбора конкретного арбитражного управляющего в деле о банкротстве гражданина через рейтинговую балльную систему, что вступило в противоречие с абзацем 1 пункта 3 статьи 213.5 Закона о банкротстве и разъяснениями Верховного Суда РФ. Цель исследования состоит в выявлении и анализе конституционно-правовых пределов участия государства в выборе арбитражного управляющего, обосновании нарушения принципов независимости, равенства и права на судебную защиту. Рассматриваемые проблемы: коллизия закона и подзаконного акта, конституционная природа независимости управляющего, дискриминация частных кредиторов, превышение государством разрешительного метода регулирования, конституционные риски балльной системы отбора. Результаты: действующий механизм выбора управляющего уполномоченным органом не соответствует статьям 19 (равенство), 34 (свобода экономической деятельности) и 46 (судебная защита) Конституции РФ, что требует дисквалификации оспариваемых положений. Выводы: балльная система выбора арбитражного управляющего, администрируемая ФНС России, создаёт скрытый механизм отбора лояльных кадров, нарушает баланс прав кредиторов и арбитражных управляющих.

Ключевые слова: конституционно-правовые пределы, выбор арбитражного управляющего, банкротство гражданина, независимость управляющего, равенство кредиторов, право на судебную защиту, конституционный конфликт

Для цитирования: Климова А.Н., Клепикова О.Г. Конституционно-правовые пределы участия государства в выборе арбитражного управляющего в деле о банкротстве гражданина // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 75 – 81. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-75-81

Поступила в редакцию: 3 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

The constitutional and legal limits of the state's participation in the selection of an arbitration administrator in the bankruptcy case of a citizen

¹ Klimova A.N., ¹ Klepikova O.G.,

¹ Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Abstract: the relevance of the study is due to the adoption of the Russian Federation Government Resolution No. 257 dated 05/29/2004 (dated 03/13/2026), which granted the authorized body the right to select a specific arbitration administrator in a citizen's bankruptcy case through a rating point system, which contradicted paragraph 1 of paragraph 3 of Article 213.5 of the Bankruptcy Law and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify and analyze the constitutional and legal limits of state participation

in the selection of an arbitration administrator, substantiating violations of the principles of independence, equality and the right to judicial protection. The issues under consideration are: the conflict between the law and the by-law, the constitutional nature of the independence of the manager, discrimination against private creditors, the government's excess of the permissive regulatory method, and the constitutional risks of a point-based selection system. Results: the current mechanism for selecting the governor of the authorized body does not comply with Articles 19 (equality), 34 (freedom of economic activity) and 46 (judicial protection) of the Constitution of the Russian Federation, which requires the disqualification of the contested provisions. Conclusions: the point system for selecting an arbitration administrator, administered by the Federal Tax Service of Russia, creates a hidden mechanism for selecting loyal personnel, disrupts the balance of the rights of creditors and arbitration administrators.

Keywords: constitutional and legal limits, choice of the arbitration administrator, bankruptcy of a citizen, independence of the administrator, equality of creditors, the right to judicial protection, constitutional conflict

For citation: Klimova A.N., Klepikova O.G. The constitutional and legal limits of the state's participation in the selection of an arbitration administrator in the bankruptcy case of a citizen. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 75 – 81. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-75-81

The article was submitted: June 3, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Выбор арбитражного управляющего в деле о банкротстве представляет собой юридически значимое обстоятельство, предопределяющее не только эффективность процедуры и баланс прав всех её участников, но и сохранение доверия к институту банкротства в целом [1]. В российской правовой системе последовательно закреплён принцип, согласно которому конкурсные кредиторы и уполномоченный орган при подаче заявления о признании гражданина банкротом не наделены правом выбора конкретной кандидатуры финансового управляющего, а вправе лишь указать саморегулируемую организацию (пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45).

Сам по себе статус арбитражного управляющего в процедурах несостоятельности носит особый характер. Как обоснованно отмечается в научных публикациях, арбитражный управляющий выступает субъектом профессиональной деятельности, реализуемой в публично-правовом интересе [2]. Эффективность осуществления его полномочий напрямую зависит от доверия со стороны кредиторов, должников и профессионального сообщества [3]. В связи с этим деловая репутация управляющего рассматривается не просто как личное нематериальное благо, а как необходимое условие выполнения профессиональных функций. Оценка деловой репутации арбитражного управляющего арбитражным судом имеет существенные правовые последствия, которые необходимо учитывать при конструировании механизмов выбора управляющего [4].

Однако принятие редакции Постановления Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 (в редакции от 13.03.2026) кардинально изменило установленный ранее подход. Пункты 24-37 данного акта не только предоставляют уполномоченному органу право выбора конкретного управляющего, но и вводят разветвлённую балльную систему (Приложение № 3), позволяющую государству ранжировать управляющих по «эффективности» и «расходовать» их баллы при назначении в дела с участием ФНС России. Поэтому указанная нормативная конструкция порождает конституционный конфликт и требуют самостоятельного научного анализа.

В этой связи особую остроту приобретает вопрос о конституционной допустимости балльной системы выбора арбитражного управляющего, администрируемой уполномоченным органом (ФНС России). Если судебная практика и доктрина исходят из того, что деловая репутация управляющего должна оцениваться судом беспристрастно, на основе всестороннего исследования обстоятельств, то балльная система, вводимая Постановлением Правительства РФ №257 (пункты 24-37), подменяет эту судебную оценку административным рейтингом.

Управляющий, получающий низкие баллы в процедурах, автоматически исключается из числа претендентов на ведение дел, причём не в результате судебной оценки его профессиональных качеств и репутации, а в результате формализованного алгоритма, управляемого заинтересованным лицом, то есть государственным кредитором.

Возникает парадоксальная ситуация, поскольку, с одной стороны, деловая репутация арбитражного управляющего признаётся ключевым условием его профессиональной деятельности, защищаемым судом [1]. С другой стороны, подзаконный акт позволяет государству без участия суда формировать рейтинг

управляющих, который *de facto* определяет их доступ к профессии. Это порождает риск того, что управляющий, обладающий безупречной репутацией, но не «вписавшийся» в балльную систему ФНС, будет систематически отстранён от участия в делах о банкротстве граждан.

Указанная проблема приобретает дополнительную остроту в свете внесённого в Государственную Думу законопроекта № 1188799-8, который предусматривает введение балльной системы результативности арбитражных управляющих и государственного реестра арбитражных управляющих для дел о банкротстве юридических лиц именно на уровне федерального закона. Тот факт, что законодатель осознаёт необходимость законодательного закрепления такого механизма для юридических лиц, но для граждан-должников он действует на основании подзаконного акта при отсутствии прямого указания в статье 213.5 Закона о банкротстве, создаёт дискриминационный правовой режим.

Полагаем, что указанная коллизия может быть устранена в порядке обращения к органу конституционного контроля, поскольку она нарушает конституционные принципы равенства (ст. 19 Конституции РФ), свободы экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ) и права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), а также поднимает вопрос о допустимых пределах подзаконного регулирования профессиональной деятельности арбитражных управляющих. В этой связи возникает необходимость определить конституционно приемлемые пределы вмешательства государства в выбор арбитражного управляющего в деле о банкротстве гражданина.

Как отмечается в научной литературе, судебные органы конституционного контроля в своей повседневной практике используют в том или ином виде тест на пропорциональность, позволяющий определить правомерность вмешательства государства в область какого-либо конституционного права [5; 6]. Применительно к исследуемой проблеме применение теста на пропорциональность позволило бы ответить на ключевые вопросы: является ли балльная система выбора управляющего, администрируемая ФНС России, соразмерным средством достижения законной цели; существуют ли более мягкие (менее ограничивающие права управляющих и кредиторов) альтернативы; не нарушается ли баланс между публичным интересом государства-кредитора и частными интересами должника, иных кредиторов и самих арбитражных управляющих.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составила совокупность методов. Формально-юридический метод применён для анализа норм Закона о банкротстве (ст. 213.5, 45), Постановления Правительства РФ № 257 (п.п. 24-37) и правовых позиций Верховного Суда РФ. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления правомочий уполномоченного органа и частных кредиторов при выборе управляющего. Телеологический метод позволил выявить цели правового регулирования в банкротстве и определить, соответствуют ли им оспариваемые нормы. Конституционно-правовой анализ применён для соотнесения оспариваемых норм с положениями Конституции РФ (ст. 8, 19, 34, 46, 55), правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

Результаты и обсуждения

Конституционные конфликты в механизме выбора арбитражного управляющего

Изложенные выше аргументы позволяют предположить наличие конституционного конфликта в сфере выбора арбитражного управляющего, однако для окончательного вывода необходимо подтвердить этот тезис путём непосредственного обращения к нормам Конституции Российской Федерации. В этих целях следует установить, действительно ли оспариваемое регулирование нарушает конкретные конституционные права.

1. Нарушение принципа независимости арбитражного управляющего (статья 34 Конституции РФ).

Предоставление государственному органу права директивного выбора конкретного управляющего через балльную систему, администрируемую ФНС России, создаёт фундаментальный риск ангажированности. Управляющий, назначенный по результатам рейтинга, формируемого уполномоченным органом, экономически и психологически зависит от источника назначения.

Этот риск усугубляется механизмом «расходования баллов», предусмотренным пунктом 26 Положения: доступные баллы управляющего уменьшаются на количество заявленных баллов при каждом утверждении в деле с участием ФНС. Фактически управляющий тратит свой рейтинг на право вести дело, что порождает зависимость от новых назначений со стороны государства для поддержания конкурентоспособности.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики за 2024 год (п. 17) последовательно проводит линию на обеспечение подлинной независимости арбитражного управляющего, указывая, что даже при наличии

обоснованных сомнений в независимости предложенного кандидата суд должен выбрать нового управляющего случайным образом, а не по предложению кредитора. В Определении от 09 октября 2025 г. по делу № А27-18570/2022 судья Верховного Суда РФ Ксенофонтова Н.А. подтвердила, что при непредставлении обоснованных сомнений в компетентности, добросовестности и независимости определённой методом случайной выборки кандидатуры, суд утверждает арбитражного управляющего в соответствии с требованиями статей 20, 20.2 Закона о банкротстве (производство в Верховном Суде Российской Федерации № 304-ЭС24-5436(6)).

Так, при освобождении финансового управляющего от исполнения обязанностей в определении Арбитражного суда Воронежской области от 25 мая 2026 г. по делу №А14-11199/2021 указаны ссылки на правовую позицию, изложенную в пункте 56 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», согласно которой арбитражный суд не может допускать ситуации, когда полномочиями арбитражного управляющего обладает лицо, в наличии у которого должной компетентности, добросовестности или независимости у суда имеются существенные и обоснованные сомнения. Поэтому в целях недопущения злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ) арбитражный суд пришел к выводу о необходимости определения арбитражного управляющего путем направления запроса всем саморегулируемым организациям.

Однако оспариваемый механизм Постановления № 257 подменяет судебную оценку независимости административным рейтингом, что несовместимо со свободой экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ).

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что свобода экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ) включает не только право на осуществление предпринимательской деятельности, но и право на равный доступ к соответствующей деятельности. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2005 № 12-П установлено, что ограничения доступа к профессиональной деятельности должны быть соразмерны и установлены федеральным законом, а не подзаконным актом. Оспариваемая балльная система, ограничивающая доступ управляющих к делам о банкротстве граждан, не отвечает указанным требованиям.

2. Нарушение принципа равенства (статья 19 Конституции РФ).

Частные кредиторы (банки, иные организации) лишены права выбора конкретного управляющего, они могут лишь предложить СРО, которая представляет кандидатуру на основе рейтинга или очередности. Более того, как следует из правовых позиций Верховного Суда РФ, в случаях подачи заявления о банкротстве самим должником управляющий выбирается случайным образом, что направлено на обеспечение подлинной независимости управляющего и предотвращение потенциального конфликта интересов.

Государство же в лице уполномоченного органа получило через Постановление № 257 законодательно закреплённую привилегию: выбирать не просто СРО, а конкретную кандидатуру из числа «подходящих» по баллам.

Такое неравенство не имеет объективного и разумного оправдания. Государство как кредитор не должно быть поставлено в заведомо более выигрышное положение перед иными участниками гражданского оборота. Принцип равенства, закреплённый в статье 19 Конституции РФ, предполагает, что все кредиторы как публичные, так и частные должны обладать равными процессуальными возможностями при выборе управляющего, если иное прямо не установлено федеральным законом.

3. Нарушение права на судебную защиту (статья 46 Конституции РФ).

Выбор управляющего государством вне судебного контроля влияет на ход и исход дела о банкротстве. Управляющий, зависимый от государства (через балльную систему и риск её «обнуления»), может принимать решения, не в полной мере учитывающие интересы иных кредиторов.

Суд, получая на утверждение уже выбранную ФНС кандидатуру, формально сохраняет право отказать в утверждении. Однако на практике, как отмечается в правовых позициях Верховного Суда РФ, суд может отклонить кандидата только при наличии обоснованных сомнений в его компетентности, добросовестности или независимости. Балльная система, создающая иллюзию объективной оценки, существенно затрудняет для суда выявление ангажированности кандидата.

Конституционное право на судебную защиту (ст. 46 Конституция РФ) включает не только доступ к правосудию, но и право на справедливое судебное разбирательство, в котором стороны находятся в равном положении. Подмена судебного усмотрения административным рейтингом сужает содержание этого права.

Как показано в исследовании о роли международных пактов о правах человека в конституционализации арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве на примере дел 2024-2026 гг., арбитражные суды

при разрешении обособленных споров в делах о банкротстве граждан последовательно ссылаются на статью 14 МПГПП (право на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом) и статью 2 МПГПП (обязанность государства обеспечить эффективные средства правовой защиты) [7]. Однако оспариваемое регулирование выбора управляющего через балльную систему ФНС создаёт риск того, что суд будет утверждать кандидатуру, уже фактически назначенную государственным кредитором, что противоречит как позициям Верховного Суда РФ, так и указанным международным стандартам.

Кроме того, как обоснованно отмечается в научной статье, судебные акты арбитражного суда, в том числе связанные с оценкой деятельности арбитражных управляющих, публикуются в информационной системе «Картотека арбитражных дел» в полном объёме и без изъятий [8]. Это означает, что сведения о баллах результативности, о «расходовании» баллов, об отказах в утверждении кандидатуры управляющего, а также любые иные данные, которые могут оказывать воздействие на оценку деловой репутации, становятся доступными неограниченному кругу лиц. В условиях балльной системы, администрируемой ФНС, такой порядок публикации создаёт дополнительные репутационные риски: управляющий, получивший низкие баллы или исключённый из конкурса, сталкивается с публичным распространением этой информации, что может быть воспринято контролирующими органами и профессиональным сообществом как свидетельство его некомпетентности, даже если снижение баллов не связано с реальным качеством работы. При этом сам факт фиксации в судебном акте негативной информации (даже в вероятностной форме) уже наносит репутационный ущерб, а отсутствие законодательно закреплённого механизма обезличивания судебных актов и исключения персональных данных лишает арбитражного управляющего эффективного средства защиты своей деловой репутации [1].

Подтверждением указанной тенденции служит определение Арбитражного суда Волгоградской области от 19 мая 2026 г. по делу № А12-15376/2024. При выборе финансового управляющего после освобождения предыдущего кандидата суд рассмотрел две кандидатуры, представленные разными саморегулируемыми организациями, и утвердил ту, которая имела более высокий балл результативности на площадке «Регистр арбитражных управляющих». При этом арбитражный суд не проводил самостоятельной оценки профессиональных качеств, компетентности или независимости кандидатов, а механически руководствовался рейтингом, сформированным ФНС России на основании подзаконного акта. Данный подход иллюстрирует, что балльная система, администрируемая уполномоченным органом, *de facto* подменяет судебное усмотрение, что несовместимо с правом на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) и принципом независимости арбитражного управляющего.

4. Коллизия закона и подзаконного акта.

Выявлено прямое противоречие между федеральным законом (абзац 1 пункта 3 статьи 213.5 Закона о банкротстве) и подзаконным актом (пункты 24-37 Постановления № 257). Закон прямо не разрешает уполномоченному органу выбирать конкретную кандидатуру финансового управляющего, а лишь указывать СРО.

В соответствии с разрешительным методом регулирования компетенции государственных органов («запрещено всё, что прямо не разрешено»), закреплённым в доктрине конституционного права [9], такое расширение полномочий подзаконным актом является недопустимым.

Определение Арбитражного суда Волгоградской области от 19 мая 2026 г. по делу № А12-15376/2024 демонстрирует, что суды применяют балльную систему несмотря на отсутствие прямого указания в Законе о банкротстве (ст. 213.5). Арбитражный суд в указанном судебном акте прямо ссылается на площадку «Регистр арбитражных управляющих» (gau.nalog.gov.ru) и учитывает баллы при утверждении кандидатуры финансового управляющего. Это подтверждает, что балльная система ФНС фактически стала критерием отбора при утверждении кандидатуры финансового управляющего.

5. Балльная система как антиконституционный фильтр.

Анализ пунктов 25-27 Положения позволяет сделать вывод, что балльная система выбора управляющего является скрытым, но эффективным фильтром отбора лояльных государству кадров. Баллы начисляются исключительно по результатам процедур с участием уполномоченного органа (Приложение № 3). Управляющий, который эффективно работал в делах без участия ФНС, может иметь нулевые или низкие баллы, что делает его неконкурентоспособным.

Кроме того, как следует из социологических исследований, профессиональное сообщество управляющих структурировано по типу должника: специализация на гражданах характеризуется меньшим опытом и вознаграждением [10]. Эта часть сообщества наиболее уязвима для административного давления через балльную систему, поскольку не имеет значительного «запаса прочности» в виде опыта работы с крупными корпоративными должниками.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что действующее регулирование не может быть реабилитировано ссылкой на смешанную природу банкротства. Хотя Закон о банкротстве действительно содержит элементы публичного права, это не означает, что государство вправе присваивать себе дополнительные процессуальные преимущества без прямого указания в законе.

Позиция Верховного Суда РФ, выраженная в Обзоре судебной практики за 2024 год, последовательно движется в сторону обеспечения случайности и независимости выбора управляющего. Суд указывает, что даже кандидатура, предложенная крупным кредитором (банком), может быть отклонена, если есть риск, что управляющий будет действовать в интересах только этого кредитора. Однако оспариваемое Постановление № 257 движется в противоположном направлении, оно усиливает контроль государства над назначением управляющих. Возникает разрыв между правовыми позициями высшей судебной инстанции и подзаконным нормотворчеством Правительства РФ.

Остаётся неразрешенным вопрос о допустимой степени участия государства в банкротных процедурах. Возможны следующие варианты решения конституционного конфликта. Минимальное вмешательство путем сохранения за государством права указывать СРО, но лишение его права выбора конкретного управляющего внутри СРО. Либо введение полностью случайной выборки управляющего из числа кандидатов, предложенных СРО, для всех кредиторов, включая государство. Этот подход соответствует позиции Верховного Суда РФ, выраженной в п. 17 Обзора за 2024 год, и обеспечивает подлинную независимость управляющего.

Выводы

Устранение дискриминационного правового режима при выборе арбитражного управляющего публичным кредитором является обязательным условием восстановления конституционного баланса прав участников дела о банкротстве гражданина. Оптимальным решением представляется введение универсального механизма случайной выборки управляющего для всех категорий кредиторов, включая уполномоченный орган, что соответствует правовым позициям Верховного Суда РФ и обеспечивает подлинную независимость арбитражных управляющих. В качестве альтернативы допустимо законодательное закрепление за уполномоченным органом права указывать лишь саморегулируемую организацию (без выбора конкретного управляющего).

Список источников

1. Клепикова О.Г., Климова А.Н. Деловая репутация арбитражного управляющего как объект правовой защиты // *International Law Journal*. 2026. Т. 9. №3. С. 154 – 163. DOI 10.58224/2658-5693-2026-9-3-154-163
2. Богатырев И.Р. Актуальные вопросы правового статуса арбитражного управляющего // Трансформация научных исследований: инновационные подходы к решению задач: Материалы всероссийской (магистерской) научно-практической конференции, Ставрополь, 21 ноября 2024 года. Краснодар: Российское энергетическое агентство. 2025. С. 163 – 169.
3. Удалова Е.В. Арбитражный управляющий в системе несостоятельности: системный кризис правового статуса и пути его преодоления // *Вестник Поволжского института управления*. 2026. Т. 26. № 2. С. 91 – 103.
4. Воронов Ф.А. Ограничение прав аффилированных кредиторов на выбор кандидатуры арбитражного управляющего и механизм обеспечения подлинной независимости арбитражного управляющего в делах о несостоятельности (банкротстве) // *Право и бизнес*. 2023. № 1. С. 17 – 20.
5. Клепикова О.Г. Конституционный контроль за вмешательством государства в основные права человека // *Современные проблемы правотворчества и правоприменения: сборник материалов 1-й Международной научно-практической конференции, 05-06 ноября 2020 года* / РГУ имени С.А. Есенина. Рязань: Б. и., 2021. С. 37 – 40.
6. Блохин П.Д., Кряжкова О.Н. Как защитить свои права в Конституционном Суде. М.: Институт права и публичной политики. 2015. 226 с.
7. Клепикова О.Г., Карева А.В. Конституционализация арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве: роль международных пактов о правах человека // *Вестник юридических исследований*. 2026. Т. 5. № 2. С. 116 – 123. DOI 10.66621/3034-140X-2026-5-2-116-123
8. Климова А.Н., Клепикова О.Г. Судебные акты в деле о банкротстве гражданина: пробелы законодательства // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 4. С. 294 – 298. DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_294

9. Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. СПб. Конституционный Суд Российской Федерации. 2024. 352 с.

10. Анфимова К.С., Бондарьков С.В., Бочаров Т.Ю. и др. Профессия арбитражного управляющего в России: роль типа должника в структурировании сообщества // Экономическая социология. 2025. Т. 26. № 4. С. 83 – 120. DOI 10.17323/1726-3247-2025-4-83-120

References

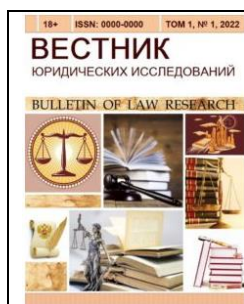
1. Klepikova O.G., Klimova A.N. Business reputation of an insolvency practitioner as an object of legal protection. *International Law Journal*. 2026. Vol. 9. No. 3. P. 154 – 163. DOI 10.58224/2658-5693-2026-9-3-154-163
2. Bogatyrev I.R. Current issues of the legal status of an insolvency practitioner. Transformation of scientific research: innovative approaches to solving problems: Proceedings of the All-Russian (Master's) scientific and practical conference, Stavropol, November 21, 2024. Krasnodar: Russian Energy Agency. 2025. P. 163 – 169.
3. Udalova E.V. Insolvency Manager in the Insolvency System: Systemic Crisis of Legal Status and Ways to Overcome It. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. 2026. Vol. 26. No. 2. P. 91 – 103.
4. Voronov F.A. Limiting the Rights of Affiliated Creditors to Select the Candidate of an Insolvency Manager and a Mechanism for Ensuring the Genuine Independence of an Insolvency Manager in Insolvency (Bankruptcy) Cases. *Law and Business*. 2023. No. 1. P. 17 – 20.
5. Klepikova O.G. Constitutional Control over State Interference in Fundamental Human Rights. Modern Problems of Lawmaking and Law Enforcement: Collection of Materials of the 1st International Scientific and Practical Conference, November 5-6, 2020. RSU named after S.A. Yesenin. Ryazan: B. i., 2021. P. 37 – 40.
6. Blokhin P.D., Kryazhkova O.N. How to Protect Your Rights in the Constitutional Court. Moscow: Institute of Law and Public Policy. 2015. 226 p.
7. Klepikova O.G., Kareva A.V. Constitutionalization of Arbitration Proceedings in Bankruptcy Cases: the Role of International Covenants on Human Rights. *Bulletin of Legal Research*. 2026. Vol. 5. No. 2. P. 116 – 123. DOI 10.66621/3034-140X-2026-5-2-116-123
8. Klimova A.N., Klepikova O.G. Judicial Decisions in a Citizen's Bankruptcy Case: Gaps in Legislation. *Law and State: Theory and Practice*. 2025. No. 4. P. 294 – 298. DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_294
9. Zorkin V.D. Lectures on Law and State. St. Petersburg: Constitutional Court of the Russian Federation. 2024. 352 p.
10. Anfimova K.S., Bondarkov S.V., Bocharov T.Yu. et al. The Profession of Insolvency Practitioner in Russia: The Role of Debtor Type in Structuring the Community. *Economic Sociology*. 2025. Vol. 26. No. 4. P. 83 – 120. DOI 10.17323/1726-3247-2025-4-83-120

Информация об авторах

Климова А.Н., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-2781-6210>, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, a.klimova@rsu-rzn.ru

Клепикова О.Г., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-6469-6748>, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, o.klepikova@rsu-rzn.ru

© Климова А.Н., Клепикова О.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 349.4

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-82-86

Досрочный выход на пенсию по выслуге лет медицинских работников в Российской Федерации

¹ Шатверян Н.Г., ¹ Горбань А.А.,

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: в статье исследуется правовая природа досрочного выхода на пенсию по выслуге лет медицинских работников и анализируется трансформация данного института в условиях изменения порядка назначения страховой пенсии. Особое внимание уделяется изменению статуса специального стажа, введению отсрочки назначения пенсии и зависимости реализации права от подзаконного регулирования. Обосновывается вывод о том, что действующая модель сохраняет формальные признаки социальных гарантий, однако претерпевает содержательное смещение от компенсационной логики к более формализованной конструкции. Выявляются системные противоречия правоприменения и предлагаются направления совершенствования института.

Ключевые слова: досрочная пенсия, выслуга лет, медицинские работники, страховая пенсия, специальный стаж, пенсионная реформа

Для цитирования: Шатверян Н.Г., Горбань А.А. Досрочный выход на пенсию по выслуге лет медицинских работников в Российской Федерации // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 82 – 86. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-82-86

Поступила в редакцию: 4 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Early retirement due to the length of service of medical workers in the Russian Federation

¹ Shatveryan N.G., ¹ Gorban A.A.,

¹ Rostov State University of Economics (RINH)

Abstract: the article examines the legal nature of early retirement for medical workers and analyzes the transformation of this institution in the context of changes in the procedure for assigning an insurance pension. Special attention is paid to changing the status of the special length of service, the introduction of a deferred pension and the dependence of the exercise of the right on the subordinate regulation. The conclusion is substantiated that the current model retains the formal features of social guarantees, but undergoes a meaningful shift from compensatory logic to a more formalized design. The systemic contradictions of law enforcement are revealed and the directions of improvement of the institute are proposed.

Keywords: early retirement, seniority, medical workers, insurance pension, special seniority, pension reform

For citation: Shatveryan N.G., Gorban A.A. Early retirement due to the length of service of medical workers in the Russian Federation. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 82 – 86. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-82-86

The article was submitted: June 4, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Досрочное пенсионное обеспечение медицинских работников традиционно воспринимается как одна из устойчивых социальных гарантий в сфере публичного регулирования труда. Его специфика заключается в привязке к продолжительности профессиональной деятельности, а не к возрастному критерию. Такая модель отражает признание того, что медицинская деятельность не сводится к выполнению трудовой функции в обычном смысле. Она предполагает постоянное эмоциональное напряжение, профессиональную ответственность особого уровня, работу в условиях дефицита времени и нередко хроническую перегрузку. В этой связи более раннее пенсионное обеспечение всегда имело вполне определенный смысл. Оно рассматривалось не как льгота в узком понимании, а как правовая форма признания того факта, что длительная работа в здравоохранении объективно требует иной меры социальной защиты.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, формально-юридический, системный и структурно-функциональный методы, а также сравнительно-правовой анализ. Их использование позволило рассмотреть досрочный выход на пенсию по выслуге лет медицинских работников как особую правовую гарантию в системе пенсионного обеспечения Российской Федерации, выявить условия ее назначения и определить значение специального стажа для возникновения права на досрочную страховую пенсию.

Результаты и обсуждения

Правовое основание досрочного назначения страховой пенсии медицинским работникам закреплено в статье 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [1]. Закон устанавливает требования к продолжительности специального стажа, 25 лет при работе в сельской местности и 30 лет в городских условиях.

До реформирования пенсионной системы Федеральным законом от 03 октября 2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» выработка специального стажа фактически совпадала с возникновением права на пенсионную выплату [2]. Специальный стаж выступал завершенным юридическим фактом, порождающим субъективное право на досрочное пенсионное обеспечение.

После изменения порядка назначения досрочной пенсии по выслуге лет сам механизм ее получения стал поэтапным. На первом этапе медицинский работник вырабатывает необходимый специальный стаж. На втором этапе возникает право на досрочное пенсионное обеспечение, однако оно не реализуется немедленно. На третьем этапе действует установленная законом отсрочка назначения пенсии, в течение которой выплата фактически не производится. Лишь на завершающем этапе, после истечения этого периода, становится возможным назначение и получение пенсии [3]. При таком порядке специальный стаж сохраняет значение обязательного условия, но перестает быть самостоятельным основанием для немедленного пенсионного обеспечения. В результате между моментом выработки стажа и фактической реализацией права возникает временной разрыв, что заметно изменяет содержание данного института и ослабляет его компенсационный смысл.

При этом нельзя отрицать, что действующая модель сохраняет и определенные положительные черты. Прежде всего сохраняется сам особый порядок пенсионного обеспечения медицинских работников [4]. Законодатель по-прежнему исходит из того, что медицинская деятельность обладает такой спецификой, которая оправдывает более раннее пенсионное обеспечение по сравнению с общим порядком.

Положительным следует признать и отсутствие автоматического уменьшения пенсии по причине ее досрочного назначения. На уровне общей конструкции сохраняется компенсационная направленность института, а более раннее возникновение права само по себе не рассматривается как основание для снижения размера выплаты.

Следует отметить и то, что действующее регулирование сохраняет возможность защиты нарушенного права в судебном порядке.

Однако наличие этих элементов не устраняет противоречия, так как формальное сохранение права не означает его реального содержания. Отдельного внимания заслуживает вопрос подтверждения специального стажа. Зачет периодов работы осуществляется с учетом перечней должностей и организаций, утвер-

жденных Постановлением Правительства РФ № 781 от 29 октября 2002 года, которое продолжает применяться в рамках Закона № 400-ФЗ, несмотря на существенные изменения структуры системы здравоохранения [5]. На практике именно здесь концентрируется наибольшее число проблем. В пенсионных спорах решающее значение часто придается не фактическому содержанию выполняемой работы, а совпадению наименования должности и учреждения с установленными перечнями. Такой подход представляется чрезмерно узким. Он плохо соотносится с реальным состоянием системы здравоохранения, которая за последние годы заметно изменилась. Меняются организационные формы медицинских учреждений, их наименования, структура подразделений, распределение функций между работниками. При этом характер профессиональной деятельности во многих случаях остается прежним.

Указанная проблема подтверждается и судебной практикой. Показательным является дело, рассмотренное Соль-Илецким районным судом Оренбургской области в 2024 году. Медицинский работник оспаривал отказ в досрочном назначении страховой пенсии, поскольку пенсионный орган не включил в специальный стаж ряд периодов его работы. В частности, спор касался работы медицинской сестрой в детском саду СПК «Дивнополье». Суд засчитал в специальный стаж только период работы до 1 октября 1993 года, поскольку в это время действовало прежнее правовое регулирование, допускавшее такой зачет. Последующий период работы включен не был, так как после изменения законодательства детский сад уже не относился к учреждениям здравоохранения, работа в которых дает право на досрочное пенсионное обеспечение. В результате требуемая продолжительность специального стажа подтверждена не была, и в назначении пенсии было отказано [6]. Данное дело подтверждает, что при решении вопроса о назначении досрочной пенсии существенное значение имеет не только фактическое выполнение медицинских обязанностей, но и формальное соответствие места работы установленным перечням.

Проблема размера пенсионного обеспечения проявляется особенно остро и в тех случаях, когда медицинские работники, имеющие общий стаж 35 или 40 лет, получают сравнительно небольшую пенсию. По данным Социального фонда России во Владимирской области, средний размер пенсии медицинских работников, вышедших на досрочную пенсию в 2025 году, составляет 23 590 рублей [7]. Подобная ситуация не носит исключительного характера и показывает одну из наиболее существенных особенностей действующей модели. При значительной продолжительности профессиональной деятельности итоговый объем пенсионного обеспечения нередко оказывается явно несоразмерным тому вкладу, который работник вносил в систему здравоохранения на протяжении десятилетий.

Причина этого связана с порядком расчета страховой пенсии. Ее размер определяется прежде всего уровнем заработной платы и объемом страховых взносов, перечисляемых за работника. По этой причине сама по себе длительная работа еще не означает формирования высокого пенсионного обеспечения. Именно в этом особенно отчетливо проявляется одна из наиболее серьезных проблем действующей системы. Если специальный стаж признается самостоятельным основанием для досрочного пенсионного обеспечения, то она должна иметь значение не только для момента возникновения права на пенсию, но и для определения ее размера [8]. В противном случае длительная профессиональная деятельность приобретает лишь формальное значение, тогда как ее реальная социальная ценность остается недостаточно учтенной. При таком подходе особый характер медицинского труда признается на уровне общих положений, но не получает полноценного отражения в пенсионном обеспечении.

С этим же тесно связан вопрос о неучете отдельных периодов трудовой биографии. Прежде всего речь идет о периоде ухода за ребенком, который не засчитывается в специальный стаж, необходимый для досрочной пенсии. Для медицинской сферы такое решение имеет особые последствия, поскольку значительную часть работников составляют женщины. В специальный стаж медицинских работников не включаются и иные периоды, имеющие значение для общего страхового стажа [9]. В частности, период военной службы по призыву и период осуществления ухода за инвалидом. Также период обучения в ординатуре, интернатуре и аспирантуре, как правило, сам по себе не влечет включения соответствующего периода в специальный стаж. Исключение этих периодов фактически усложняет достижение требуемой выслуги и ставит часть медицинских работников в менее благоприятное положение.

Проблема здесь не сводится к простому увеличению или уменьшению количества лет стажа. Она глубже. Действующее регулирование фактически исходит из абстрактной трудовой биографии, в которой не учитываются реальные социальные обстоятельства жизни человека. При этом именно в такой профессии, как медицинская, подобное игнорирование выглядит особенно спорным. Если законодатель исходит из повышенной социальной значимости медицинского труда, то тот же подход должен распространяться и на оценку тех периодов, которые объективно влияют на возможность накопления специального стажа.

В результате перед нами складывается не набор разрозненных недостатков, а вполне цельная картина. Поэтапный порядок выхода на пенсию отдалает момент реализации права. Формальный подход к подтверждению стажа делает право зависимым от документальных формулировок. Исключение социально значимых периодов осложняет достижение требуемой выслуги. Механизм расчета страховой пенсии не обеспечивает соразмерности между продолжительностью работы и итоговым размером выплат. Все это в совокупности позволяет говорить о том, что действующая модель сохраняет право внешне, но постепенно ослабляет его по существу.

По этой причине необходима не только корректировка отдельных норм, но и более последовательное переосмысление подхода к досрочному пенсионному обеспечению медицинских работников. Прежде всего представляется необходимым внесение изменений в статью 30 Федерального закона № 400-ФЗ в части максимального сокращения отсрочки назначения пенсии для медицинских работников, так как действующий порядок фактически отодвигает реализацию права на пять лет. Ведь досрочное пенсионное обеспечение медицинских работников изначально связывалось именно с длительностью профессиональной деятельности, а не с достижением возраста.

Кроме того, требуется обновление подзаконного регулирования. Действующая система по-прежнему опирается на устаревшие перечни, сформированные для прежней структуры здравоохранения. В связи с этим целесообразно принятие нового постановления Правительства РФ, устанавливающего современный перечень медицинских должностей, подразделений и видов деятельности, предоставляющих право на досрочное пенсионное обеспечение, а также урегулирование вопроса учета тождественных должностей, реорганизации медицинских организаций, изменения их наименований и внутренней структуры.

В самостоятельной доработке нуждается и вопрос учета отдельных социально значимых периодов. Представляется целесообразным усовершенствовать правила исчисления специального стажа положениями о включении в него тех периодов, которые уже признаются юридически значимыми для учета общего страхового стажа. А именно, дополнить перечень периодом военной службы, периодом ухода за ребенком и периодом осуществления ухода за инвалидом.

Также необходима более четкая регламентация зачета работы при неполной занятости. На уровне правил исчисления стажа следует закрепить возможность суммирования объема работ, выполняемых медицинским работником у нескольких работодателей, если в совокупности выработана установленная норма рабочего времени. Одновременно необходимо закрепить и требования к подтверждению тако занятости, включая сведения о продолжительности рабочего времени, характере выполняемой трудовой функции, структурном подразделении и периоде работы.

Наконец, в качестве дополнительного правового ориентира возможно обратиться к зарубежному опыту. Например, во Франции для медицинских работников предусмотрено деление должностей на активную и обычную категории. Активная категория охватывает должности, связанные с повышенной нагрузкой и значительной утомляемостью. Для работников таких должностей при наличии установленной продолжительности работы, а именно от 15 до 17 лет предусмотрена возможность более раннего выхода на пенсию. Французская модель связана не только с общей продолжительностью работы, но и со спецификой выполняемых обязанностей, уровнем нагрузки и условиями труда [10].

Выводы

Таким образом, порядок досрочного пенсионного обеспечения в Российской Федерации сопряжен с рядом проблем. Его современное состояние показывает, что правовая форма еще не гарантирует полноты содержания. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направленно на восстановление первоначального смысла данного института. Право на досрочную пенсию в медицинской сфере должно быть не только признанным, но и реально работающим.

Список источников

1. Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 № 400-ФЗ // Российская газета. № 296. 31.12.2013.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 №350-ФЗ // Российская газета. № 223. 05.10.2018.
3. Стерхова Е.В. Реализация права на досрочные страховые пенсии по старости медицинских работников // Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков. 2023. С. 1576 – 1585.

4. Дзгоева Ф.О. Справедливость дифференциации пенсионного обеспечения медицинских работников (на основе судебной практики) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 2 (114). С. 173 – 183.

5. Постановление Правительства РФ от 29.10.2002 № 781 «О списках работ, профессий, должностей, специальностей и учреждений, с учетом которых досрочно назначается трудовая пенсия по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», и об утверждении Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Российская газета. № 212. 06.11.2002.

6. Решение Соль-Илецкого районного суда Оренбургской области от 26.04.2024 по делу № 2-812/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CiF2SMPXM7rU/> (дата обращения: 25.03.2026)

7. Социальный фонд России: Отделение СФР по Владимирской области. 16.06.2025. URL: sfr.gov.ru/branches/vladimir/news~2025/06/16/276329 (дата обращения: 25.03.2026)

8. Долженкова А.О., Сизов А.А. Социальные и трудовые пенсии медицинских работников // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее. 2025. С. 248 – 251.

9. Чавкин Б.Д. Специальный страховой стаж и выслуга лет как основания возникновения права на досрочное пенсионное обеспечение в российской федерации // Научный формат. 2020. №12 (15). С. 17 – 21.

10. Михнюк К.С., Колесникович Д.С. Особенности пенсионной системы франции // Экономика и социум. 2016. № 12-2 (31). С. 319 – 322.

References

1. Federal Law "On Insurance Pensions" dated 28.12.2013 No. 400-FZ. Rossiyskaya Gazeta. No. 296. 31.12.2013.

2. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Appointment and Payment of Pensions" dated 03.10.2018 No. 350-FZ. Rossiyskaya Gazeta. No. 223. 05.10.2018.

3. Sterkhova E.V. Implementation of the Right to Early Old-Age Insurance Pensions for Medical Workers. Actual Problems of Science in Research by Students, Scientists, and Practitioners. 2023. P. 1576 – 1585.

4. Dzgoeva F.O. The Fairness of Differentiation in Pension Provision for Healthcare Workers (Based on Judicial Practice). Bulletin of O.E. Kutaфин University. 2024. No. 2 (114). P. 173 – 183.

5. RF Government Resolution No. 781 of October 29, 2002, "On the Lists of Jobs, Professions, Positions, Specialties, and Institutions, Taking into Account Which an Early Old-Age Labor Pension Is Assigned in Accordance with Article 27 of the Federal Law "On Labor Pensions in the Russian Federation," and on Approval of the Rules for Calculating Periods of Work Entitled to Early Old-Age Labor Pension in Accordance with Article 27 of the Federal Law "On Labor Pensions in the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. No. 212. November 6, 2002.

6. Decision of the Sol-Iletsk District Court of the Orenburg Region dated April 26, 2024, in case No. 2-812/2024. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. SudAkt. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CiF2SMPXM7rU/> (date of access: 25.03.2026)

7. Social Fund of Russia: SFR Branch for Vladimir Region. June 16, 2025. URL: sfr.gov.ru/branches/vladimir/news~2025/06/16/276329 (date of access: 25.03.2026)

8. Dolzhenkova A.O., Sizov A.A. Social and labor pensions of medical workers. Problems and prospects for the development of Russia: a youth look into the future. 2025. P. 248 – 251.

9. Chavkin B.D. Special insurance experience and length of service as grounds for the emergence of the right to early retirement provision in the Russian Federation. Scientific format. 2020. No. 12 (15). P. 17 – 21.

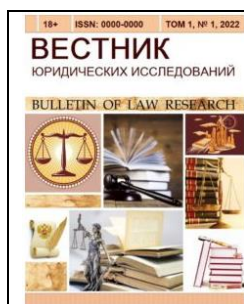
10. Mikhnyuk K.S., Kolesnikov D.S. Features of the French pension system. Economy and Society. 2016. No. 12-2 (31). P. 319 – 322.

Информация об авторах

Шатверян Н.Г., доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), nelli_@mail.ru

Горбань А.А., Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), gorbansasch@yandex.ru

© Шатверян Н.Г., Горбань А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 351.74

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-87-93

Правовые основы статуса сотрудника органов внутренних дел СССР в годы Великой Отечественной войны

¹ Матвеева А.Д.,

¹ Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

Аннотация: в статье рассматриваются правовые основы статуса сотрудника органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны, анализируются акты общего и специального характера. Целью статьи является выявление правовых основ, в которых закреплялся статус сотрудника органов внутренних дел СССР. В ходе проведенного историко-правового анализа установлено, что трансформация правового статуса сотрудника органов внутренних дел в период 1941-1945 гг. происходила под детерминирующим воздействием условий военного времени. Выявлена сложная внутренняя структура формирования данного статуса. Аргументировано, что правовое регулирование статуса отличалось высокой степенью централизации и императивности, базируясь преимущественно на подзаконных актах. Данная модель регулирования доказала свою мобилизационную эффективность, позволив в кратчайшие сроки адаптировать НКВД СССР к условиям военного времени. Выявлено, что статус сотрудника в заданный хронологический период формировался многоуровнево, а также мобильно в условиях действия специальных административных правовых режимов.

Ключевые слова: правовые основы, специальный правовой статус, НКВД СССР, Великая Отечественная война, нормотворчество, приказы

Для цитирования: Матвеева А.Д. Правовые основы статуса сотрудника органов внутренних дел СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 87 – 93. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-87-93

Поступила в редакцию: 5 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Legal framework for the status of Soviet internal affairs officers during the Great Patriotic War

¹ Matveeva A.D.,

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

Abstract: the article examines the legal basis of the status of an employee of the internal affairs bodies during the Great Patriotic War, and analyzes acts of a general and special nature. The purpose of the article is to identify the legal basis that established the status of an employee of the internal affairs bodies of the USSR. The conducted historical and legal analysis revealed that the transformation of the legal status of an employee of the internal affairs bodies during the period of 1941-1945 was influenced by the conditions of wartime. The complex internal structure of the formation of this status was identified. It is argued that the legal regulation of the status was characterized by a high degree of centralization and imperativeness, based primarily on by-laws. This regulatory model

proved to be highly effective in terms of mobilization, allowing the NKVD of the USSR to adapt to wartime conditions in a short period of time. It has been revealed that the status of an employee in a given chronological period was formed at multiple levels, as well as mobilely, under the conditions of special administrative legal regimes.

Keywords: legal foundations, special legal status, NKVD of the USSR, Great Patriotic War, rule-making, orders

For citation: Matveeva A.D. Legal framework for the status of Soviet internal affairs officers during the Great Patriotic War. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 87 – 93. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-87-93

The article was submitted: June 5, 2026; Approved after reviewing: July 3, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Специфика выбранной темы исследования определяется особенностями советского правового регулирования правоохранительной деятельности в предвоенный и военный период. В отличие от моделей, предполагающих закрепление статуса сотрудника полиции в едином кодифицированном или системообразующем нормативном акте (основные федеральные законы, регулирующие деятельность органов внутренних дел/полиции РФ [8, 9, 10]), советская система права характеризовалась рассредоточенностью нормативного массива и значительной ролью подзаконного (в том числе ведомственного) нормотворчества. В результате, статус сотрудника органов НКВД СССР фиксировался не в одном источнике права, а в правовых предписаниях: от общегосударственных актов высших органов власти и управления до приказов, директив, циркуляров и инструкций НКВД СССР, которые придавали общим решениям мобилизационного государства конкретное организационно-правовое содержание. В годы войны данная особенность усилилась. Чрезвычайные условия, необходимость оперативного и централизованного управления, обусловили динамичность правового регулирования. Нормы, регламентирующие статус сотрудника органов НКВД СССР, закреплялись в закрытых или ведомственных документах, адресованных системе НКВД и/или сопряженным структурам. Поэтому исследование правовых основ статуса сотрудника органов внутренних дел 1941-1945 гг. неизбежно требует включения в источниковую базу не только актов общего характера (общегосударственного уровня), но и нормативных документов НКВД СССР, обладавших реальной регулятивной силой внутри правоохранительной системы, а также актов военного командования (в период войны наблюдается двойная соподчиненность сотрудников: начальствующему составу НКВД СССР и командованию Красной армии).

Обращение к историографии показывает, что исследование правовых основ статуса сотрудника органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны развивалось преимущественно не как самостоятельное юридическое направление, а как производная часть более широких сюжетов: истории НКВД как ведомства [22], истории государственной безопасности [11, 15], истории милиции и войск НКВД [12, 16, 17], а также истории обеспечения правопорядка в тылу и на освобожденных территориях [13]. Таким образом, историография в целом подтверждает тезис о том, что правовые основы статуса сотрудника органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны рассмотрены в юридической литературе фрагментарно. С одной стороны, накоплен значительный источниковый материал о НКВД как органе и о его деятельности в военное время, с другой – сохраняется очевидный дефицит работ, где статус сотрудника рассматривался бы как юридическая конструкция, раскрытая через систему источников и механизмов нормативного закрепления. Это положение, по существу, фиксируется и в современной научной оценке состояния исследования, так, при внушительном объеме историографии отсутствует объективная и комплексная оценка места и роли НКВД СССР в государственном механизме и, как следствие, недостаточно раскрыты правовые формы, обеспечивавшие функционирование его органов и войск в войну [18, с. 466]. Указанные обстоятельства предопределяют исследовательскую логику настоящей статьи, потому что при недостаточности «готовых» историографических обобщений о правовом статусе сотрудника НКВД СССР в 1941-1945 гг. требуется реконструировать правовые основы статуса путем систематизации источников, прежде всего актов общего характера (СНК и ГКО СССР), а также ведомственных директив (приказов и инструкций) НКВД СССР и проследить их эволюцию в динамике военного времени.

Материалы и методы исследований

Методика исследования обусловлена поставленной научной задачей: выявить правовые основы статуса сотрудника НКВД СССР в военное время, обозначить правовые механизмы, на которых строился статус. В соответствии с поставленной целью, в настоящем исследовании используются комплекс общенаучных и специальных методов. основополагающими методами являются: формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой и структурно-функциональный.

Результаты и обсуждения

Переходя от историографии к анализу нормативной базы, необходимо подчеркнуть, что начальный период Великой Отечественной войны характеризовался не просто «обновлением» отдельных предписаний, а перестройкой всего правового механизма управления. Правовые основы статуса сотрудника НКВД в 1941-1942 гг. формировались в условиях чрезвычайного правотворчества и концентрации их полномочий в органах власти, что обусловило две взаимосвязанные особенности: усиление роли актов высших органов власти, закреплявших режим военного времени [2, 4, 5, 6]; рост значения ведомственных предписаний НКВД как инструмент оперативной конкретизации актов общего права и, вместе с этим, устанавливающий правовой статус сотрудников НКВД СССР (его основных элементов).

Одновременно правовое оформление статуса сотрудников определялось колебаниями организационной модели государственной безопасности. Накануне войны, НКВД был разделен на два наркомата (НКВД и НКГБ), причем политико-управленчески это объяснялось потребностью усилить агентурно-оперативную работу и учесть возросший объем задач [14, с. 43-45]. В условиях войны, напротив, потребовалась обратная мера – объединение управленческих ресурсов и возвращение в НКВД ряда функций. Уже 17 июля 1941 г. военная контрразведка была передана из НКО обратно в ведение НКВД СССР, где было создано Управление особых отделов [7]. Наконец, 20 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД и НКГБ были объединены в наркомат внутренних дел СССР, «в связи с переходом от мирного времени на военные условия...» [14, с. 92]. С точки зрения правовых основ статуса сотрудника органов внутренних дел, названные решения показывают следующее. Во-первых, в 1941-1942 гг. статус сотрудника в значительной степени зависел от организационно-правовых изменений, проводимых высшей властью, менялись ведомственные границы компетенции, подчиненность подразделений, распределение функций между наркоматами. Во-вторых, сами эти изменения выступали юридическим механизмом перераспределения служебных полномочий, расширение задач (включая контрразведывательное обеспечение) объективно влекло за собой усиление режима секретности, дисциплины, расширение ответственности и увеличение объема служебных обязанностей.

Если общегосударственные акты задавали рамки, то непосредственное «наполнение» статуса сотрудника конкретными правами и обязанностями обеспечивалось посредством ведомственного нормотворчества. Показателен приказ НКВД СССР № 00349 от 4 апреля 1941 г. об организации Отдела по борьбе с бандитизмом (далее – ОББ) в системе Главного управления милиции (далее – ГУМ) и на местах. В нем закреплялись организационные основы, круг задач и требования к формированию оперативно-агентурного аппарата, что фактически задавало для соответствующей категории сотрудников объем специальных обязанностей и полномочий еще до начала войны, а в военной обстановке – стало одним из нормативных «ядер» последующей деятельности [3].

В условиях начала войны, 30 сентября 1941 г. ОББ был выведен из состава ГУМ и получил статус самостоятельного отдела НКВД СССР, на месте создавались профильные отделы и отделения при союзных и областных структурах [1], при этом, структура не претерпела изменений (агентурно-оперативная и следственная работа осталась). Впоследствии (1 декабря 1944 г.) ОББ был преобразован в Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ) НКВД СССР, а в его составе формировались специализированные элементы (в т.ч. разведывательные и следственные) [23, с. 47]. Эти изменения имели прямое значение для статуса сотрудников, а именно расширялась ведомственная компетенция, усложнялась структура служебной подчиненности, вводились специальные организационные формы (оперативные группы, агентурно-боевые группы, следственные подразделения), что предполагало изменение требований к служебной подготовке, усиление ответственности, закрепление специальных полномочий. Тем самым, с началом войны складывается характерная для советской модели логика: статус сотрудника закрепляется не единым «статусным» актом, а системой взаимодополняющихся источников, где общегосударственные решения определяют рамку и структуру, а ведомственные приказы – конкретные компетенции, обязанности и режим службы. Это обстоятельство принципиально важно для оценки достаточности нормативной

регуляции, в условиях войны правовая эффективность проявлялась не в полноте публичной кодификации, а в способности системы быстро создавать и изменять обязательные правила служебного поведения.

После коренного перелома на фронте в 1943 г. вектор государственного регулирования меняется, подстраиваясь под складывающуюся оперативно-боевую обстановку, происходит реорганизация НКГБ и НКВД (разделение структур). «Данная реорганизация положила начало появлению органов военной контрразведки в НКО и НК ВМФ – «Смерша»» [23, с. 45]. Таким образом, происходит рассредоточение функций, до 1943 г., наоборот, наблюдается централизация функций в рамках единого наркомата внутренних дел СССР.

Такая характеристика советского права как мобильность была заложена еще в довоенное время, режим военного времени лишь на практике показал релевантность и эффективность советской системы права. Упрощенный законотворческий процесс, расширенное ведомственное нормотворчество заложило фундамент, благодаря которому советское право было способно в кратчайшие сроки перейти на «военные рельсы».

Ведомственное нормотворчество влияло на формирование элементов правового статуса, не только полномочия конкретизировались в директивах и приказах НКВД СССР, но и социальные права. К тому же, учитывая социальные риски сотрудников на разных этапах войны, руководители наркомата самостоятельно устанавливали компенсаторные механизмы [20, с. 339]. Наряду с этим, ведомственное право регламентировало такой элемент специального правового статуса как юридическая ответственность [21, с. 587-589].

Выводы

Таким образом, правовые основы статуса сотрудника НКВД СССР в 1941-1945 гг. складывались в рамках многоуровневой модели:

1. акты высших органов государственной власти и управления, определявшие общий правовой режим военного времени, структуру и подчиненность силового блока, объем компетенций НКВД и пределы концентрации управленческих функций;
2. акты, касающиеся организационно-правового устройства НКВД, его внутренней структуры, распределения функций между подразделениями, а также разграничения общественной и государственной безопасности;
3. ведомственные приказы, директивы, циркуляры и инструкции НКВД, которые будучи подзаконными по своей природе актами, выполняли ключевую роль «операционализации» статуса сотрудника, а именно переводили общие предписания в конкретные служебные обязанности, полномочия, запреты и меры ответственности.

Анализируя нормативный массив, можно сделать вывод о том, что преобладающим в годы Великой Отечественной войны было ведомственное право, именно оно способствовало координации и мобилизации ресурсов. Расширенное нормотворчество руководителей наркомата способно было «подстраиваться» под оперативно-боевую обстановку в стране, при этом, некоторые нормы ведомственного права распространяли свое действие и на советских граждан [19, с. 50]. Также ведомственные акты не противоречили нормам общего права, не допуская произвола или юридических противоречий, которые были недопустимы в военное время. В период Великой Отечественной войны наблюдается достаточность нормативной базы, а вместе с этим, и эффективное правовое регулирование.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 192. Л. 39-43.
2. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 1738-746сс «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». 24 июня 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 20. Л. 186-187.
3. Приказ НКВД СССР № 00349 «Об организации отделов и отделений по борьбе с бандитизмом Главного управления милиции НКВД СССР и его периферийных органов». 4 апреля 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 241. Л. 308-309.
4. О военном положении: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.
5. Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий (утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г.) // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1944 гг. М., 1945. С. 228 – 231.

6. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29.06.1941 г. № П509 партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 38 – 39.
7. Постановление Государственного Комитета Обороны № 187сс о преобразовании органов Третьего управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР. 17 июля 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru> (дата обращения: 06.03.2026)
8. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. и доп. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
11. Воронцов С.А. Спецслужбы России: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 511 с.
12. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / авт.-сост. В.В. Душенькин, В.В. Боброва, Т.Ф. Каряева и др. М.: Юридическая литература, 1975. 725 с.
13. Гусак В. А. Деятельность советской милиции по обеспечению функционирования тыла в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941-1945 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. 47 с.
14. История милиции Советской России в документах (1917-1945 гг.): хрестоматия: в 4 ч. / авт.-сост. А.Я. Малыгин, Ю.А. Артамонов, С.С. Гостев, Е.Г. Ермаков, Д.О. Ефременко, А.Н. Журов, О.В. Зиборов, Ю.А. Иванченко, И.А. Калиниченко, П.П. Марченя, Е.В. Мельник, Н.В. Михайлова, Л.В. Порватова, М.В. Сучкова, Н.Л. Феднева и др.; под общ. ред. В.Л. Кубышко. Ч. 4: Советская милиция накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. 298 с.
15. Корвин В.В. История отечественных органов безопасности: учебное пособие. М.: Норма, НОРМА-ИНФРА. М, 1998. 253 с.
16. Князев В.В. Войска НКВД СССР и правовое обеспечение их применения в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 20 – 29.
17. Лысенков С.Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: монография. М.: На боевом посту. 2010. 262 с.
18. Матиенко Т.Л. Проблема оценки НКВД СССР как органа государственного управления в годы великой отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 466 – 472.
19. Матвеева А.Д. Особенности юридической ответственности сотрудников органов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны // Сборник материалов научно-представительских мероприятий Барнаульского юридического института МВД России. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2025. С. 48 – 52.
20. Матвеева А.Д. Социальное обеспечение сотрудников органов внутренних дел в условиях действия специальных административно-правовых режимов: историко-правовой опыт // Образование и право. 2026. № 1. С. 336 – 342.
21. Матвеева А.Д. Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников органов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 587 – 589.
22. Косицын А.П., Мулукаев Р.С., Биленко С.В. и др. Советская милиция: история и современность, 1917-1987 / под ред. А.В. Власова. М.: Юридическая литература, 1987. 335 с.
23. Упоров И.В. Органы внутренних дел и госбезопасности в борьбе с бандитизмом на бывших в оккупации территориях (1941-1945 годы) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 3-1 (102). С. 44 – 48. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-3-1-44-48

References

1. State Archives of the Russian Federation (hereinafter referred to as GARF). F. R-9401. Op. 12. D. 192. L. 39-43.
2. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 1738-746ss "On measures to combat enemy parachute landings and saboteurs in the front-line zone". June 24, 1941. GARF. F. R-5446. Op. 106. D. 20. L. 186-187.
3. Order of the NKVD of the USSR No. 00349 "On the organization of departments and sections for the fight against banditry of the Main Directorate of Militia of the NKVD of the USSR and its peripheral bodies." April 4, 1941. GARF. F. R-9401. Op. 12. D. 241. L. 308-309.
4. On martial law: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941. Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1941. No. 29.
5. Regulations on military tribunals in areas declared under martial law and in military operations areas (approved by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941). Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938-1944. Moscow, 1945. P. 228 – 231.
6. Directive of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of June 29, 1941, No. P509 to party and soviet organizations in front-line regions on the mobilization of all forces and resources to defeat the fascist invaders. Decisions of the Party and Government on Economic Issues. Moscow, 1968. Vol. 3. P. 38 – 39.
7. Resolution of the State Defense Committee No. 187ss on the transformation of the Third Directorate of the People's Commissariat of Defense of the USSR into special departments of the NKVD of the USSR. July 17, 1941. Electronic Library of Historical Documents. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru> (date of accessed: 06.03.2026)
8. Federal Law of the Russian Federation of February 7, 2011 No. 3-FZ "On the Police" (as amended and supplemented on August 8, 2024) // SZ RF. 2011. No. 7. Art. 900.
9. Federal Law of the Russian Federation of November 30, 2011 No. 342-FZ "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended and supplemented on August 4, 2023). SZ RF. 2011. No. 49. Art. 7020.
10. Federal Law of the Russian Federation of May 27, 2003 No. 58-FZ "On the Civil Service System of the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on March 12, 2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 22. Article 2063.
11. Vorontsov S.A. Special Services of Russia: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence". Rostov-on-Don: Phoenix, 2006. 511 p.
12. Internal Troops in the Great Patriotic War of 1941-1945: documents and materials. compiled by V.V. Dushenkin, V.V. Bobrova, T.F. Karyayeva et al. Moscow: Legal Literature, 1975. 725 p.
13. Gusak V.A. Activities of the Soviet Militia to Ensure the Functioning of the Rear During the Great Patriotic War, June 1941-1945: Historical and Legal Research: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Moscow, 2010. 47 p.
14. History of the Militia of Soviet Russia in Documents (1917-1945): Reader: in 4 parts. compiled by A.Ya. Malygin, Yu.A. Artamonov, S.S. Gostev, E.G. Ermakov, D.O. Efremenko, A.N. Zhurov, O.V. Ziborov, Yu.A. Ivanchenko, I.A. Kalinichenko, P.P. Marchenya, E.V. Melnik, N.V. Mikhailova, L.V. Porvatova, M.V. Suchkova, N.L. Fedneva, et al.; edited by V.L. Kubyshko. Part 4: Soviet Militia on the Eve and During the Great Patriotic War (1941-1945). Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 298 p.
15. Korovin V.V. History of Domestic Security Agencies: A Textbook. Moscow: Norma, NORMA-INFRA. M, 1998. 253 p.
16. Knyazev V.V. Troops of the NKVD of the USSR and Legal Framework for Their Use during the Great Patriotic War of 1941-1945. Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (49). P. 20 – 29.
17. Lysenkov S.G. Legal Status of Military Personnel during the Great Patriotic War: Monograph. Moscow: On Duty. 2010. 262 p.
18. Matienko T.L. The Problem of Assessing the NKVD of the USSR as a Government Body during the Great Patriotic War. State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (for the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War): Part 1. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. P. 466 – 472.

19. Matveeva A.D. Features of Legal Liability of NKVD of the USSR Employees during the Great Patriotic War. Collection of Materials from Scientific and Presentational Events of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. P. 48 – 52.

20. Matveeva A.D. Social Security of Employees of Internal Affairs Bodies under Special Administrative-Legal Regimes: Historical and Legal Experience. Education and Law. 2026. No. 1. P. 336 – 342.

21. Matveeva A.D. Features of Disciplinary Responsibility of Employees of the NKVD Bodies of the USSR During the Great Patriotic War. State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (on the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War): Part 1. SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. P. 587 – 589.

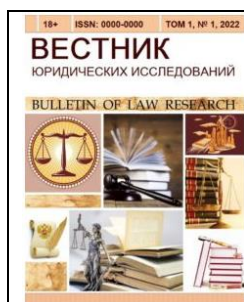
22. Kositsyn A.P., Mulukaev R.S., Bilenko S.V., et al. Soviet Militia: History and Modernity, 1917-1987. edited by A.V. Vlasov. Moscow: Legal Literature, 1987. 335 p.

23. Uporov I.V. Internal Affairs and State Security Agencies in the Fight Against Banditry in the Formerly Occupied Territories (1941-1945). International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2025. No. 3-1 (102). P. 44 – 48. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-3-1-44-48

Информация об авторе

Матвеева А.Д., Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, anna.chernoskutova.01@bk.ru

© Матвеева А.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.5

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-94-99

***Институт конституционных (уставных) советов в субъектах
Российской Федерации: комплексный анализ проблем правового регулирования,
организации деятельности и перспектив развития***

¹ Дадашева М.Дж., ¹ Гаджиева С.М.,

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье анализируется институт конституционных (уставных) советов в субъектах Российской Федерации, созданных после упразднения региональных конституционных (уставных) судов в результате реформы публичной власти 2020 года. Авторы исследуют причины ликвидации судов, среди которых – низкая эффективность, экономическая нецелесообразность и риски нарушения единства правового пространства. На основе сравнительно-правового анализа законодательства четырех субъектов РФ (Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Саха (Якутия) и Республики Татарстан) выявлены существенные различия в правовом статусе, компетенции, порядке формирования и организации деятельности конституционных советов. Показано, что отсутствие единой федеральной концепции привело к формированию асимметричных региональных моделей – от минимального экспертно-консультативного органа в Республике Адыгея до приближенной к классической конституционной юстиции модели в Республике Саха (Якутия). Рассматриваются порядок формирования советов и его зависимость от исполнительной власти, статус их членов, а также вопрос об экономической обоснованности деятельности новых органов. Особое внимание уделено проблеме рекомендательного характера решений советов, отсутствию механизмов их принудительного исполнения, а также зависимости от исполнительной власти при формировании. Обосновывается необходимость выработки единой федеральной концепции правового регулирования института. Предлагаются два возможных сценария дальнейшего развития: признание советов экспертно-консультативными органами при парламентах либо реформа федерального законодательства с целью придания их решениям обязательной юридической силы и создания действенных механизмов реализации.

Ключевые слова: Конституционные (уставные) советы, субъекты Российской Федерации, конституционный контроль, региональная публичная власть, правовое регулирование, федерализм, компетенция, конституционная юстиция, реформа, сравнительно-правовой анализ

Для цитирования: Дадашева М.Дж., Гаджиева С.М. Институт конституционных (уставных) советов в субъектах Российской Федерации: комплексный анализ проблем правового регулирования, организации деятельности и перспектив развития // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 94 – 99. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-94-99

Поступила в редакцию: 5 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

The institute of constitutional (charter) councils in the subjects of the Russian Federation: a comprehensive analysis of legal regulation problems, organization of activities, and development prospects

¹ Dadasheva M.Dzh., ¹ Gadzhieva S.M.,

¹ Dagestan State University

Abstract: the article analyzes the institute of constitutional (charter) councils in the subjects of the Russian Federation, established after the abolition of regional constitutional (charter) courts as a result of the 2020 public authority reform. The authors examine the reasons for the abolition of the courts, including low efficiency, economic inexpediency, and risks of undermining the unity of the legal space. Based on a comparative legal analysis of the legislation of four constituent entities of the Russian Federation (the Republic of Adygea, the Republic of Bashkortostan, the Republic of Sakha (Yakutia), and the Republic of Tatarstan), significant differences are identified in the legal status, competence, formation procedure, and organization of activities of constitutional councils. Special attention is paid to the problem of the recommendatory nature of council decisions, the lack of enforcement mechanisms, as well as dependence on the executive branch during formation. The necessity of developing a unified federal concept for the legal regulation of the institute is substantiated. Two possible scenarios for further development are proposed: recognizing the councils as expert advisory bodies attached to parliaments, or reforming federal legislation to grant their decisions binding legal force and create effective implementation mechanisms.

Keywords: Constitutional (charter) councils, subjects of the Russian Federation, constitutional review, regional public authority, legal regulation, federalism, competence, constitutional justice, reform, comparative legal analysis

For citation: Dadasheva M.Dzh., Gadzhieva S.M. The institute of constitutional (charter) councils in the subjects of the Russian Federation: a comprehensive analysis of legal regulation problems, organization of activities, and development prospects. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 94 – 99. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-94-99

The article was submitted: June 5, 2026; Approved after reviewing: July 3, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Реформирование системы публичной власти в Российской Федерации в 2020 привело к существенным изменениям в организации региональной власти. Федеральным конституционным законом от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» была упразднена статья 27 Федерального Конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», что означало ликвидацию института конституционных (уставных) судов субъектов Федерации (Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50, ч. I, ст. 8029). К 1 января 20223 года эти органы конституционного контроля прекратили свое существование. Взамен законодатель предоставил субъектам право создавать при законодательных органах конституционные (уставные) советы.

Что же послужило причиной ликвидации конституционных судов в субъектах РФ? Многие исследователи отмечают то, что они так и не смогли органично встроиться в систему публичной власти. Это подтверждается тем, что в подавляющем большинстве субъектов такие суды рассматривали от силы несколько дел в год (в Чеченской Республике с 2006 года было вынесено всего лишь одно постановление). В среднем на содержание суда субъекты выделяли около 30 млн рублей в год, что также очевидно делало их содержание экономически неоправданным, учитывая количество рассматриваемых дел.

Во-вторых имели место случаи принятия региональными судами решений, вступающих в противоречие с правовыми позициями Конституционного суда РФ, что создавало угрозу единству правового пространства и федерализму [1, с. 62].

В третьих, возникала сложность обеспечения полной независимости судов от политической конъюнктуры, в ситуации когда региональные элиты нередко блокировали деятельность судов. Отказываясь назначать судей или финансировать их работу. В этих условиях идея создания при парламентах советов с

совещательными функциями, не обладающих властными полномочиями и не претендующими на роль самостоятельной ветви власти, выглядит для федерального центра как компромиссное и безопасное решение.

Материалы и методы исследований

Создавая альтернативный институт конституционного контроля, законодатель предоставил региональным властям право самостоятельно решать, внедрять ли его в систему органов власти конкретного субъекта. Такая диспозитивная норма привела к тому, что субъекты неохотно восприняли нововведение, и на данный момент конституционные (уставные) советы созданы всего лишь в четырех субъектах нашей страны – Республике Саха (Якутия), Татарстане, Республике Адыгея и Башкортостане [2, с. 266].

Также, как справедливо отмечается в научной литературе, федеральный законодатель, упразднив суды, не сопроводил эту меру разработкой внятной концепции правового статуса. Компетенции и порядка формирования новых советов, ограничившись лишь указанием на их принадлежность а структуре регионального [3, с.96]. Такая неопределенность привела к формированию в каждом из четырех субъектов разных моделей правового регулирования деятельности конституционных советов, существенно различающихся по объему полномочий и месту в системе органов публичной власти [4, с. 89].

Результаты и обсуждения

Первый подход, реализованный в Республике Адыгея, характеризуется минимальным объемом полномочий. Конституционный совет здесь создан исключительно для подготовки заключений на проекты конституционных законов, вносимых в парламент (Закон Республики Адыгея от 28 апреля 2022 г. № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2026)). Это делает его сугубо экспертно-консультативным органом, фактически дублирующим функции профильных комитетов и юридической службы законодательного собрания. Примечательно, что в Адыгее совету не переданы даже полномочия по толкованию конституции, в результате чего в республике вообще отсутствует орган, официально уполномоченный давать общеобязательное разъяснение норм основного закона республики.

Конституционный совет в Республике Башкортостан, действующий на основании Закона Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан» (Закон Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2026)), наделен более широкими полномочиями, включая проверку конституционности региональных и муниципальных нормативных актов, однако только по соответствующим обращениям граждан, подготовку проектов толкования конституции по запросу парламента, а также правом законодательной инициативы. Однако, несмотря на внешнюю схожесть с полномочиями упраздненного суда, решения совета по всем этим вопросам носят лишь рекомендательный характер и подлежат утверждению парламентом или его президиумом. Это принципиально меняет природу органа, превращая его из контрольного в совещательный при законодательной власти.

В Республике Саха (Якутия) модель, установленная Конституционным законом Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. № 2356-З № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» (Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. № 2356-З № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2026)), наиболее приближена к классической модели конституционной юстиции. Там практически полностью сохранены полномочия ликвидированного Конституционного суда, включая толкование конституции, проверку нормативных актов на предмет соответствия основному закону, а также на оценку законов до их подписания главой республики. Тем не менее, совет утратил право рассматривать индивидуальные жалобы граждан на нарушение их конституционных прав, что значительно сужает возможности правозащиты на региональном уровне.

Четвертый подход, продемонстрированный Республикой Татарстан, где принят Закон Республики Татарстан от 13 июля 2023 г. № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан» (Закон Республики Татарстан от 13 июля 2023 г. № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2026)), выделяется тем, что совет создан не при парламенте, а как самостоятельный государственный орган, что формально противоречит требованиям федерального закона, прямо предписывающего создание

советов именно при законодательных органах. Это свидетельствует о стремлении региона сохранить максимально возможную степень автономии и независимости нового института.

Таким образом, отсутствие единых стандартов привело к тому, что советы в разных регионах обладают не просто разными, но и зачастую несопоставимыми полномочиями, что ставит под сомнение принцип равенства прав граждан на конституционную защиту вне зависимости от места их проживания.

Что касается порядка формирования конституционных советов, то анализ регионального законодательства показывает, что в большинстве субъектов был воспроизведен поход, вызывающий серьезную критику.

В Якутии и Башкортостане члены советов назначаются парламентом исключительно по представлению главы республики. Эта модель, применявшаяся при формировании конституционных (уставных) судов, продемонстрировала свою несостоятельность. Во-первых, она ставит орган, призванный проверять акты исполнительной власти, в прямую зависимость от главы этой власти. Во-вторых, как показывает практика (например, ситуация в Бурятии, где глава региона долгое время отказывался вносить кандидатуры судей), такая конструкция позволяет исполнительной власти блокировать работу органа конституционного контроля, просто не исполняя свои обязанности по представлению кандидатов [1, с. 67].

Значительно более прогрессивным выглядит подход, изначально примененный в Адыгее, где половина членов совета назначается парламентом, а половина – главой республики. Такой паритетный принцип формирования в большей степени соответствует природе конституционного контроля, как института, призванного уравнивать различные ветви власти.

Вопрос о статусе членов конституционных советов также решается регионами по-разному. В Башкортостане все члены совета работают на постоянной профессиональной основе и замещают государственные должности субъекта РФ. Это означает, что на их содержание выделяются значительные бюджетные средства. В то же время нагрузка на совет все еще мала – за первые годы работу количество рассмотренных дел исчисляется единицами. В этой связи многие исследователи ставят под сомнение экономическую целесообразность таких расходов, особенно на фоне упразднения конституционных судов именно по причине их дороговизны и низкой эффективности. По сути, новый орган воспроизводит те же недостатки, что и его предшественник.

В Адыгее, напротив, все члены совета работают на безвозмездной основе. Это полностью снимает вопрос о бюджетной нагрузке, но создает проблему дефицита профессионализма и мотивации. Работа в совете не является для его членов основным видом деятельности, что может негативно сказываться на качестве подготовки заключений и оперативности их рассмотрения.

Наиболее сбалансированным представляется вариант, при котором лишь председатель совета (и, возможно, его заместители) работает на постоянной основе, обеспечивая организационную и координационную деятельность, а остальные члены, являясь высококвалифицированными специалистами в различных областях права, привлекаются к работе по мере необходимости и получают вознаграждение, пропорциональное фактически затраченному на рассмотрение конкретных дел времени. Такой подход позволил бы сочетать высокий профессиональный уровень, экономию бюджетных средств и реальную независимость членов совета, не зависящих от регулярного бюджетного финансирования [1, с. 71].

Центральной проблемой, ставящей под сомнение саму идею создания конституционных советов, как органов охраны основных законов, является отсутствие у их решений общеобязательной силы. Во всех без исключения регионах, создавших советы, их итоговые акты носят рекомендательный характер. Это принципиально отличает советы от их предшественников – конституционных (уставных) судов, решения которых были обязательными для исполнения всеми органами власти, организациями и гражданами.

В научной литературе справедливо отмечается, что в отсутствие механизмов, обеспечивающих обязательность решений, и мер государственного принуждения за их неисполнение, советы рискуют превратиться в декоративные органы, лишь имитирующие деятельность по охране конституционной законности [5, с. 37].

Выход из этой ситуации мы видим в необходимости законодательного закрепления обязательной силы решений советов, по крайней мере, по ключевым вопросам – толкования конституции (устава) и проверки соответствия нормативных актов основному закону. Это потребует внесения изменений в федеральное законодательство, которое должно установить, что акты конституционных (уставных) советов в этой части обладают той же юридической силой, что и решения органов конституционного правосудия, и подлежат обязательному исполнению [6, с. 32].

Однако даже в этом случае остается открытым вопрос о механизмах принуждения к исполнению. Предлагается либо этим правом территориальные органы Минюста России с ведением соответствующей

административной ответственности за неисполнение, либо предусмотреть право самого совета или уполномоченных лиц (прокурора, главы региона) обращаться в суд с требованием о признании акта, противоречащего заключению совета, недействующим. В любом случае, без создания действенного механизма реализации решений, советы не смогут выполнять возложенную на них функцию.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Создание конституционных (уставных) советов стало вынужденной и во многом непоследовательной мерой, направленной на заполнение институционального вакуума, образовавшегося после упразднения региональной конституционной юстиции. Отсутствие единой федеральной концепции привело к формированию асимметричной и внутренне противоречивой модели, в которой правовой статус, компетенция и порядок формирования советов существенно различаются от региона к региону.

Советы унаследовали многие проблемы своих предшественников: сохраняется риск зависимости от исполнительной власти при их формировании, не решен вопрос об экономической обоснованности их деятельности, а ключевая проблема – рекомендательный характер решений и отсутствие механизмов их исполнения – ставит под сомнение саму способность этих органов реально защищать верховенство основных законов [7, с. 46].

Дальнейшее развитие института конституционных (уставных) советов возможно по двум основным сценариям. Первый сценарий предполагает признание их экспертно-консультативной роли и интеграцию в структуру парламентов в качестве совещательных органов, не обладающих властными полномочиями. Однако этот сценарий не решает проблему отсутствия эффективного конституционного контроля в регионах. Второй сценарий, поддерживаемый большинством исследователей, заключается в реформе федерального законодательства с целью придания советам статуса реально действующих органов конституционного надзора, чьи решения по ключевым вопросам обладают обязательной силой и обеспечены механизмами принудительного исполнения.

Какой бы сценарий ни был избран, очевидно, что текущее состояние правового регулирования деятельности конституционных (уставных) советов нельзя признать удовлетворительным. Без необходимого усовершенствования новые органы рискуют повторить судьбу упраздненных судов, так и не став действенным механизмом защиты конституционной законности и прав граждан в субъектах Российской Федерации.

Список источников

1. Худoley К.М. Какая судьба ждет конституционные (уставные) советы? // *Ex jure*. 2023. № 2. С. 59 – 72.
2. Усманов А.К., Алексеева Н.Г. К вопросу о деятельности конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 4. С. 265 – 268.
3. Савоськин А.В., Курятников В.В. Порядок формирования конституционных (уставных) советов субъектов РФ: проблемы и решения // *Lex russica*. 2023. Т. 76, № 4. С. 94 – 105.
4. Курятников В.В. К вопросу о допустимой и необходимой компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2023. Т. 23, № 1. С. 88 – 94.
5. Зырянов И.А. К реформе законодательства и органов конституционного надзора – конституционных и уставных советов // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2023. № 5 (154). С. 36 – 40.
6. Евдокимов В.Б., Кожевников О.А., Савоськин А.В. Кто вправе официально толковать конституции (уставы) субъектов Российской Федерации после конституционных поправок 2020 г.? // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2024. № 51. С. 25 – 38.
7. Галиев Р.С., Новикова М.С. Конституционный (уставный) контроль в субъектах Российской Федерации // *Алтайский юридический вестник*. 2023. № 3 (43). С. 42 – 48.

References

1. Khudoley K.M. What fate awaits constitutional (statutory) councils? *Ex jure*. 2023. No. 2. P. 59 – 72.
2. Usmanov A.K., Alekseeva N.G. On the activities of constitutional (statutory) councils of the constituent entities of the Russian Federation. *Law and State: Theory and Practice*. 2025. No. 4. P. 265 – 268.
3. Savoskin A.V., Kuryatnikov V.V. The procedure for forming constitutional (statutory) councils of the constituent entities of the Russian Federation: problems and solutions. *Lex russica*. 2023. Vol. 76. No. 4. P. 94 – 105.

4. Kuryatnikov V.V. On the issue of permissible and necessary competence of constitutional (statutory) councils of the constituent entities of the Russian Federation. Bulletin of SUSU. Series "Law". 2023. Vol. 23. No. 1. P. 88 – 94.

5. Zyryanov I.A. On the Reform of Legislation and Constitutional Oversight Bodies – Constitutional and Statutory Councils. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 5 (154). P. 36 – 40.

6. Evdokimov V.B., Kozhevnikov O.A., Savoskin A.V. Who Has the Right to Officially Interpret the Constitutions (Charters) of the Subjects of the Russian Federation After the Constitutional Amendments of 2020? Bulletin of Tomsk State University. Law. 2024. No. 51. P. 25 – 38.

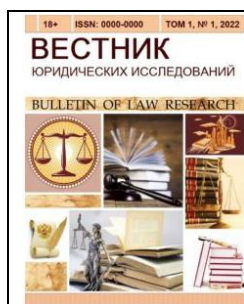
7. Galiev R.S., Novikova M.S. Constitutional (Statutory) Control in the Subjects of the Russian Federation. Altai Law Bulletin. 2023. No. 3 (43). P. 42 – 48.

Информация об авторах

Дадашева М.Дж., кандидат юридических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, Dadasheva_malika@mail.ru

Гаджиева С.М., Дагестанский государственный университет, salixat28lou@mail.ru

© Дадашева М.Дж., Гаджиева С.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 327.8

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-100-105

Исследование культурных основ современного китайского дипломатического дискурса

¹ Гань Лу,

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Аннотация: настоящая статья ориентирована на исследование современного китайского дипломатического дискурса в русле культурно-дискурсивной парадигмы и ставит целью выявление его концептуальной структуры и принципов функционирования. Методологическую основу исследования составляет интегративный подход, сочетающий инструменты критического дискурс-анализа, методы корпусной лингвистики и теоретические положения межкультурной коммуникации, что позволяет проследить динамику актуализации, переосмысления и трансформации традиционных культурных кодов в риторике внешней политики Китая. Особое внимание уделяется способам интерпретации конфуцианского интеллектуального наследия, холистического мировидения и реляционной этики в контексте современной международной коммуникации. Ключевым аналитическим фокусом выступает рассмотрение таких концептов, как «гармония при сохранении различий», «сообщество единой судьбы человечества», «китайское решение» и «взаимовыгодное сотрудничество», а также анализ их роли в процессе дискурсивного обоснования дипломатической легитимности и конструирования национального образа Китая. Дополнительно в статье анализируются стилистические и коммуникативные трансформации дипломатического дискурса, связанные с развитием цифровых медиа и особенностями межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: китайский дипломатический дискурс; культурные ресурсы; межкультурная коммуникация; дискурс-анализ

Для цитирования: Гань Лу Исследование культурных основ современного китайского дипломатического дискурса // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 100 – 105. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-100-105

Поступила в редакцию: 6 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

A study of the cultural foundations of contemporary Chinese diplomatic discourse

¹ Gan Lu,

¹ Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Abstract: this article examines contemporary Chinese diplomatic discourse within the cultural-discursive paradigm and aims to identify its conceptual structure and operating principles. The methodological basis of the study is an integrative approach combining the tools of critical discourse analysis, corpus linguistics, and theoretical principles of intercultural communication. This approach allows us to trace the dynamics of the actualization, reinterpretation, and transformation of traditional cultural codes in the rhetoric of Chinese foreign policy. Particular attention is paid to methods of interpreting the Confucian intellectual heritage, holistic worldview, and relational ethics in the context of contemporary international communication. The key analytical focus is on concepts such as "harmony while preserving differences", "a community of shared destiny for mankind", "the Chinese solution", and "win-win

cooperation", as well as an analysis of their role in the discursive justification of diplomatic legitimacy and the construction of China's national image. The article also analyzes the stylistic and communicative transformations of diplomatic discourse associated with the development of digital media and the specifics of interlingual and intercultural interaction.

Keywords: Chinese diplomatic discourse; cultural resources; intercultural communication; discourse analysis

For citation: Gan Lu A study of the cultural foundations of contemporary Chinese diplomatic discourse. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 100 – 105. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-100-105

The article was submitted: June 6, 2026; Approved after reviewing: July 4, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Современный дипломатический дискурс Китая не может быть адекватно осмыслен в рамках узко прагматической логики международной политики. Он формируется как целостная культурно-дискурсивная конфигурация, возникшая в результате длительного исторического взаимодействия традиционных ценностных оснований с институциональными параметрами современной международной системы. Эмпирические исследования показывают, что дипломатический язык Китая – от уровня базовых ценностных ориентаций до способов аргументации – сохраняет устойчивую связь с культурной традицией. Его коммуникативная направленность ориентирована не столько на фиксацию формально-институциональных результатов, сколько на производство дипломатической легитимности посредством семантически насыщенного и культурно кодированного дискурса [1, с. 54]. Данная особенность задаёт специфику китайской дипломатической риторики и отличает её от доминирующих западных либеральных дискурсивных моделей.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании применялись такие методы, как анализ синтез, критический анализ, лингвистические методы, а также контент-анализ. Материалом послужили исследования российских и китайских исследователей по теме статьи, а также словари китайского языка.

Результаты и обсуждения

Одним из ключевых культурных архетипов китайского дипломатического дискурса является конфуцианская идея «гармонии при сохранении различий». В современной дипломатической практике она проявляется в формулировках, соединяющих традиционную аксиологию с задачами международного взаимодействия: “中国坚持和而不同，尊重世界文明多样性，反对以单一价值衡量世界。” – «Китай придерживается принципа гармонии при сохранении различий, уважает многообразие мировых цивилизаций и выступает против оценки мира через единую ценностную систему». Такая модель снижает конфронтационный потенциал ценностных различий, поскольку исходит из возможности их сосуществования. Её основания восходят к конфуцианскому пониманию порядка как результата согласования и координации, а не противоборства [3, с. 218].

В этой парадигме международные отношения осмысляются не как пространство постоянной конкуренции, а как взаимосвязанная система, требующая моральной регуляции и устойчивости. Формулы “国际社会是人类命运共同体” – «Международное сообщество представляет собой сообщество единой судьбы человечества» и “任何国家都不能独善其身” – «Ни одно государство не может существовать в изоляции» выражают установку на взаимозависимость, целостность и коллективную ответственность. Их культурные основания соотносятся с традиционной китайской концепцией «天下为公» («мир как общее достояние») [2, с. 61].

Существенной чертой китайского дипломатического дискурса является его нормативно-ритуальная организация, связанная с понятием «礼» (этикет). В официальной коммуникации регулярно воспроизводятся формулы: “中方对此高度重视” – «Китай придаёт этому вопросу большое значение»; “愿同贵国一道努力” – «Готовы совместно с вашей страной прилагать усилия»; “推动长期、稳定、互信的伙伴关系” – «Содействовать формированию долгосрочного, стабильного и взаимодовверительного партнёрства». Эти выражения функционируют как дискурсивные ритуалы, закрепляющие нормативный порядок отношений и предсказуемость дипломатического взаимодействия [2, с. 57].

Для китайской дипломатической риторики характерна также сдержанная артикуляция конфликтности. В напряжённых ситуациях официальные тексты часто избегают прямого указания на адресата критики, используя обозначения “有关方面” – «соответствующие стороны» или “个别国家” – «отдельные страны».

В пример можно привести следующую формулировку – «中方已多次阐明在有关方面问题上的立场» («Китай многократно выражал собственную позицию относительно вопросов, которые затрагивают соответствующие стороны»), в которой выражается несогласие, но без явной конфронтации для того, чтобы сохранить «лицо» и поддерживают дальнейшую коммуникацию [3, с. 220].

Особое внимание необходимо обратить на внешнеполитическое воздействие с точки зрения морали. Так, в китайской риторике часто используются такие категории, как «正义» (правота), «责任» (ответственность), «公平» (справедливость), «道义» (моральный долг) и т.д. и т.д. В пример можно привести следующие цитаты: “中国始终站在公平正义一边” – «Китай всегда придерживается справедливой точки зрения» и “中国愿为世界和平与发展承担应尽责任” – «Китай всегда готов нести полную ответственность за развитие человечества, а также мир во всем мире». Эти примеры отражают стремление не опираться на формальное принуждение, а на согласие всех сторон.

Культурно-философская основа не ограничивает китайский дипломатический дискурс традиционализмом, а обеспечивает его адаптивность. Современная дипломатическая риторика не воспроизводит традиционные концепты буквально, а переосмысливает их как ресурсы для интерпретации глобального управления, сотрудничества и многостороннего взаимодействия [4, с. 176]. Поэтому культурный компонент выступает не декоративным элементом, а структурной основой дипломатического дискурса.

Современный китайский дипломатический дискурс следует рассматривать как систему, организованную вокруг устойчивых и регулярно воспроизводимых понятий. Эти концепты одновременно выполняют прикладные функции внешнеполитической коммуникации и аккумулируют культурно обусловленные смыслы. Через них вербализуется официальная позиция Китая и осуществляется переработка традиционных представлений о мире в условиях глобальной дискурсивной среды [5, с. 4].

Центральное место в этой системе занимает концепция «сообщества с общим будущим для человечества». Характерным примером служит формула: “构建人类命运共同体是中国智慧和方案在全球治理中的体现。” – «Создание сообщества единой судьбы человечества является проявлением китайской мудрости и китайского решения в сфере глобального управления». Подобное высказывание формирует альтернативную интерпретацию международных отношений: они осмысляются не как поле соперничества, а как морально организованное сообщество, предполагающее совместную ответственность [7, с. 74].

Концепт «сообщества с общим будущим» часто сопровождается отказом от логики нулевой суммы. Распространены формулы: “世界不是零和博弈，而是合作共赢的体系。” – «Мир – это не игра с нулевой суммой, а система сотрудничества и взаимной выгоды»; “任何国家都不可能独善其身。” – «Ни одно государство не может существовать обособленно». Эти высказывания смещают акцент с конкуренции на взаимосвязанность и сосуществование, придавая международному порядку выраженное ценностное измерение [6, с. 9].

Логическим продолжением этой линии выступают категории «китайское решение» и «китайская мудрость». Типичны высказывания: “全球性问题需要全球视野，中国愿意提供中国方案。” – «Глобальные проблемы требуют глобального подхода, и Китай готов предложить китайские решения»; “中国智慧为完善全球治理体系提供新思路。” – «Китайская мудрость предлагает новые идеи для совершенствования системы глобального управления». В них Китай конструируется как источник опыта и идей, а не как сила, прямо противопоставляющая себя существующим международным механизмам [8, с. 3].

Одним из наиболее частотных элементов китайского дипломатического дискурса является концепт «win-win» («взаимная выгода»). Он реализуется в формулах: “坚持互利共赢原则” – «Придерживаться принципа взаимовыгодного сотрудничества»; “推动互利共赢的发展模式” – «Продвигать модель развития, основанную на взаимной выгоде»; “实现各国共同发展” – «Обеспечить совместное развитие всех стран». В дипломатическом контексте этот термин имеет не только экономическое, но и моральное содержание, поскольку нейтрализует нарративы о гегемонии, односторонности и силовой политике [6, с. 12].

Отдельное значение имеет концепт «стабильности». В дипломатическом дискурсе устойчиво воспроизводятся формулы: “稳定是发展的前提” – «Стабильность является предпосылкой развития»; “国际社会普遍期待稳定” – «Международное сообщество ожидает стабильности»; “维护地区稳定符合各方共同利益” – «Поддержание региональной стабильности отвечает общим интересам».

всех сторон». Здесь стабильность конструируется как универсальная категория, позволяющая рационализировать осторожную позицию Китая по чувствительным вопросам международной повестки [1, с. 78].

Перечисленные концепции функционируют не изолированно, а образуют устойчивый дискурсивный паттерн [10, с. 7]. В одном дипломатическом заявлении могут одновременно использоваться такие элементы, как «сообщество с общим будущим для человечества», «взаимовыгодное сотрудничество», «китайское решение» и «стабильность». Их повторяемость повышает узнаваемость китайского дипломатического дискурса и закрепляет его идентичность на международной арене [5, с. 6]. В результате ключевые концепты образуют многослойную систему значений, через которую артикулируются внешнеполитические установки и специфическое понимание международных отношений [8, с. 10].

Рост медиатизации международного публичного пространства и усиление геополитической напряжённости изменили стилистические характеристики китайского дипломатического дискурса. Речь идёт не об отказе от культурной основы, а о её функциональной перекалибровке в цифровой среде. Исследования фиксируют, что язык китайской дипломатии стал более прямым, экспрессивным и жёстким, сохранив при этом базовую ценностную логику культурной преемственности [9, с. 38].

Внимание также следует обратить на «военскую дипломатию», сущность которой заключается в уверенных ответах на обвинения. В пример можно привести следующую цитату: «任何损害中国主权和尊严的行为都将遭到坚决反对» («Всякие действия, нарушающие суверенитет страны, будут нивелированы.») [10, с. 5]. Такие формулы помещают текущие разногласия в исторический нарратив, превращая международные конфликты в вопросы моральной справедливости и национального достоинства [11, с. 14].

В цифровой медиасреде форма дипломатического дискурса становится более сжатой, афористичной и лозунговой. В англоязычном сегменте распространены формулы: “Facts don’t lie.” – «Факты не лгут»; “China stands for fairness and justice.” – «Китай символизирует справедливость и правосудие»; “Double standards are unacceptable.” – «Двойные стандарты недопустимы». Несмотря на стилистическую близость к западным моделям политической коммуникации, их ценностное наполнение сохраняет ориентацию на категории справедливости, правоты и ответственности [9, с. 39].

На этом фоне заметна асимметрия между китайскоязычными и англоязычными версиями дипломатического дискурса. В китайскоязычных заявлениях сохраняется более развёрнутая культурно-риторическая структура: “中方一贯主张通过对话协商解决分歧。” – «Китай последовательно выступает за разрешение разногласий посредством диалога и консультаций»; “希望有关国家摒弃冷战思维。” – «Выражается надежда, что соответствующие страны откажутся от менталитета холодной войны». В англоязычных версиях аналогичные высказывания часто редуцируются до кратких формул: “China calls for dialogue.” – «Китай призывает к диалогу»; “We oppose Cold War mentality.” – «Мы выступаем против менталитета холодной войны». Это необходимо для нивелирования культурных расхождений в понимании того или иного высказывания [12, с. 379]. Это необходимо для нивелирования смыслов высказываний в культурном контексте.

Выводы

Дипломатический дискурс Китая современного образца является системой динамического характера, основой которой является философия и логика конфуцианства. Поэтому даже в условиях цифровизации и роста уровня конфликтности Китай сохраняет порядочность, координацию, перевод высказываний на основе культурного контекста, а также правильное распространение собственного мнения.

Список источников

1. Семенов А.В., Цвык А.В. The Approach to the Chinese Diplomatic Discourse // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. P. 565 – 586. DOI: 10.1007/s40647-021-00321-x
2. Lu Y.S. Zhou A critical discourse analysis of Chinese diplomatic discourse based on the UN framework // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Article 1674. DOI: 10.1057/s41599-024-04193-w
3. Liu Y., Yao X., Shi X. et al. Diplomatic discourse and the national image in China’s public diplomacy: A corpus-assisted analysis // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. Article 1278240. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1278240
4. Li T.F. Pan The discursive construction and translation-mediated reshaping of China’s national image: A corpus-assisted analysis // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Article 1635767. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1635767

5. Tang L. Othering as mediated soft-power practice: Chinese diplomatic communication of discourse about China-US trade war through the British press // *Discourse, Context & Media*. 2023. Vol. 51. Article 100669. DOI: 10.1016/j.dcm.2023.100669
6. Ma L.P. Crosthwaite Constructing China's national image through political discourse: A corpus-based diachronic analysis of Government Work Reports (2001-2025) // *Applied Corpus Linguistics*. 2026. Vol. 6, iss. 1. Article 100179. P. 1 – 12. DOI: 10.1016/j.acorp.2025.100179
7. Wang X. A bibliometric study on Chinese discourse (1994-2021) // *Critical Arts*. 2023. Vol. 37, iss. 3. P. 174 – 190. DOI: 10.1080/02560046.2023.2229908
8. Du J., Choong P.Y., Khan M.H., Adnan H.M. Blessing or Threat? A corpus-based critical discourse analysis of China's image in public diplomatic discourse on China Global Television Network (2014-2023) // *Asian Journal for Public Opinion Research*. 2025. Vol. 13. No. 4. P. 372 – 399. DOI: 10.15206/ajpor.2025.13.4.372
9. Лю Сюечжэнь Механизмы кросс-культурной коммуникации на базе китайской культурной традиции в современном китайском дипломатическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2024. № 6 (108). С. 216 – 222. URL: <https://politlinguistika.ru/images/6-2024/6-2024-216-222.pdf> (дата обращения: 18.02.2026)
10. Huang Z.A. "Wolf Warrior" and China's digital public diplomacy during the COVID-19 crisis // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2022. Vol. 18. P. 37 – 40. DOI: 10.1057/s41254-021-00241-3
11. Yuan S. Tracing China's diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Article 837. DOI: 10.1057/s41599-023-02367-6
12. Lim J.A. Ito, H. Zhang Unpacking China's Wolf Warrior Diplomacy: A Text-As-Data Approach // *Journal of Contemporary China*. 2025. DOI: 10.1080/10670564.2025.2557845
13. Julienne M., Hanck S. Chinese diplomacy: From "fighting spirit" to "warrior wolf" // *Politique étrangère*. 2021. No. 1. P. 103 – 118. DOI: 10.3917/pe.211.0103
14. Litvak N.V., Pomozova N.B. Chinese diplomatic discourse for Europe: A change of style // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. No. 1. P. 50 – 69. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-1-50-69
15. Luo M.H., Wan S., Xiong Z. Chen Dissemination of the "community with a shared future for mankind" by China from a cultural perspective: based on a corpus analysis of BRICS and ASEAN // *World: Transdisciplinary Research and Discourse*. 2023. Vol. 3. No. 3. P. 71 – 80. DOI: 10.35534/wtt.0303004

References

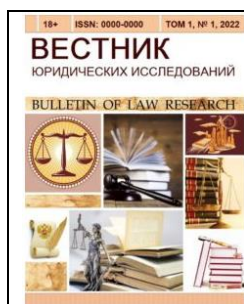
1. Semenov A.V., Tsyvk A.V. The Approach to the Chinese Diplomatic Discourse. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 14. P. 565 – 586. DOI: 10.1007/s40647-021-00321-x
2. Lu Y.S. Zhou A critical discourse analysis of Chinese diplomatic discourse based on the UN framework. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Article 1674. DOI: 10.1057/s41599-024-04193-w
3. Liu Y., Yao X., Shi X. et al. Diplomatic discourse and the national image in China's public diplomacy: A corpus-assisted analysis. *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Article 1278240. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1278240
4. Li T.F. Pan The discursive construction and translation-mediated reshaping of China's national image: A corpus-assisted analysis. *Frontiers in Psychology*. 2025. Vol. 16. Article 1635767. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1635767
5. Tang L. Othering as mediated soft-power practice: Chinese diplomatic communication of discourse about China-US trade war through the British press. *Discourse, Context & Media*. 2023. Vol. 51. Article 100669. DOI: 10.1016/j.dcm.2023.100669
6. Ma L.P. Crosthwaite Constructing China's national image through political discourse: A corpus-based diachronic analysis of Government Work Reports (2001-2025). *Applied Corpus Linguistics*. 2026. Vol. 6, iss. 1. Article 100179. P. 1 – 12. DOI: 10.1016/j.acorp.2025.100179
7. Wang X. A bibliometric study on Chinese discourse (1994-2021). *Critical Arts*. 2023. Vol. 37, iss. 3. P. 174 – 190. DOI: 10.1080/02560046.2023.2229908
8. Du J., Choong P.Y., Khan M.H., Adnan H.M. Blessing or Threat? A Corpus-Based Critical Discourse Analysis of China's Image in Public Diplomatic Discourse on China Global Television Network (2014-2023). *Asian Journal for Public Opinion Research*. 2025. Vol. 13. No. 4. P. 372–399. DOI: 10.15206/ajpor.2025.13.4.372
9. Liu Xuezheng. Mechanisms of Cross-Cultural Communication Based on Chinese Cultural Tradition in Contemporary Chinese Diplomatic Discourse. *Political Linguistics*. 2024. No. 6 (108). P. 216 – 222. URL: <https://politlinguistika.ru/images/6-2024/6-2024-216-222.pdf> (access date: 02/18/2026)
10. Huang Z.A. "Wolf Warrior" and China's digital public diplomacy during the COVID-19 crisis. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2022. Vol. 18. P. 37 – 40. DOI: 10.1057/s41254-021-00241-3

11. Yuan S. Tracing China's diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Article 837. DOI: 10.1057/s41599-023-02367-6
12. Lim J.A. Ito, H. Zhang Unpacking China's Wolf Warrior Diplomacy: A Text-As-Data Approach. *Journal of Contemporary China*. 2025. DOI: 10.1080/10670564.2025.2557845
13. Julienne M., Hanck S. Chinese diplomacy: From "fighting spirit" to "warrior wolf". *Politique étrangère*. 2021. No. 1. P. 103 – 118. DOI: 10.3917/pe.211.0103
14. Litvak N.V., Pomozova N.B. Chinese diplomatic discourse for Europe: A change of style. *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. No. 1. P. 50 – 69. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-1-50-69
15. Luo M.H., Wan S., Xiong Z. Chen Dissemination of the "community with a shared future for man-kind" by China from a cultural perspective: based on a corpus analysis of BRICS and ASEAN. *World: Transdisciplinary Research and Discourse*. 2023. Vol. 3.No. 3. P. 71 – 80. DOI: 10.35534/wtt.0303004

Информация об авторе

Гань Лу, аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

© Гань Лу, 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.5

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-106-110

Особенности политической системы современной России

¹ Жуковский В.И., ¹ Довголюк Н.В.,

¹ Северо-Кавказский федеральный университет,

¹ Ставропольский филиал Московского педагогического университета

Аннотация: в статье проведен анализ политической системы общества, являющейся одной из центральных категорий теории государства и права и политической науки. Именно через неё раскрывается совокупность взаимодействующих государственных и негосударственных институтов, норм, отношений и идей, посредством которых осуществляется политическая власть и регулируется политическая жизнь общества. Понимание политической системы позволяет объяснить, как функционирует государство в единстве с другими политическими институтами, каким образом формируется и реализуется публичная власть, каковы механизмы участия граждан в политических процессах.

В условиях глобальных трансформаций, распространения демократических и гибридных режимов, активизации гражданского общества исследование политических систем приобретает особую значимость. Для современной России данная тема обладает повышенной актуальностью: страна переживает сложный период государственного строительства, при котором политическая система испытывает значительные институциональные нагрузки, балансируя между потребностями демократизации и задачами обеспечения государственного единства и стабильности. Анализ теоретических основ политической системы, её элементов, функций и закономерностей развития является необходимым условием для понимания современного российского государства.

Ключевые слова: Конституция, политическая система, демократия, государство, власть, форма правления

Для цитирования: Жуковский В.И., Довголюк Н.В. Особенности политической системы современной России // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 106 – 110. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-106-110

Поступила в редакцию: 7 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Features of the political system of modern Russia

¹ Zhukovsky V.I., ² Dovgolyuk N.V.,

¹ North-Caucasus Federal University,

² Stavropol branch of Moscow Pedagogical University

Abstract: the article analyzes the political system of society, which is one of the central categories of the theory of state and law and political science. It is through her that the totality of interacting state and non-state institutions, norms, relations and ideas through which political power is exercised and the political life of society is regulated is revealed. Understanding the political system makes it possible to explain how the state functions in unity with other

political institutions, how public power is formed and implemented, and what mechanisms citizens use to participate in political processes.

In the context of global transformations, the spread of democratic and hybrid regimes, and the activation of civil society, the study of political systems is of particular importance. For modern Russia, this topic is of increased relevance: the country is going through a difficult period of state-building, in which the political system is experiencing significant institutional pressures, balancing the needs of democratization and the tasks of ensuring state unity and stability. The analysis of the theoretical foundations of the political system, its elements, functions and patterns of development is a prerequisite for understanding the modern Russian state.

Keywords: Constitution, political system, democracy, state, government, form of government

For citation: Zhukovsky V.I., Dovgolyuk N.V. Features of the political system of modern Russia. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 106 – 110. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-106-110

The article was submitted: June 7, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

Политическая система Российской Федерации имеет своё правовое основание в Конституции России, принятой 12 декабря 1993 года с последующими изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Конституция РФ закрепляет основополагающие принципы организации политической власти и определяет статус ключевых элементов политической системы страны.

Важнейшей конституционной характеристикой российской политической системы является закреплённый в статье 1 Конституции РФ статус России как демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления. Каждый из перечисленных признаков имеет принципиальное значение для понимания политической системы страны.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование основано на анализе Конституции РФ, действующих нормативных актов, посвящённых политической системе России, а также научной отечественной и зарубежной доктрины. Методологическую основу составили общенаучные и частнонаучные методы. Выявление ключевых характеристик политической системы, их значения стало возможным благодаря сравнительно-правовому методу исследования. Исследование требует комплексного методологического подхода к изучению актуальных вопросов политической системы современной России. Рассмотрение модели политической системы России потребовало обязательного обращения к эмпирическим источникам, в частности, решениям Конституционного суда РФ.

Результаты и обсуждения

Демократический характер российского государства означает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ (статья 3 Конституции РФ). Народ осуществляет свою власть непосредственно – через референдум и свободные выборы, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Конституция провозглашает высшим непосредственным выражением власти народа именно референдум и свободные выборы, тем самым придавая демократическому принципу не декларативный, а действенный юридический характер [2].

Республиканская форма правления предполагает, что высшие органы государственной власти формируются путём выборов. В Российской Федерации Президент избирается всеобщим прямым голосованием, а Государственная Дума – путём пропорционального представительства политических партий. Совет Федерации формируется из представителей законодательных и исполнительных органов субъектов Российской Федерации. Данная модель организации высших органов власти определяет Россию как смешанную (президентско-парламентскую) республику.

Федеративный характер российского государства означает, что Российская Федерация состоит из равноправных субъектов – республик, краёв, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов. Конституция разграничивает предметы ведения Российской Федерации и её субъектов, закрепляя исключительную компетенцию федерации, совместную компетенцию федерации и субъектов, а также остаточную компетенцию субъектов. Федерализм как принцип государственного устройства

является одной из базовых характеристик российской политической системы, влияя на характер представительства, распределение политических ресурсов и механизмы принятия политических решений.

Конституция Российской Федерации закрепляет многопартийность как одну из основ конституционного строя. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной; запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя. Правовое регулирование деятельности политических партий в Российской Федерации осуществляется Федеральным законом «О политических партиях» 2001 года, устанавливающим требования к численности, организационной структуре и финансированию партий [3].

Конституция гарантирует права и свободы граждан в политической сфере: право избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, право участвовать в референдуме, право на объединение, свободу слова и печати, право на мирные собрания и демонстрации [7].

Политическая система Российской Федерации формировалась в условиях масштабных социально-экономических трансформаций 1990-х годов – распада Советского Союза, перехода от плановой экономики к рынку, становления новой государственности. Эти процессы оставили глубокий след в облике современной российской политической системы, предопределив как её достижения, так и накопившиеся проблемы [12].

Одной из ключевых особенностей российской политической системы является гиперпрезидентализм – значительная концентрация властных полномочий в руках Президента по сравнению с другими органами государственной власти [8]. Конституция 1993 года изначально создала президентскую систему с весьма широкими полномочиями главы государства, что было обусловлено историческими обстоятельствами её принятия – острым политическим кризисом 1993 года. Поправки к Конституции 2020 года расширили возможности Президента в части формирования Правительства и назначения руководителей силовых структур, укрепив тем самым президентскую доминанту российской политической системы [10].

Существенной проблемой российской политической системы является недостаточный уровень реальной независимости судебной власти. Конституционный принцип независимости судей формально закреплён в Конституции РФ, однако практика правоприменения свидетельствует о наличии ряда механизмов, снижающих фактическую независимость судов. К ним относятся: административное влияние на назначение и продвижение судей, зависимость судебного финансирования от исполнительной власти, практика «телефонного права» в ряде случаев. Без независимой судебной системы принцип правового государства и конституционные гарантии прав граждан утрачивают своё реальное содержание [5].

В сфере многопартийности и политической конкуренции российская политическая система также демонстрирует ряд проблем. Доминирование одной политической партии – «Единой России» – в Государственной Думе и большинстве региональных законодательных собраний ставит под сомнение реальную конкурентность политической системы. Законодательные барьеры для регистрации политических партий, ограничения деятельности оппозиционных политических сил, неравный доступ участников политической борьбы к средствам массовой информации – всё это ограничивает политический плюрализм, закреплённый в Конституции как один из основополагающих принципов [4].

Анализ проблем российской политической системы был бы неполным без учёта позитивных изменений и достижений. За годы постсоветского периода в России удалось сформировать устойчивые государственные институты, обеспечить политическую стабильность, проводить относительно регулярные выборы, создать правовую базу для деятельности политических партий и общественных объединений. Россия является ядерной державой и постоянным членом Совета Безопасности ООН, что придаёт её политической системе значительный международный вес [11].

Вопрос о перспективах развития политической системы России является дискуссионным в научной литературе. Ряд исследователей характеризует российскую политическую систему как «управляемую демократию» или «электоральный авторитаризм», полагая, что при формально демократических институтах реальная политическая конкуренция существенно ограничена. Другие авторы указывают на самобытность российской политической системы, обусловленную историческими, географическими и культурными особенностями страны, и настаивают на недопустимости механического перенесения западных демократических стандартов на российскую почву [1].

С точки зрения перспектив развития политической системы России в научной литературе выделяются несколько возможных направлений. Первое – демократизация, предполагающая повышение реальной политической конкуренции, независимости судебной системы, самостоятельности парламента, расширение пространства для гражданской активности. Второе – сохранение и воспроизводство существующей модели

управляемой политической системы с постепенной адаптацией отдельных институтов. Третье – усиление авторитарных тенденций в ответ на внутренние и внешние вызовы.

С точки зрения конституционного права, важнейшим условием позитивного развития политической системы России является неукоснительное соблюдение конституционных принципов – народовластия, разделения властей, федерализма, политического плюрализма, независимости судебной власти, гарантий прав и свобод граждан. Конституция содержит достаточный потенциал для развития демократической политической системы; вопрос состоит в воле и способности государства и общества реализовать этот потенциал на практике [6].

Выводы

Для совершенствования политической системы России представляется целесообразным: обеспечить реальную независимость судебной системы и последовательно бороться с коррупцией в судебном корпусе; создать условия для реальной политической конкуренции путём снижения барьеров для регистрации партий и участия в выборах; развивать институты гражданского общества, снимая избыточные ограничения на деятельность некоммерческих организаций; укреплять федеративные начала, расширяя реальную самостоятельность регионов в решении вопросов местного значения; повышать политическую культуру и правосознание граждан, стимулируя их активное участие в политической жизни [9].

Политическая система России находится в процессе продолжающегося развития. Геополитические вызовы, с которыми сталкивается страна в последние годы, вносят дополнительную динамику в этот процесс. Какой бы путь ни был избран в конечном счёте, теоретическое осмысление принципов и закономерностей функционирования политических систем сохраняет большое значение как для науки, так и для практики государственного строительства.

Список источников

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник. М.: Право, 2018. 244 с.
2. Заржетский К.А. Взаимодействие государства и политических партий // Молодой ученый. 2024. № 38. С. 109 – 111.
3. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов. 10-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2026. 528 с.
4. Любашиц В.Я. Государственная власть: понятие, особенности и виды // Известия высших учебных заведений. 2017. № 2. С. 64 – 69.
5. Малько А.В. Значение теории государства и права для современной юридической практики // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 14 – 20.
6. Мартынова Д.П. Государственная власть: понятие, признаки, методы осуществления // Моя профессиональная карьера. 2022. № 37. С. 127 – 133.
7. Матузов Н.И. Теория государства и права в системе юридических наук // Правоведение. 2023. № 5. С. 71 – 79.
8. Осиненко К.С. Роль государства в регулировании сферы общественного порядка и общественной безопасности // Молодой ученый. 2023. № 29. С. 174 – 177.
9. Растимешина Т.В., Качуренко Д.С. Законодательная и исполнительная ветви власти в системе разделения властей: социально-философские и административные аспекты // ЭСГИ. 2022. № 3. С. 136 – 149.
10. Самойлюк Р.Н. Понятие, признаки и сущность государственной власти // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. № 4. С. 11 – 26.
11. Червонюк В.И. Функции теории государства и права в современных условиях // Закон и право. 2024. № 2. С. 33 – 39.
12. Шайдуллин Э.Р. Функции // Молодой ученый. 2023. № 2. С. 358 – 359.

References

1. Abdullayev M.I. Theory of State and Law: textbook. Moscow: Pravo, 2018. 244 p.
2. Zarzhetsky K.A. Interaction of the State and Political Parties. Young Scientist. 2024. No. 38. P. 109 – 111.
3. Komarov S.A. General Theory of State and Law: textbook for universities. 10th ed., corrected and enlarged. Moscow: Yurait, 2026. 528 p.
4. Lyubashits V.Ya. State Power: Concept, Features, and Types. News of Higher Educational Institutions. 2017. No. 2. P. 64 – 69.

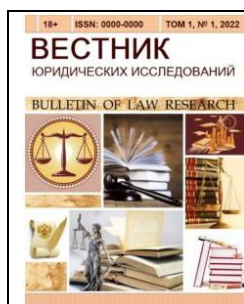
5. Malko A.V. The Importance of the Theory of State and Law for Modern Legal Practice. *Legal Science*. 2022. No. 9. P. 14 – 20.
6. Martynova D.P. State Power: Concept, Features, and Methods of Implementation. *My Professional Career*. 2022. No. 37. P. 127 – 133.
7. Matuzov N.I. Theory of State and Law in the System of Legal Sciences. *Jurisprudence*. 2023. No. 5. P. 71 – 79.
8. Osinenko K.S. The Role of the State in Regulating Public Order and Public Safety. *Young Scientist*. 2023. No. 29. P. 174 – 177.
9. Rastimeshina T.V., Kachurenko D.S. Legislative and Executive Branches of Government in the System of Separation of Powers: Social, Philosophical, and Administrative Aspects. *ESGI*. 2022. No. 3. P. 136 – 149.
10. Samoiluk R.N. Concept, Features, and Essence of State Power. *Science. Thought: Electronic Periodical Journal*. 2015. No. 4. P. 11 – 26.
11. Chervonyuk V.I. Functions of the Theory of State and Law in Modern Conditions. *Law and Right*. 2024. No. 2. P. 33 – 39.
12. Shaidullin E.R. Functions. *Young Scientist*. 2023. No. 2. P. 358 – 359.

Информация об авторах

Жуковский В.И., кандидат юридических наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-7176-0611>, Северо-Кавказский федеральный университет, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, kukyns@mail.ru

Довголюк Н.В., кандидат юридических наук, доцент, Ставропольский филиал Московского педагогического университета, 355042, г. Ставрополь, ул. Доваторцев, д. 66 Г, fktrf32@rambler.ru

© Жуковский В.И., Довголюк Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.1

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-111-116

Позитивизм и либеральные демократии: взгляд из аналитической доктрины

¹ Горбунов М.Д.,

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация: в статье рассматриваются аргументы аналитической правовой доктрины в пользу принятия правового позитивизма в качестве понимания права официальными лицами (судьями и чиновниками) в контексте либеральных демократий. Современный дискурс в рамках рассматриваемой доктрины традиционно концентрируется вокруг позитивистского и антипозитивистского понимания права в контексте ценностного наполнения современных правовых систем. Приводимые с обеих позиций аргументы не только отражают особенности внутренней полемики, но и демонстрируют альтернативную интерпретацию правового позитивизма, предлагая его совместимую с аксиологическим наполнением версию. Опираясь на концептуальные аргументы, аналитические позитивисты демонстрируют, что позитивистская концепция лучше согласуется с требованиями ценностного плюрализма и целостности правовой системы, при непринятии морального релятивизма. Материалы могут непосредственно служить теоретической базой для расширения методологии и рамок позитивистского правопонимания в России.

Ключевые слова: правовой позитивизм, юснатурализм, антипозитивизм, аналитическая юриспруденция, либеральная демократия, моральные разногласия, правовые принципы

Для цитирования: Горбунов М.Д. Позитивизм и либеральные демократии: взгляд из аналитической доктрины // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 111 – 116. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-111-116

Поступила в редакцию: 7 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Positivism and liberal democracies: a view from analytical doctrine

¹ Gorbunov M.D.,

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: this article examines the arguments of analytical legal doctrine in favor of adopting legal positivism as the understanding of law by officials (judges and civil servants) in the context of liberal democracies. Contemporary discourse within this doctrine traditionally centers on positivist and anti-positivist understandings of law within the context of the value-laden content of modern legal systems. The arguments advanced from both perspectives not only reflect the specifics of the internal debate but also demonstrate an alternative interpretation of legal positivism, offering a version compatible with its axiological content. Drawing on conceptual arguments, analytical positivists demonstrate that the positivist concept better aligns with the demands of value pluralism and the integrity of the legal system, while rejecting moral relativism. The materials can directly serve as a theoretical basis for expanding the methodology and framework of positivist legal understanding in Russia.

Keywords: legal positivism, jusnaturalism, anti-positivism, analytical jurisprudence, liberal democracy, moral disagreements, legal principles

For citation: Gorbunov M.D. Positivism and liberal democracies: a view from analytical doctrine. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 111 – 116. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-111-116

The article was submitted: June 7, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

В российской юридической науке правовой позитивизм традиционно отождествляется с его этатистской версией, связывающей понимание права с выражением воли государства в формальных нормах, исключая возможность моральной критики закона. Такое понимание в последние годы приобретает характер проблемного и критического осмысления, особенно в контексте требований Конституции РФ и фундаментальных принципов, положенных в основу российской правовой системы [1, с. 129-131; 2, с. 12-15]. Представляется возможным согласиться, что такое понимание существенно обедняет позитивистскую традицию и одновременно задает высокую актуальность методологического обновления и поиска альтернативных аргументов, расширяющих рамки позитивистского понимания права, делая его более совместимым с требованиями, предъявляемым к качеству современной правовой системы, особенно на уровне ее реализации в деятельности официальных лиц.

Подобные аргументы находят свое отражение в современной аналитической юриспруденции, системообразующей составляющей которой является объединяющая дискурс проблема соотношения права и морали. Аналитическая дискуссия, развернувшаяся вокруг нормативных аргументов в пользу правового позитивизма, и критических антипозитивистских тезисов дает новый взгляд на заявленную проблему, указывая на потенциальную совместимость ценностных оснований права и операционного позитивистского понимания судей, чиновников и других официальных лиц. Внутренняя логика этого альтернативного научного пространства заслуживает предметного критического рассмотрения, особенно в контексте обогащения отечественной догмы права.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составил ряд публикаций ключевых современных аналитических правоведов по проблематике аксиологии и онтологии права в контексте вопроса о разделении права и морали в современных демократических правовых системах, включая таких авторов, как Р. Дворкин, С. Шапиро, Ф. Джименез, Д. Постема и ряд других. Методологическую базу работы составил комплекс всеобщих, общенаучных и специальных методов познания, включая диалектический и сравнительный методы, общие логические приемы, а также специализированный аналитический метод концептуального анализа, необходимый для интерпретации взглядов на природу права и морали в рамках соответствующего дискурса.

Результаты и обсуждения

Аналитическая юриспруденция традиционно возводит вопрос о ценностном наполнении права, его связи с моральными аргументами на уровень онтологических оснований правовой системы как таковой. Если позитивисты утверждают, что право основано на социальных фактах, то антипозитивисты добавляют к ним моральные соображения, говоря о сложной связи социальных и моральных фактов в единой системе [4, р. 115-116].

В современной дискуссии в условиях нового политического нарратива правовых систем либеральных демократий позиции аналитического позитивизма значительно трансформировались и приняли форму следующего утверждения: «юридические факты необходимо и исключительно основаны на социальных фактах, что может требовать от правовых интерпретаторов [официальных лиц] ограниченного морального рассуждения» [14, р. 106-107]. Ключевое различие с антипозитивизмом проходит по линии понимания роли моральной аргументации в праве и того, насколько она обуславливает концептуальную необходимость включения морали в право. Такой поворот в интерпретации общего вопроса привел актуальную дискуссию к утверждению о признании позитивизма как предпочтительного операционного понимания права среди официальных лиц, принимаемого ими по моральным причинам [9, р. 360; 13, р. 61].

В основу своей позиции аналитические позитивисты помещают различие между фундаментальным и оперативным понятием права, которое позволяет выйти за пределы спора о разделении права и морали. Фундаментальное понятие – это то понятие, которое полностью охватывает истинную природу объекта. В свою очередь, оперативное понятие – это то, которое управляет дискурсивными и референтными практиками субъектов в конкретной области [9, р. 359].

В таком контексте вопрос о фундаментальном понятии права представляет собой вопрос о соответствии человеческих представлений и природой объекта. Именно по фундаментальному понятию правовые теории зашли в тупик, поскольку они имеют расхождение в характеристике права как общего института [12, р. 6]. Однако на уровне практического использования они в значительной степени сближаются, что позволяет перейти в область определения предпосылок практического принятия определенного варианта понимания права и того, что из себя это понимание представляет

Аналитические позитивисты утверждают, что позитивистская интерпретация наилучшим образом отражает реальную практику правовой системы, что обуславливает и ее моральную предпочтительность, приводя в свою защиту ряд значимых аргументов. Современное общество демонстрирует высокую степень плюрализма во взглядах индивидов на социальные ценности и понятия, в результате чего моральная истина никогда не является «в собственном обличье, но всегда в форме чьего-то спорного [взгляда]» [17, р. 111]. Классическая идея философии просвещения о насущной потребности человека избежать жестокой и бедной жизни по-прежнему остается «первым политическим вопросом» [18, р. 3]. Однако, несмотря на эти разногласия, общество нуждается в координации на уровне общих правил.

Правовой позитивизм с позиции его сторонников имеет здесь значимые преимущества, поскольку он не воспроизводит фундаментальные моральные и политические разногласия в контексте нормативных связей и, наоборот, облегчает «властное регулирование» [3, р. 11-25]. В результате изоляции сферы морального плюрализма и выведения его за скобки общей регуляции человеческого поведения позитивистское понимание позволяет праву выполнять координирующую функцию даже тогда, когда его содержание противоречит моральным взглядам конкретного индивида и даже официального лица [10, р. 108]. Принятие позитивизма судьями и чиновниками позволяет определить их задачу по применению права с общими институциональными рамками нормативной системы, которые исключают возможность принятия решений на основе неправовых личных моральных соображений. При этом такая установка продолжает приносить пользу даже когда судьи вынуждены прибегать к моральным аргументам в ситуации правовых пробелов, поскольку эта граница перехода явно подчеркивается правовым позитивизмом.

Аналитические позитивисты также находят в своей позиции поддержку современных либеральных демократий, избегая опасений ранних позитивистов о том, что судьи с помощью аргументов естественного права подорвут возможность управления через позитивное право [5, р. 361]. Позитивизм подчеркивает статус законодательной власти за счет ограничения власти судов по волюнтаристской интерпретации права. В итоге в демократическом режиме это дает больше контроля избранному законодателю в лице всенародного парламента. Как указывают аналитические позитивисты: «уважение к мажоритарному принятию решений переинтерпретируется как уважение в рамках правовой интерпретации к источникам, принятым через мажоритарный процесс» [16, р. 381]. В свою очередь антипозитивистская позиция фактически позволяет за счет признания свободной судебной интерпретации, не зависящей от позитивного права, преодолевать мнение законодателя и, соответственно, мнение большинства граждан [9, р. 372].

В итоге позитивисты строят свою аргументацию в пользу моральной добродетельности современного правового позитивизма на том, что он за счет своей ценностно-нейтральной установки получает иммунитет от деструктивного морализаторства и напоминает о том, что юридическая действительность полностью совместима с несправедливостью. Принятие правового позитивизма в определенной степени прививает должностным лицам скромность, поскольку они видят свою деятельность как нечто, что может быть дефектным на основе того долгого опыта мировой политико-правовой культуры, которая во многих вариациях демонстрировала подобные злоупотребления [16, р. 389]. В свою очередь антипозитивизм является привлекательным с точки зрения декларируемой интеграции ценностей, но фактически он способен скрывать несправедливость права, представляя его лучше, чем оно есть на самом деле, поскольку устраняет различие между правовым и неправовым [8, р. 170].

Ключевая антипозитивистская установка в аналитическом дискурсе опирается на понимание права как целостности, то есть «единого, связанного набора принципов, даже когда его граждане разделены в отношении справедливости» [7, р. 166]. Однако с позиции правового позитивизма такое понимание ведет к «протестантской юриспруденции», где каждое должностное лицо, обладающее полномочиями по интерпретации, может самостоятельно выявлять принципы, наилучшим образом оправдывающие правовую систему, что приводит к моральной фрагментации и релятивизирует право как единую нормативную систему [15, р. 828]. Альтернатива, которая могла бы обеспечить такое единство и одновременно поддержать моральный плюрализм может заключаться в осознанном сопротивлении самих должностных лиц попыткам определять содержание права через моральные требования [11, р. 20].

В таких обстоятельствах предпочтительность антипозитивистского подхода возможна только в крайне специфических обстоятельствах, когда одновременно «(1) чиновники как минимум столь же способны достигать морально правильных результатов, как и обычные граждане; (2) существует связанность относительно критериев моральной правильности; (3) иные институты с законотворческой властью менее восприимчивы к моральным взглядам граждан, чем судьи; (4) чиновники обладают относительно однородными моральными взглядами» [9, р. 377]. Очевидно, что совпадение этих условий настолько редко, что антипозитивистское понимание деятельности официальных лиц может быть отброшено как нереалистичное.

Другой антипозитивистский аргумент заключается в «односистемном воззрении» на право как разновидности морали [6, р. 117]. И он также критикуется со стороны аналитических позитивистов как практически бессмысленный, поскольку концептуально позитивистская установка на разделение права и морали может быть интерпретирована как разновидность ценностной позиции. Хотя односистемное воззрение прямо противоречит позитивистскому разделению права и морали, но оно не указывает, как как индивиды и чиновники должны концептуально понимать право. Вопрос о том, какое практически значимое понятие права следует принять должностным лицам, остается открытым и ответом на него может быть правовой позитивизм как вариант политической аргументации, опирающейся на разграничение правовых и моральных вопросов.

В пользу такой совместимости в аналитической доктрине выделяется сразу несколько аргументов: во-первых, судья или любое другое официальное лицо может полагать, что по моральным или иным другим причинам в своей деятельности он должен использовать позитивистское понимание права, несмотря на признание правоты антипозитивистской интерпретации; во-вторых, ценности современного права (обеспечение координации, уважение к свободе и демократии, нетерпимость к несправедливости) являются настолько общеизвестными, что полное отвержение было бы неоправданным само по себе; в-третьих, большинство должностных лиц различают позитивистские и антипозитивистские аргументы, но как должностные лица принимают те соображения, которые поддерживают их статус и формальные задачи, которые им предписываются системой; и наконец, в-четвертых, отождествление права и морали вынуждает интерпретировать правовой дискурс в более громоздких ценностных утверждениях, которые практически запутанны, что делает их неэффективными для практического использования [9, р. 380-385]. В итоге операционно официальные лица не только используют позитивистское понимание права, но и обращаются к нему как морально оправданному.

Выводы

Представляется возможным заключить, что современная дискуссия в рамках аналитической юриспруденции между позитивистами и антипозитивистами фактически во многом уходит в плоскость разногласий о политической морали и зависимости от нее позитивного права. Такая трансформация проблематики по сравнению с российским дискурсом обусловлена иными нарративными политическими рамками, которые образуют одновременно альтернативу и перспективу позитивистского ответа на решение проблемы трансляции универсальных и специфически демократических ценностей в правовую систему, влияние которых как минимум на уровне конституционного законодательства невозможно отрицать. Но даже если принять радикальные антипозитивистские выводы аналитической доктрины о том, что право представляет собой форму политической морали, то оно все равно сохраняет свой автономный характер и направленность на решение конкретных вопросов, к которым относятся и разногласия по поводу ценностей.

Аргументы, выявленные в ходе дискуссии между аналитическими правоведами, убедительно показывают, что для систем либеральных демократий правовой позитивизм предлагает политически предпочтительный вариант, который опирается на моральный плюрализм и делает несправедливость достаточно явной, чтобы сохранить моральную оценку права, но при этом еще и обеспечить целостность правовой системы. Действительно, здесь могут быть возражения против такой интерпретации базовых тезисов правового позитивизма со стороны представителей отечественной юридической доктрины, но подлинная ценность рассмотренной темы заключается в раскрытии альтернативной интерпретации фундаментальных проблем юридической теории и философии права, которые могут обогатить отечественную науку.

Список источников

1. Зеленко Б.И. Правовой этатизм в РФ: модернизационный контекст // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 8-10. С. 129 – 131.
2. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Интегральный характер современного российского нормативизма // Карельский научный журнал. 2015. № 1 (10). С. 12 – 15.

3. Alexander L., Sherwin E., *The Rule of Rules: Morality, Rules, and the Dilemmas of Law* Durhan: Duke University Press, 2001. 455 p.
4. Atiq E.H. Legal Obligation and Its Limits // *Law and Philosophy*. 2019. Vol. 38 (2). P. 109 – 147.
5. Chun M. The Anti-Democratic Origins of Analytical Jurisprudence // *Jurisprudence*. 2021. Vol. 12. (3). P. 361 – 390.
6. Dworkin R. *Justice for Hedgehogs*. Cambridge: Harvard University Press, 2011. 528 p.
7. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge: The Belknap Press, 1986. 470 p.
8. Dyzenhaus D. *Hard Cases in Wicked Legal Systems: Pathologies of Legality*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 336 p.
9. Jimenez F. Legal Positivism for Legal Officials // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. 2023. Vol. 36 (2). P. 359 – 386.
10. Kletzer C. *The Idea of a Pure Theory of Law: An Interpretation and Defence*. Bloomsbury: Hart Publishing, 2018. 156 p.
11. Kornhauser L.A. Law as an achievement of governance // *Journal of Legal Philosophy*. 2022. Vol. 47 (1). P. 1 – 23.
12. Lombrozo T., Knobe J., Nichols S., *Oxford Studies in Experimental Philosophy*, Vol 3. Oxford: Oxford University Press, 2020. 324 p.
13. Mindus P., Spaak T. *The Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge; Cambridge University Press, 2021. 600 p.
14. Plunkett D., Shapiro S.J., Toh K. *Dimensions of Normativity: New Essays on Metaethics and Jurisprudence*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 464 p.
15. Postema G.J. Integrity: Justice in Workclothes // *Iowa Law Review*. 1997. Vol. 82 (3). P. 821 – 855.
16. Shapiro S. *Legality*. Cambridge: The Belknap Press, 2011. 472 p.
17. Waldron J. *Law and Disagreement*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 344 p.
18. Williams B. *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 196 p.

References

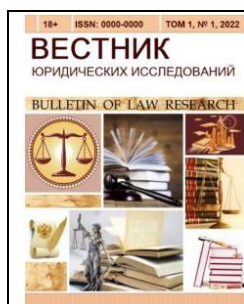
1. Zelenko B.I. Legal Statism in the Russian Federation: The Modernization Context. *Eurasian Union of Scientists*. 2014. No. 8-10. P. 129 – 131.
2. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. The Integral Character of Modern Russian Normativism. *Karelian Scientific Journal*. 2015. No. 1 (10). P. 12 – 15.
3. Alexander L., Sherwin E., *The Rule of Rules: Morality, Rules, and the Dilemmas of Law* Durhan: Duke University Press, 2001. 455 p.
4. Atiq E.H. Legal Obligation and Its Limits. *Law and Philosophy*. 2019. Vol. 38 (2). P. 109 – 147.
5. Chun M. The Anti-Democratic Origins of Analytical Jurisprudence. *Jurisprudence*. 2021. Vol. 12. (3). P. 361 – 390.
6. Dworkin R. *Justice for Hedgehogs*. Cambridge: Harvard University Press, 2011. 528 p.
7. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge: The Belknap Press, 1986. 470 p.
8. Dyzenhaus D. *Hard Cases in Wicked Legal Systems: Pathologies of Legality*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 336 p.
9. Jimenez F. Legal Positivism for Legal Officials. *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. 2023. Vol. 36(2). P. 359 – 386.
10. Kletzer C. *The Idea of a Pure Theory of Law: An Interpretation and Defense*. Bloomsbury: Hart Publishing, 2018. 156 p.
11. Kornhauser L.A. Law as an achievement of governance. *Journal of Legal Philosophy*. 2022. Vol. 47 (1). P. 1 – 23.
12. Lombrozo T., Knobe J., Nichols S., *Oxford Studies in Experimental Philosophy*, Vol 3. Oxford: Oxford University Press, 2020. 324 p.
13. Mindus P., Spaak T. *The Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge; Cambridge University Press, 2021. 600 p.
14. Plunkett D., Shapiro S.J., Toh K. *Dimensions of Normativity: New Essays on Metaethics and Jurisprudence*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 464 p.
15. Postema G.J. Integrity: Justice in Work Clothes. *Iowa Law Review*. 1997. Vol. 82(3). P. 821 – 855.
16. Shapiro S. *Legality*. Cambridge: The Belknap Press, 2011. 472 p.

17. Waldron J. Law and Disagreement. Oxford: Clarendon Press, 1999. 344 p.
18. Williams B. In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument. Princeton: Princeton University Press, 2005. 196 p.

Информация об авторе

Горбунов М.Д., кандидат юридических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, maхandgor@gmail.com, maximdmigorbunov@yandex.ru

© Горбунов М.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.7

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-117-121

Зарубежный конституционный опыт формализации воспитания личности

¹ Билык К.В.,

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: в условиях усиления внимания к вопросам духовно-нравственного становления личности в современном правовом государстве возрастает значимость конституционно-правовых основ воспитания. Актуальность темы обусловлена необходимостью выявления универсальных и национально-специфических подходов к формализации воспитания в конституционных актах зарубежных стран, что позволяет обогатить российскую доктрину и законодательную практику. Целью статьи является сравнительно-правовой анализ конституционных норм европейских государств и стран Содружества независимых государств, посвященных воспитанию личности. В ходе исследования установлено, что в большинстве конституций воспитание закреплено как совокупное право и обязанность родителей, при этом государство выступает гарантом поддержки семьи, обеспечения языкового и культурного разнообразия, а также защиты прав уязвимых категорий детей. Особое внимание уделено децентрализации компетенций в сфере воспитания и его интеграции в различные сферы политики – от молодежной до уголовно-исполнительной. Выявлены оригинальные конституционные нормы, связывающие воспитание с профессиональной этикой, борьбой с социальными пороками и признанием особой роли педагога. Обоснован вывод о том, что воспитание в зарубежных конституциях выступает публично-значимой функцией государства, реализуемой на различных уровнях власти.

Ключевые слова: воспитание личности, государство, язык воспитания, субъективные права, обязанность, родители, семья

Для цитирования: Билык К.В. Зарубежный конституционный опыт формализации воспитания личности // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 117 – 121. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-117-121

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Foreign constitutional experience of formalization of personality education

¹ Bilyk K.V.,

¹ Belgorod State National Research University

Abstract: in the context of increased attention to the issues of spiritual and moral development of the individual in a modern legal state, the importance of the constitutional and legal foundations of education is growing. The relevance of this topic is due to the need to identify universal and national-specific approaches to the formalization of education in the constitutional acts of foreign countries, which allows us to enrich the Russian doctrine and legislative practice. The purpose of this article is to conduct a comparative legal analysis of the constitutional norms of European countries and the Commonwealth of Independent States regarding the education of the individual. The study found that most constitutions enshrine education as a collective right and duty of

parents, with the state acting as a guarantor of family support, ensuring linguistic and cultural diversity, and protecting the rights of vulnerable children. Special attention is given to the decentralization of education competencies and their integration into various policy areas, from youth policy to penal policy. The study identified original constitutional norms that link education to professional ethics, the fight against social vices, and the recognition of the special role of educators. The conclusion is substantiated that education in foreign constitutions is a publicly significant function of the state, implemented at various levels of government.

Keywords: personal education, the state, the language of education, subjective rights, duties, parents, family

For citation: Bilyk K.V. Foreign constitutional experience of formalization of personality education. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 117 – 121. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-117-121

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 6, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

В условиях трансформации ценностных основ [3, 9] современного общества и усиления внимания к вопросам духовно-нравственного становления личности [4] возрастает роль государства как гаранта устойчивого воспитательного процесса [1, 2, 7, 8].

Воспитание личности представляет собой комплексный междисциплинарный феномен, имеющий стратегическое значение для государства. На современном этапе оно понимается как целенаправленный, систематический процесс формирования высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, способной к созидательной деятельности и защите Родины (что закреплено в стратегических документах).

Воспитание личности, будучи ключевым элементом социального развития, все чаще выходит за рамки исключительно семейной или образовательной сферы и приобретает статус конституционно значимой категории [5, 6, 10]. В этой связи особую научную и практическую ценность представляет анализ того, как зарубежные правовые системы формализуют воспитание на уровне высших учредительных актов. Целью настоящей статьи является сравнительно-правовой анализ конституционных норм европейских государств и стран СНГ, посвященных воспитанию личности.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили конституции 37 государств Европы и СНГ, а также доктринальные источники. Методологическую основу составили сравнительно-правовой и формально-юридический методы, что позволило выявить универсальные и национально-специфические подходы к формализации воспитания в конституционном праве зарубежных стран.

Анализ конституционных текстов позволил выделить несколько устойчивых моделей формализации воспитания: закрепление воспитания как права и обязанности родителей, как долга, как права на выбор воспитания, а также как предмета государственных гарантий. Рассмотрим их последовательно.

Результаты и обсуждения

Итак, в конституциях Бельгии, Боснии и Герцеговины, Дании, Исландии, Латвии, Люксембурга, Монако, Нидерландов, Польши, Финляндии и Франции искомые нормы не установлены.

В числе типичных конституционных формулировок выявлены следующие.

Воспитание детей как право и обязанность в Азербайджане (ч. IV ст. 34), Армении (ч. 1 ст. 36), Беларуси (ст. 32), Болгарии (ч. 1 ст. 47), Германии (ч. 2 ст. 6), Италии (ст. 30), Ирландии (ч. 1 ст. 42), Казахстане (ч. 2 ст. 27), Киргизии (ч. 2 ст. 26), Литве (ст. 38), Португалии (ч.ч. 3, 5 ст. 36), Северной Македонии (ст. 40, ч. 1 ст. 44), Словении (ст. 54), Туркмении (ст. 40), Хорватии (ст. 63) и Эстонии (ст. 27).

При этом, такие права и обязанности родителей распространяются на детей до их совершеннолетия в Болгарии (ч. 1 ст. 47) и на детей, рожденных вне брака в Италии (ст. 30); сведены к «воспитанию своих детей честными людьми и преданными гражданами» в Литве (ст. 38).

Единственная конституционная норма Словакии указала, что воспитание детей является правом родителей (ч. 4 ст. 41). Аналогична норма ч. 4 ст. 32 Конституции Чехии, дополненная тем, что «дети имеют право на родительское воспитание». Рассматривая соответствующее право в Северной Македонии, следует конституционный акцент на «воспитании несовершеннолетних, за которых несут ответственность» (ч. 6 ст.

29). В сопряжении с ответственностью построена ст. 34 Конституции Таджикистана: «Родители ответственны за воспитание и обучение детей».

Воспитание детей в качестве долга формализовано в Конституции Азербайджана (ч. II ст. 17). При этом «государство осуществляет контроль за выполнением этого долга» (ч. II ст. 17). Статья 77 Конституции Узбекистана вместо категории «долг» содержит категорию «обязанность»: «Родители и заменяющие их лица обязаны ... заботиться воспитании детей».

В рассматриваемой группе конституций распространены нормы о праве родителей на выбор воспитания. Так, в Конституции Венгрии отражено, что «родители имеют право выбирать воспитание для своих детей» (ч. 3 ст. XV).

Интересен подход в Испании, когда «публичные власти гарантируют родителям право помощи в избрании ими для своих детей религиозного и морального воспитания в соответствии с их собственными убеждениями» (ч. 3 ст. 27).

В силу специфики статуса религии в государстве § 2 Конституции Мальты предписывает исповедующим евангелическо-лютеранскую религию жителям, обязанность воспитывать в ней своих детей.

На наш взгляд, важны конституционные нормы, определяющие приоритет воспитания детей в семье. Такие нормы нами выявлены в конституциях Беларуси и Ирландии. В ст. 32 Конституции Беларуси отражено обеспечение государством приоритета воспитания детей в семье. На основании ч. 1 ст. 42 Конституции Ирландии «Государство подтверждает, что первым и естественным воспитателем ребенка является Семья, и гарантирует уважение к неотъемлемому праву и обязанности родителей воспитание».

Далее отметим блок норм, согласно которым воспитание сопрягают с родным языком. Такие нормы установлены в конституциях стран СНГ. В частности, в Конституции Азербайджана закреплено право получить воспитание на любом языке по своему желанию (ч. I ст. 45). В ст. 50 Конституции Беларуси «Государство гарантирует в соответствии с законом свободу выбора языка воспитания и обучения». Согласно ч. 2 ст. 19 Конституции Казахстана «каждый имеет право на свободный выбор языка ... воспитания». На основании ч. 2 ст. 35 Конституции Молдовы «Государство обеспечивает в соответствии с законом право лица на выбор языка воспитания и обучения».

Особенно отметим ст. 64 Конституции Словении, в соответствии с которой «представители автохтонных итальянского и венгерского национальных сообществ имеют право на воспитание и образование на родном языке, а также на организацию и развитие такого воспитания и образования».

В контексте субъективных прав и свобод надлежит отметить, что надзор за несовершеннолетним в целях его образования и воспитания является одним из оснований ограничения свободы личности, что подтверждает публично-правовое значение воспитания как основания для ограничений (п. «d» ч. 2 ст. 27 Конституции Албании, п. 5 ч. 1 ст. 27 Конституции Армении, ч. 1 ст. 34 Конституции Мальты).

Многочисленны конституционные нормы, формализующие государственные гарантии по вопросам воспитания.

Например, в Конституции Болгарии отмечено, что «государство оказывает помощь родителям в воспитании детей» (ч. 1 ст. 47). О создании условий со стороны государства речь идет в конституциях Киргизии (ч. 3 ст. 20), Литвы (ст. 39), Португалии (ч. 1 ст. 68).

В конституциях стран СНГ государственно-гарантирующие нормы предусмотрены для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (в Киргизии ч. 4 ст. 2, в Молдове ч. 3 ст. 49, в ст. 34 Таджикистана, в ст. 77 Узбекистана).

Вопросы воспитания конституционно отражены как предметы ведения различных уровней власти в государстве. В частности, согласно ст. 17 Конституции Австрии «Государству принадлежит право высшего руководства и надзора в отношении всего дела преподавания и воспитания». При этом законодательство и исполнительная деятельность в области воспитания в школах-интернатах и студенческих общежитиях отнесены к ведению Федерации (ч. 1 ст. 14), а «федеральное управление в области воспитания в школах-интернатах отнесено к компетенции соответствующего федерального министра» (ч. 1 ст. 81a).

В Греции и Лихтенштейна конституционно обозначена роль государства в вопросах воспитания (ч. 2 ст. 17 и ст. 15 соответственно).

Ряд конституций делает акцент на различных уровнях или видах воспитания (ч. 3 ст. 43 Конституции Испании и пп. Г ч. 2 ст. 66, п.п. с ч. 2 ст. 67 Конституции Португалии). Что касается уровней, то, к примеру, согласно п.п. б ч. 2 ст. 74 Конституции Португалии «государство обязано создать государственную систему и развивать общую систему дошкольного воспитания».

По отраслям воспитания можно привести конституционные примеры Испании и Португалии.

Уровень местного самоуправления отражен в Конституции Северной Македонии (ст.ст. 115, 117).

Считаем целесообразным привести примеры конституционных норм об учреждениях воспитания. Так, согласно ст. 17 Конституции Австрии «каждый гражданин вправе основать воспитательные учреждения и вести в них преподавание, если его пригодность к этому подтверждена в предусмотренном законом порядке».

Отметим, что в конституциях Испании и Италии формализовано перевоспитание как одна из целей лишения свободы и иных мер социальной защиты (ч. 2 ст. 25) или наказания (ст. 27) соответственно.

Выводы

Подводя итоги осуществленного сравнительно-правового исследования, представим его ключевые выводы.

Воспитание личности в конституционных актах зарубежных стран формализовано преимущественно как право и обязанность родителей.

Конституционные нормы часто дополняются гарантиями со стороны государства: материальная поддержка семей, создание условий для всестороннего развития детей, обеспечение прав детей-сирот и лиц, оставшихся без попечения родителей. Это свидетельствует о социально-ответственной модели государства, в которой воспитание рассматривается как совместная задача семьи и публичной власти.

В рассмотренной группе конституций широко признается право родителей на выбор формы, содержания и языка воспитания, включая религиозное, нравственное, интеллектуальное и физическое направления. Особенно ярко это выражено в конституциях европейских стран (Ирландия, Испания, Литва и Португалия).

Языковой аспект воспитания более характерен для конституций стран СНГ и некоторых европейских государств с национальными меньшинствами (Словения), что отражает стремление обеспечить культурную идентичность через воспитательный процесс.

Установлено, что воспитание включено в предметы ведения различных уровней власти – от федерального (Австрия, Швейцария) до местного самоуправления (Северная Македония). Полагаем, это указывает на децентрализованный подход к управлению воспитательными процессами.

Отдельные конституции содержат оригинальные нормы, связывающие воспитание с профессиональной этикой (Мальта), борьбой с социальными пороками (Лихтенштейн) или признанием особой роли педагога (Узбекистан), что демонстрирует многофункциональность воспитательной функции в правовом пространстве.

Следует отметить, что в рамках авторской типологии конституционного регулирования воспитания личности рассмотренная группа стран относится к семейно-центричному типу (воспитание формализуется преимущественно как естественное право и обязанность родителей, при этом государство выполняет субсидиарную (вспомогательную и гарантирующую) роль. Приоритет семейного воспитания может быть прямо закреплен в конституции).

Список источников

1. Адаева О.В. Вопросы нормативного регулирования правового воспитания в России // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 309 – 310.
2. Андреева О.А. Правовое обеспечение доступности услуг в сфере образования для детей-инвалидов // Социальное и пенсионное право. 2016. № 1. С. 13 – 16.
3. Ахмедов А.Я., Толочкова И.А. Препятствование получению образования как основание привлечения к семейно-правовой ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 125 – 134.
4. Байлук В.В. Воспитание и самовоспитание // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 156 – 159.
5. Баранов П.П., Русских В.В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1999. 80 с.
6. Вилачева М.Н. Дискуссионные аспекты присмотра и ухода за ребенком в юридической конструкции конституционного права на дошкольное образование // Административное и муниципальное право. 2024. № 4. С. 71 – 94.
7. Волкова Н.С. Воспитание как государственно значимая деятельность: правовые аспекты // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 26 – 37.
8. Гунибский М.Ш. Инновационные и интерактивные методы в процессе правового воспитания // Юридический мир. 2014. № 4. С. 40 – 44.

9. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 67 – 74.

10. Каягин А.Б. Государственно-правовая идеология и правовое воспитание: взаимосвязь и взаимообусловленность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 4. С. 99 – 104.

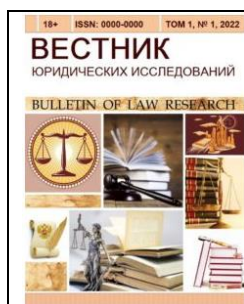
References

1. Adaeva O.V. Issues of Normative Regulation of Legal Education in Russia. Gaps in Russian Legislation. 2017. No. 3. P. 309 – 310.
2. Andreeva O.A. Legal Support for the Accessibility of Educational Services for Children with Disabilities. Social and Pension Law. 2016. No. 1. P. 13 – 16.
3. Akhmedov A.Ya., Tolochkova I.A. Obstacles to Obtaining Education as a Ground for Bringing to Family Law Liability. Legal Policy and Legal Life. 2021. No. 3. P. 125 – 134.
4. Bayluk V.V. Education and Self-Education. Pedagogical Education in Russia. 2014. No. 1. P. 156 – 159.
5. Baranov P.P., Russkikh V.V. Actual Problems of the Theory of Legal Awareness, Legal Culture, and Legal Education. Rostov-on-Don: SKAGS Publishing House, 1999. 80 p.
6. Vilacheva M.N. Controversial Aspects of Child Care and Supervision in the Legal Construction of the Constitutional Right to Preschool Education. Administrative and Municipal Law. 2024. No. 4. P. 71 – 94.
7. Volkova N.S. Education as a State-Significant Activity: Legal Aspects. Journal of Russian Law. 2023. No. 11. P. 26 – 37.
8. Gunibsky M.Sh. Innovative and Interactive Methods in the Process of Legal Education. Legal World. 2014. No. 4. P. 40 – 44.
9. Eliseeva A.A. Family and Family Values: Approaches to Understanding in the Context of Modern Law. Current Problems of Russian Law. 2022. No. 3. P. 67 – 74.
10. Kayagin A.B. State-Legal Ideology and Legal Education: Interrelationship and Interdependence. Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2022. Vol. 22. No. 4. P. 99 – 104.

Информация об авторе

Билык К.В., аспирант, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, 1890686@bsuedu.ru

© Билык К.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.11

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-122-129

Влияние искусственного интеллекта на правосознание и правовую культуру

¹ Дарда А.В.,

¹ Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация: в статье исследуется двойственное влияние искусственного интеллекта (далее ИИ), прежде всего генеративного, на правосознание граждан и юристов и на правовую культуру общества. Автор исходит из того, что характер этого влияния определяется не свойствами технологии, а тем, сохраняется ли за человеком окончательное правовое суждение. На материале судебной практики (дела State v. Loomis и Mata v. Avianca), эмпирических исследований надёжности юридических ИИ-инструментов и российских и международных нормативных источников (Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года, Кодекс этики в сфере ИИ, Регламент ЕС об ИИ 2024 года, законопроект № 1271570-8 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации») раскрываются механизмы трансформации восприятия права, риски алгоритмической предвзятости, непрозрачности решений, «галлюцинаций» нейросетей и алгоритмического нигилизма, а также позитивный потенциал ИИ. Предлагается комплекс мер по снижению этих рисков в виде формирования этико-правовых стандартов, перестройки юридического образования и просветительская работа с населением. Автор приходит к выводу о том, что в сфере оказания юридических услуг применение ИИ позволит максимально снизить стоимость и обеспечить их доступность, посредством применения интеллектуальной автоматизации при выполнении юристом своих действий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосознание, правовая культура, генеративный ИИ, алгоритмическая предвзятость, объяснимость, галлюцинации нейросетей, цифровизация права, профессия юриста

Для цитирования: Дарда А.В. Влияние искусственного интеллекта на правосознание и правовую культуру // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 122 – 129. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-122-129

Поступила в редакцию: 9 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

The influence of artificial intelligence on legal awareness and legal culture

¹ Darda A.V.,

¹ North Caucasus branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: the article examines the dual influence of artificial intelligence (AI), primarily generative, on the legal awareness of citizens and lawyers and on the legal culture of society. The author proceeds from the fact that the nature of this influence is determined not by the properties of technology, but by whether a person retains the final legal judgment. Based on judicial practice (cases of State v. Loomis and Mata v. Avianca), empirical studies on the reliability of legal AI tools and Russian and international regulatory sources (National Strategy for the Development of AI until 2030, Code of Ethics in the field of AI, EU Regulation on AI 2024, draft law No.

1271570-8 "On support for the development of artificial intelligence technologies in the Russian Federation") reveal the mechanisms of transformation of the perception of law, risks algorithmic bias, opacity of solutions, "hallucinations" of neural networks and algorithmic nihilism, as well as the positive potential of AI. A set of measures is proposed to reduce these risks in the form of the formation of ethical and legal standards, the restructuring of legal education and educational work with the public. The author comes to the conclusion that in the field of legal services, the use of AI will maximize cost reduction and ensure their accessibility through the use of intelligent automation when a lawyer performs his actions.

Keywords: artificial intelligence, legal awareness, legal culture, generative AI, algorithmic bias, explainability, hallucinations of neural networks, digitalization of law, legal profession

For citation: Darda A.V. The influence of artificial intelligence on legal awareness and legal culture. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 122 – 129. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-122-129

The article was submitted: June 9, 2026; Approved after reviewing: July 7, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

В современном мире весьма активно и повсеместно развиваются и внедряются современные цифровые технологии. Именно они являются ответом на вызовы стоящие перед обществом и одновременно с этим драйвером, оказывающим огромное влияние на юридическую деятельность. Одним из важных аспектов воздействия технологий является правосознание и правовая культура. Реализуемые технологии искусственного интеллекта (далее ИИ) стали весьма популярными и в своем воздействии могут иметь как позитивные последствия, так и сопряженные с риском. Технологии искусственного интеллекта могут оказать государству серьезную помощь в вопросе повышения правосознания и правовой культуры граждан посредством предоставления новых возможностей, способных улучшить всю правовую систему в целом.

Технологии искусственного интеллекта меняют не столько состав профессии, сколько то, как профессиональные юристы и обычные граждане думают о праве. Именно это смещение в правовом мышлении, а не автоматизация сама по себе, является предметом настоящей статьи.

Целью исследования является влияние искусственного интеллекта на процесс осуществления юридической деятельности через правосознание и правовую культуру, а также выявление потенциальных рисков, которые могут возникнуть при использовании технологий ИИ в юридической деятельности.

Материалы и методы исследований

Научная обоснованность данного исследования формируется посредством комплексного использования современных научных публикаций и исследований.

Методология данного исследования включает такие методы как формально-юридический, логический, функциональный, прогностический и системный метод анализа.

Результаты и обсуждения

Правосознание и правовая культура давно признаны отечественной теорией права системообразующими элементами правовой системы. Именно они связывают формально действующие нормы с реальным поведением людей, определяют уважение к закону и готовность ему следовать. Любая крупная перемена в информационной среде отзывается на этих элементах, а появление общедоступных генеративных моделей стало именно такой переменной. Меняются условия в которых складывается правовое сознание рядового гражданина и профессионала.

Показательна отправная точка, на первый взгляд, неожиданная для технической стратегии. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 в редакции Указа от 15 февраля 2024 года № 124, закрепляет целевым показателем рост доверия граждан к ИИ не менее чем до 80 процентов [1]. Государство измеряет не только вычислительные мощности и объём рынка, но и доверие – категорию, лежащую в самой основе правосознания. Уже это указывает, что внедрение ИИ затрагивает ценностно-психологический слой правовой системы, а не только её инфраструктуру.

Основной тезис данной статьи сводится к тому, что влияние ИИ на правосознание и правовую культуру двойственно и определяется оно не самой технологией, а тем, сохраняется ли за человеком правовое суждение. В случае, когда ИИ остаётся инструментом под контролем юриста, он расширяет доступ к праву и укрепляет правовую культуру. Там, где он подменяет суждение, происходит ее деформация. Проверяется

этот тезис на материале профессионального правосознания юристов и практики генеративного ИИ, где цена ошибки видна отчётливее всего. Отдельная сложность в том, что технологии развиваются быстрее, чем право и этика успевают их осмыслить, поэтому регулирование и профессиональные стандарты вынуждены догонять то, что уже случилось.

Чтобы говорить о влиянии ИИ предметно, нужно условиться о понятиях. Правосознание в настоящей работе понимается согласно И.А. Ильина как духовно-нравственная основа права, а не просто сумма знаний о законе [7, с. 17]. Эта трактовка выбрана сознательно, поскольку она позволяет увидеть то, что ускользает от информационного взгляда. Если сводить правосознание к осведомлённости, приход ИИ выглядит однозначным благом, потому что узнать о своих правах стало проще. Но как только мы возвращаем в правосознание оценочный и волевой пласт – отношение к праву, готовность ему следовать, то сразу картина усложняется, и как раз здесь возникают самые интересные вопросы.

В структуре правосознания принято различать три слоя: знание права, отношение к нему и готовность действовать правомерно. Современная теория дополняет это разграничением правовой идеологии и правовой психологии, а по субъекту – обыденного, профессионального и научного правосознания [8, с. 371]. Разграничение не академическая формальность, поскольку ИИ воздействует на каждый слой по-своему. Он щедро наполняет первый слой (знание) и в тоже самое время способен подорвать третий (готовность действовать правомерно), ослабляя чувство личной ответственности.

Правовая культура представляет собой весьма широкую категорию. Она охватывает не только состояние умов, но и качество законов, работу правоприменения, уровень юридической науки и образования, состояние законности. Если правосознание – это то, как человек относится к праву, то правовая культура – это овеществлённый итог правовой жизни, мера зрелости всей системы. Связь того и другого с технологиями всё чаще описывают через понятие цифровой правовой культуры. Исследователи отмечают, что цифровая среда особенно заметно перестраивает правовые представления молодёжи, чьё правосознание с самого начала формируется онлайн [11, с. 244]. ИИ в этом смысле выступает как не очередной инструмент, а фактор, меняющий саму эпистемологию права, то есть то, как люди узнают о правах, оценивают справедливость и принимают решения. Комплексный цивилистический анализ показывает, что привычные правовые механизмы для осмысления этих сдвигов часто оказываются коротки, и это подталкивает доктрину к поиску новых подходов [6, с. 12].

В результате повсеместного применения ИИ произошло серьёзное изменение, проявившееся в том, что юридическая помощь перестала быть привилегией. Ещё недавно, чтобы разобраться в договоре или понять свои права, человек шёл к юристу и платил за это. Сегодня он открывает чат-бота и через несколько секунд получает разъяснение. Порог доступа к праву резко упал и это само по себе хорошо, потому что люди стали больше знать о своих правах и активнее ими интересоваться.

Но у данной доступности имеется нюанс, проявляющийся в том, что сформулированный ответ нейросети создаёт ощущение полного понимания вопроса, однако за ним могут скрываться исключения, оговорки, региональная специфика и свежая практика, которых модель не назвала. Человек чувствует себя компетентным ровно настолько, насколько уверенно прозвучал ответ, а не настолько, насколько глубоко он разобрался. Этот разрыв между ощущением и реальным пониманием является серьёзным риском, поскольку на его основе принимаются ошибочные решения, за которыми нередко следует разочарование в праве.

За последнее время серьёзно трансформировалась и сама привычка узнавать право. Раньше для познания права, как правило, изучали первоисточник и соответствующую правоприменительную практику. Сейчас же всё чаще довольствуются пересказом, который модель собрала по вероятностным закономерностям, не заглядывая в закон. Иногда это втягивает человека в правовую жизнь, а иногда оставляет его с обрывочной, поверхностной картиной, которая лишь выглядит знанием.

Отдельного внимания заслуживают алгоритмы, предсказывающие исход дела по массиву прежних решений, так называемое предиктивное правосудие. Они делают право предсказуемое и это плюс, но у предсказуемости есть тень. Когда исход выводится из усреднённых закономерностей, право начинает восприниматься как ставка, в основе которой лежит усредненная статистика. Однако правосудие основывается на индивидуальном рассмотрении и внутреннем убеждении судьи. Прогноз способен незаметно вытеснить это убеждение из картины мира участника спора, благодаря чему одних он подталкивает к завышенным ожиданиям, а других провоцирует к преждевременному отказу от защиты, если алгоритм оценил их шансы как слабые.

Важным аспектом данного исследования являются изменения, происходящие в профессиональном правосознании юристов под воздействием ИИ. Автоматизация рутины позволяет освободить время за счет

поиска практики, первичного разбора документов, их типовых текстов, что позволяет заняться содержательной работой. Данная ситуация весьма коварна, поскольку делегированная работа способствует постепенной утрате данных навыков у человека. Если юрист раз за разом отдаёт алгоритму возможность по самостоятельному толкованию или выстраиванию аргументации по делу, т.е. то, что составляет суть юридической профессии, то эти способности притупляются. Профессиональное правосознание рискует свестись к умению задать запрос модели и принять её ответ, не подвергнув сомнению.

С генеративным ИИ проблема обстоит еще острее, потому что даже специализированные юридические сервисы, построенные на технологии дополненной генерации (RAG), достаточно часто выдают недостоверную информацию позволяя себе определенную «галлюцинацию». Исследование Стэнфордского университета 2024 года показало, что коммерческие юридические инструменты ошибаются примерно в 17-33 процентах запросов, а универсальные модели уровня GPT-4 без специальной надстройки около 43 процентов [14]. Исходя из этих данных можно сделать неутешительный вывод о том, что генеративный ИИ сегодня не источник правовых знаний, а черновик, который обязан проверять человек.

Реакцией профессионального сообщества в Америке на подобные проявления стало принятие в 2024 году Американской ассоциацией юристов первого официального разъяснения об использовании генеративного ИИ (Formal Opinion 512), в котором закреплено, что обязанности компетентности, конфиденциальности и добросовестности с юриста никуда не снимаются, чем бы он ни пользовался [5]. Смысл данного разъяснения сводится к тому, что ответственность за результат остаётся на человеке, а ИИ так и остаётся подручным средством. Именно эта установка удерживает профессиональное правосознание от размывания.

Не менее серьезное воздействие ИИ оказывает на правовую культуру. Поскольку ИИ обучается на основании имеющихся данных, он неминуемо отражает в своем содержании отпечатки прошлого со всеми особенностями. Обученная на исторических массивах модель не просто повторяет прежнее неравенство, она придаёт ему вид математической объективности, и именно это делает её предвзятость особенно опасной. Возразить «беспристрастному расчёту» психологически труднее, чем живому человеку. Отечественные исследователи выделяют предвзятость алгоритмов в самостоятельную этико-правовую проблему, требующую и доктринального, и нормативного ответа [10, с. 490]. Постепенно под ударом оказываются такие базовые категории правовой культуры как равенство и недискриминация.

Весьма показательным примером послужит система оценки риска рецидива COMPAS в судах США. Расследование ProPublica показало, что алгоритм вдвое чаще ошибочно записывал темнокожих обвиняемых в группу высокого риска по сравнению с белыми [15]. Инструмент, задуманный как нейтральный, на деле воспроизводил системную несправедливость и тем самым подрывал доверие к правосудию.

Многие современные модели работают по принципу «чёрного ящика», поскольку полученный результат порой не могут объяснить сами разработчики. Для права данная ситуация недопустима и является прямым вызовом поскольку правовое решение обязано быть мотивированным и проверяемым. Дело *State v. Loomis*, рассмотренное Верховным судом штата Висконсин в 2016 году, обнажило эту коллизию. Осуждённый оспаривал использование при назначении наказания закрытого алгоритма COMPAS, методика которого была коммерческой тайной и не поддавалась проверке защитой. Суд допустил такое использование со строгими оговорками относительно того, что балл алгоритма не может быть определяющим, а к материалам обязано прилагаться письменное предупреждение о его ограничениях, включая опору на групповые данные и невозможность проверить методику [12]. Верховный суд США пересматривать дело отказался. *Loomis* стал символом столкновения непрозрачности ИИ с правом на надлежащую процедуру.

Требование прозрачности звучит и в мягком праве, и в международном регулировании. Российский Кодекс этики в сфере ИИ 2021 года ставит во главу угла благополучие человека, недопущение дискриминации, прозрачность и объяснимость систем [2]. Регламент Европейского союза об ИИ 2024 года (Regulation (EU) 2024/1689) относит системы правосудия к высокорисковым и предъявляет к ним повышенные требования в виде прозрачности, документирования и человеческого надзора [3]. Из чего можно сделать вывод о том, что непрозрачность здесь не техническая мелочь, а угроза правам человека и правовой культуре.

Есть угроза ещё коварнее проявляющаяся в способности генеративных моделей уверенно сочинять то, чего нет на самом деле в виде несуществующих прецедентов, выдуманных норм или фальшивых цитат. Показательно дело *Mata v. Avianca* (Южный окружной суд Нью-Йорка, 2023 год). Представители истца подали документ, подготовленный с помощью ChatGPT, со ссылками на шесть полностью выдуманных судебных решений с вымышленными цитатами и реквизитами, приписанными реальным судьям. Суд оштрафовал юристов на 5 000 долларов и обязал их письменно уведомить каждого судью, чьё имя было

ложно поставлено под фиктивным решением [13]. Важная деталь по данному делу заключалась в том, что наказание последовало не за использование ИИ как такового, а за то, что его результат не проверили и потом ещё и отстаивали.

Подобные проявления, к сожалению, не единичны. Исследователь Д. Шарлотен, ведущий систематический учёт подобных инцидентов, зафиксировал рост с 36 дел в 2024 году до 48 в 2025-м и счёт продолжает расти [16]. Массовость говорит сама за себя и эти «галлюцинации» не досадный сбой, а системное свойство генеративных моделей. При некритичном обращении оно засоряет судопроизводство ложными ссылками, вводит в заблуждение участников процесса и в конечном счёте снижает уважение к закону.

Если собрать выявленные угрозы вместе, вырисовывается несколько основных вызовов для правовой системы.

Первый вызов проявляется в подмене суждения расчетом и представляет собой тихое постепенное вытеснение человеческого правового суждения автоматическим. Нарушается базовый постулат, согласно которому правосудие основывается на независимости суда и внутреннем убеждении судьи, рождённом из непосредственного исследования доказательств. Стоит отдать оценку алгоритму пусть даже под видом «рекомендации», и он способен фактически предрешить исход. Loomis показал, как тонка грань между вспомогательным инструментом и скрытым определяющим фактором.

Второй вызов проявляется в отсутствии четкого понимания по вопросу ответственности в случае причинения вреда при алгоритмическом прогнозе. В зоне «риска» находятся разработчик, оператор и правоприменитель. Ответственность размывается между ними, а непрозрачность модели мешает установить причину и вину, а само право перестает восприниматься как самостоятельная ценность и сводится к результату вычислений, что способствует утрате уважения к закону.

Третий вызов кроется в существенном ослаблении личной ответственности, поскольку граждане и профессиональные юристы, к сожалению, видят в ИИ последнюю инстанцию и их чувство личной ответственности за соблюдение закона слабеет посредством мыслительного переноса ответственности на «машину». Поскольку право существует как регулятор осознанного человеческого поведения, то подобная ситуация является роковой.

И конечно же существенным вызовом является ситуация с цифровым неравенством, проявляющаяся в разном уровне доступа к ИИ-сервисам и цифровой грамотности. Результатом подобной ситуации является усиливающийся разрыв в правовой осведомлённости между социальными группами. Технология, способная сделать право доступнее для всех, может, наоборот, углубить неравенство, если её распространение не подкрепить мерами равного доступа.

Параллельно с обозначенными вызовами существуют и положительные явления, проявляющиеся в огромном созидательном потенциале для правовой культуры. Прежде всего он делает правовую помощь доступнее для тех, кому она раньше была не по карману. Сервис, способный разъяснить право, помочь составить обращение или оценить перспективы дела, отчасти закрывает вечный дефицит бесплатной квалифицированной помощи и снижает барьеры на пути к правосудию. А это уже прямая работа на принцип равенства перед законом.

Нравне с созиданием активно происходит и правовое просвещение. Интерактивные платформы с адаптивными алгоритмами позволяют выстраивать индивидуальный маршрут обучения праву, делают знания нагляднее и увлекательнее. Особенно это важно для молодёжи, чьё правосознание и без того складывается в цифровой среде и охотно откликается на такие форматы [11, с. 244].

Очевидным положительным явлением выступает скорость, благодаря которой системы анализа документов и практики сокращают сроки подготовки дел, снимают часть нагрузки с судов, ускоряют разрешение споров. Если при этом не страдает качество, эффективное правосудие укрепляет доверие к институтам – а доверие, как мы помним, вынесено в целевые показатели Национальной стратегии, то есть признано государственным приоритетом [1].

Извлечь от ИИ максимальную пользу и не заплатить за неё деформацией правосознания можно только благодаря мерам нормативного, образовательного и просветительского характера. Отдельно ни одна из них не работает. Для их реализации необходима система требований к применению ИИ в праве с указанием обязательности прозрачности алгоритмов, понятным распределением ответственности за ошибки и приоритетом человеческого контроля. Ориентирами для разработки подобных требований послужили риск-ориентированный подход Регламента ЕС 2024 года, относящий правосудие к высокорисковой сфере [3], принципы российского Кодекса этики [2] и Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ 2021 года [4]. 08 июля 2026 года был разработан законопроект № 1271570-8 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» в котором даются базовые понятия, принципы и общие правила, указываются требования к безопасности, порядок подтверждения соответствия и меры поддержки.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- влияние ИИ на правосознание и правовую культуру двойственно и определяется оно не самой технологией, а тем, сохраняется ли за человеком правовое суждение;
- если ИИ остаётся инструментом под контролем юриста, он расширяет доступ к праву и укрепляет правовую культуру. Там, где он подменяет суждение, происходит ее деформация;
- ИИ в контексте данного исследования является не инструментом, а фактором, меняющим саму эпистемологию права, то есть то, как люди узнают о правах, оценивают справедливость и принимают решения;
- в результате повсеместного применения ИИ произошло серьезное изменение, проявившееся в том, что юридическая помощь перестала быть привилегией;
- за последнее время серьезно трансформировался подход к познанию права. Раньше для познания права, как правило, изучали первоисточник и соответствующую правоприменительную практику. Сейчас же всё чаще довольствуются пересказом, который модель собрала по вероятностным закономерностям, не заглядывая в закон;
- делегированная работа способствует постепенной утрате данных навыков у человека. Если юрист раз за разом отдаёт алгоритму возможность по самостоятельному толкованию или выстраиванию аргументации по делу, т.е. то, что составляет суть юридической профессии, то эти способности притупляются;
- в современных условиях генеративный ИИ не является источником правовых знаний, а представляет собой черновик, который обязан проверять человек;
- при использовании генеративных моделей юрист должен в обязательном порядке перепроверять полученные результаты, дабы профилировать применение несуществующих прецедентов или выдуманных правовых норм;
- при современной подготовке юристов особое внимание стоит уделять работе с ИИ и критическому разбору его результатов. Юристу завтрашнего дня мало классических компетенций, ему остро необходима алгоритмическая грамотность, включающая в себя понимание, как устроены модели, где их пределы и почему они «галлюцинируют». Стратегической задачей образования является формирование правосознания, в котором технологическая сноровка соседствует с верностью самостоятельному суждению;
- абсолютно актуальны просветительские кампании, честно объясняющие возможности и пределы ИИ. Когда человек понимает, что ответ модели не является юридической консультацией и его надо проверять, он реже принимает опрометчивые решения и реже разочаровывается в праве. Такое просвещение призвано профилировать слепое доверие к технологиям и алгоритмическому нигилизму;
- искусственный интеллект влияет на правосознание и правовую культуру двойственно, и решает здесь не технология, а способ обращения с ней. Он делает право доступнее, ускоряет процессы, открывает новые пути просвещения, в рамках которых порождает иллюзию простоты права, притупляет навыки юриста, закрепляет предвзятость, прячет решения в «чёрный ящик», сочиняет несуществующие нормы, размывает ответственность и углубляет неравенство. Острее всего это чувствуется в профессиональном правосознании юристов, где ошибка стоит дороже всего и растущая практика санкций за некритичное использование генеративного ИИ тому подтверждение;
- основная задача на сегодня не в том, чтобы принять или отвергнуть технологию, а в том, чтобы удержать за человеком правовое суждение, сделать алгоритмы прозрачными и подконтрольными, а их результаты — обязательно проверяемыми. Этот баланс не возникнет сам по себе, его придётся выстраивать согласованными усилиями регулирования, этики, образования и просвещения. А поскольку генеративные технологии развиваются стремительно, данную тему исследования нельзя считать закрытой, поскольку она требует дальнейших междисциплинарных исследований, в том числе эмпирических, о том, как ИИ реально меняет правовое поведение разных социальных и профессиональных групп.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. (дата обращения: 10.05.2026)
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (принят 26 октября 2021 г.). URL: <http://a-ai.ru>. (дата обращения: 10.05.2026)

3. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 12.07.2024.
4. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2021.
5. American Bar Association. Formal Opinion 512: Generative Artificial Intelligence Tools. Standing Committee on Ethics and Professional Responsibility. 2024.
6. Харитонов Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография. М.: Юстицинформ, 2025. 332 с.
7. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
8. Матузов Н.И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. – 528 с.
9. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2025. 321 с.
10. Харитонов Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3 (53). С. 488 – 515.
11. Певцова Е.А., Сапогов В.М. Формирование правовой культуры несовершеннолетних в условиях цифровизации правовой жизни общества // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 242 – 252.
12. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S. Ct. 2290 (2017).
13. Mata v. Avianca, Inc., 678 F. Supp. 3d 443 (S.D.N.Y. 2023).
14. Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C.D., Ho D.E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools. Stanford: Stanford University, RegLab / HAI, 2024. 47 p. (дата обращения: 10.05.2026)
15. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And it's Biased Against Blacks») от ProPublica. Авторы: Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattu и Lauren Kirchner. 2016.
16. Charlotin D. AI Hallucination Cases: Database of Legal Decisions. 2024-2025.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 (as amended on 15.02.2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030"). Official Internet Portal of Legal Information (date of access: 10.05.2026)
2. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence (adopted on 26 October 2021). URL: <http://a-ai.ru> (date of access: 10.05.2026)
3. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union. 12.07.2024.
4. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2021.
5. American Bar Association. Formal Opinion 512: Generative Artificial Intelligence Tools. Standing Committee on Ethics and Professional Responsibility. 2024.
6. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. Artificial Intelligence: Civilistic Concept of Regulation: Monograph. Moscow: Yustitsinform, 2025. 332 p.
7. Ilyin I.A. On the Essence of Legal Consciousness. Moscow: Rarog, 1993. 235 p.
8. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law: Textbook. Moscow: Norma; INFRA-M, 2020. 528 p.
9. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: Study Guide. N. Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University, 2025. 321 p.
10. Kharitonova Yu.S., Savina V.S., Pagnini F. Bias of Artificial Intelligence Algorithms: Issues of Ethics and Law. Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2021. No. 3 (53). P. 488 – 515.
11. Pevtsova E.A., Sapogov V.M. Formation of the Legal Culture of Minors in the Context of the Digitalization of the Legal Life of Society. Bulletin of Tomsk State University. 2021. No. 470. P. 242 – 252.
12. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S. Ct. 2290 (2017).
13. Mata v. Avianca, Inc., 678 F. Supp. 3d 443 (S.D.N.Y. 2023).

14. Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C.D., Ho D.E. Hallucination Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools. Stanford: Stanford University, RegLab. HAI, 2024. 47 p. (date of access: 10.05.2026)

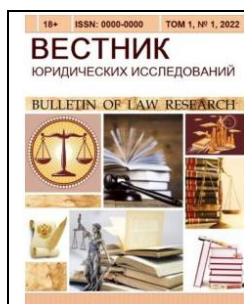
15. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And it's Biased Against Blacks") from ProPublica. Authors: Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattu and Lauren Kirchner. 2016.

16. Charlotin D. AI Hallucination Cases: Database of Legal Decisions. 2024-2025.

Информация об авторе

Дарда А.В., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 234, kafedraotpd.tgpdarda@mail.ru

© Дарда А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 34.01

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-130-136

Презумпции международного частного права

¹ Кучинская А.Д., ¹ Литвинова С.Ф.,

¹ Владивостокский государственный университет

Аннотация: в статье исследуются правовые презумпции, закрепленные в разделе VI «Международное частное право» ГК РФ. Опираясь на современные доктринальные подходы, авторы рассматривают презумпцию как предположение, нормативно закрепленное и фактически опровержимое предположение, выполняющее функции юридической техники и отраслевого регулирования. На основе анализа указанного раздела ГК РФ выявлены: презумпция личного закона юридического лица, презумпция согласованного применения международных торговых обычаев при использовании в договоре соответствующих терминов, презумпция права страны нахождения недвижимого имущества в качестве права наиболее тесной связи, а также презумпция объема полномочий представителя. Анализ нормативного текста показывает, что презумпции МЧП выступают не только как самостоятельные нормативные предписания, но и как составная часть норм-дефиниций. Отраслевой функцией презумпций МЧП является обеспечение предсказуемости при выборе применимого права.

Ключевые слова: правовая презумпция, презумпции-дефиниции, презумпции международного частного права, бремя доказывания, личный закон юридического лица, юридическая техника, торговые обычаи, наиболее тесная связь, объем полномочий представителя

Для цитирования: Кучинская А.Д., Литвинова С.Ф. Презумпции международного частного права // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 130 – 136. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-130-136

Поступила в редакцию: 10 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Presumptions in private international law

¹ Kuchinskaya A.D., Litvinova S.F.,

¹ Vladivostok State University

Abstract: the article examines the legal presumptions enshrined in Section VI "Private international law" of the Civil Code of the Russian Federation. Based on modern doctrinal approaches, the authors consider presumption as an assumption, a legally fixed and actually refutable assumption that performs the functions of legal technology and industry regulation. Based on the analysis of this section, the following have been identified: the presumption of the personal law of a legal entity, the presumption of the coordinated application of international trade customs when using relevant terms in a contract, the presumption of the law of the country where the immovable property is located as the law of the closest connection, as well as the presumption of the scope of the representative's powers. The analysis of the normative text shows that the presumptions of the Ministry of Emergency Situations act not only as independent normative prescriptions, but also as an integral part of the definition norms. The industry-specific function of the PIL presumptions is to ensure predictability in choosing the applicable law.

Keywords: legal presumption, definitional presumptions, presumptions in private international law, burden of proof, personal law of a legal entity, legal drafting technique, trade usages, closest connection, scope of a representative's authority

For citation: Kuchinskaya A.D., Litvinova S.F. Presumptions in private international law. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 130 – 136. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-130-136

The article was submitted: June 10, 2026; Approved after reviewing: July 8, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

В правоприменительной практике презумпции играют важную роль в перераспределении доказывания, что вызывает научный интерес к их изучению. Презумпции, закрепленные в разделе VI ГК РФ («Международное частное право»), практически, не изучены, несмотря на их особенный характер. Некоторые презумпции тесно связаны с коллизионным регулированием и носят дефинитивный характер.

Цель данного исследования – выявить особенности правовых презумпций в российском МЧП и определить их значение для правоприменительной практики.

В соответствии с целью поставлены следующие задачи: – систематизировать нормы-презумпции, содержащиеся в разделе VI ГК РФ; – проанализировать их логическую структуру (факты-основания, презюмируемые следствия и способы опровержения); – обосновать гибридный характер презумпций в МЧП, сочетающий черты доказательственных правил и норм-дефиниций, и показать, как это способствует предотвращению избыточного судебного усмотрения.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания, позволяющий рассматривать правовые презумпции в их развитии и взаимосвязи с другими институтами МЧП. В работе использован комплекс общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход) и частнонаучных методов юридического исследования (формально-юридический, догматический, сравнительно-правовой и метод правового моделирования).

К сожалению, тема о правовых презумпциях не является популярно, что обуславливает отсутствие новых исследований по этой теме за последние пять лет.

Ряд авторов дают определение презумпции как правовому понятию, акцентируя внимание на его содержании: презумпция – это не абсолютная истина. Е.В. Грозина и С.Ю. Грозин пишут о «предположении вероятностного характера» [1, с. 25]; А. В. Демин – о «вероятностном признании» [2, с. 178]; Н.С. Матвеева и Г.Ж. Бальтанова – о «предположениях» [3, с. 1]. Ими также подчеркивается то, что презумпция не существует сама по себе, а официально закреплена в праве. Е.В. Грозина, С.Ю. Грозин пишут о «закреплении в правовой норме»; А.В. Демин – о «формализации в источниках права»; Н.С. Матвеева и Г.Ж. Бальтанова – о «нормативном закреплении». В определениях этих авторов презумпция связывается с фактическими обстоятельствами: она строится вокруг существования или отсутствия фактов (Е.В. Грозина и С.Ю. Грозин указывают на «конкретный факт»; А.В. Демин – на «факт-основание»; Н.С. Матвеева и Г.Ж. Бальтанова – на «юридические факты»). В определениях указанных авторов подразумевается или прямо указывается, что презумпция не является догмой: она может быть подтверждена или опровергнута в ходе правоприменения (наиболее явно это выражено в работе А.В. Демина, Н.С. Матвеевой и Г.Ж. Бальтановой, но заложено в «вероятностном характере» в работе Е.В. Грозиной и С.Ю. Грозина).

В рассматриваемых определениях можно выделить и особенное:

В определении Е.В. Грозиной и С.Ю. Грозина прямо указывается на цель существования презумпции: «с целью побуждения наступления определенных последствий или, наоборот, их недопущения». При формулировке природы предположения авторы используют конструкцию «предположение, выраженное в форме реально существующего факта или состояния», а также указывают, что оно сформировалось о факте, «признанном достоверным». Это создает интересное сочетание «достоверности» базового факта и «вероятностного характера» самого предположения о последствиях. Определение А.В. Демина дает наиболее детализированное и строгое определение, выделяя четкую логическую связку: наличие «факта-основания» влечет признание «презюмируемого объекта». В отличие от других, он включает в объект презумпции не только факты, но и «события, правоотношения». Также автор прямо систематизирует

признаки: «индуктивный метод формирования, вероятностный характер, фактическая опровержимость, формализация в источниках права». Это определение ближе всего к классической юридической технике. Н.С. Матвеева и Г.Ж. Бальтанова делают упор на результат доказывания: «в процессе существования права доказываются, либо опровергаются». Это вопрос правоприменения. Использование словосочетания «достоверные предположения» подчеркивает, что пока презумпция не опровергнута, она воспринимается правопорядком как достоверная истина. Также можно утверждать, что их определение сфокусировано строго на «юридических фактах», без расширения на события или правоотношения, что делает его более узким, но прикладным.

В целом, эти три подхода дают объемное, многогранное понимание презумпции как нормативно закреплённого, логически обоснованного и процессуально опровержимого инструмента правового регулирования и приема юридической техники.

Вместе с тем ряд авторов рассматривает презумпцию как норму права (нетипичное правовое предписание) [4, с. 294]. Эта позиция не противоречит вышерассмотренным определениям, она акцентирует внимание на внешней форме презумпции – норме-предписании как элементе механизма правового регулирования. Нормативное правовое предписание, в котором закреплена норма, может называться нормой-презумпцией, если акцент необходимо сделать на способ регулирования общественных отношений.

Вопрос о функциях презумпций является одним из наиболее важных, поскольку функции отличают их от других правовых конструкций. Общим подходом авторов, которые рассматривали функции презумпций является то, что они выделяют общие функции, характерные для права в целом, так и отраслевые.

А.П. Кузнецов, М.П. Пронина рассматривают функции через их значение. Они выделяют функции, которые имеют юридико-техническое значение (вспомогательная, системообразующая, праворазъяснительная, регулятивная) и юридико-прикладное функциональное значение норм-презумпций (освобождение от доказывания, распределение бремени доказывания, обеспечение определенного юридического результата) [4, с. 301].

В работе Булаевского Б.А. выделяются функции: условно технические (функции, выражающиеся в формах правовой охраны интересов, функции, вытекающие из свойств презумпции как нормативной модели) и Специальные функции, обусловленной спецификой конкретных правоотношений [5]. При определении функций презумпций гражданского права им отмечается их множественность, обусловленную «как особыми свойствами самих презумпций, так и многообразием интересов и спецификой гражданско-правовых отношений, в рамках которых такие интересы получают правовую охрану» [6, с. 113].

Вопрос классификации правовых презумпций достаточно разработан в работах российских ученых. Б.А. Булаевский рассматривает следующие основные классификации правовых презумпций: Историческая (римская) классификация предположений; по возможности опровержения (опровержимые, неопровержимые; по отраслевой принадлежности и значению; по способу закрепления в правовых нормах (прямые, косвенные); по объекту предположения (факты существования правоотношений, субъективное отношение (волю) лица); по основному назначению в охране интересов участников правоотношений (направленные на признание интересов, на реализацию интересов, на обеспечение интересов, на защиту интересов [7].

О.Е. Зацепина, опираясь на труды других ученых, выделяет шесть основных классификаций (видов) правовых презумпций в зависимости от различных критериев (оснований): по сфере правового регулирования (уровню обобщения) (общетраслевые (общеправовые); межотраслевые, отраслевые; по критерию – обязательности для суда, ссылаясь на классификацию Ю.А. Серикова (императивные презумпции с определенным в законе фактом-основанием, императивные презумпции с фактом-основанием, конкретизируемым усмотрением суда, диспозитивные презумпции с определенным в законе фактом-основанием, диспозитивные презумпции с фактом-основанием, конкретизируемым усмотрением суда [8].

Вопросы, связанные со структурой презумпций, рассматривались Г.А. Садовой, которая считает, что корректная внутренняя логическая структура презумпции – это определенное или неопределенное частно-утвердительное суждение, построенное на базе неполной индукции, которое допускает существование исключений без разрушения самой логической конструкции нормы [9].

Е.А. Анчишина предлагает формулу презумпции: «Если А, то предполагается Б, пока не доказано иное» [10].

Результаты и обсуждения

В разделе VI «Международное частное право» ГК РФ также закреплены презумпции [11].

Анализируя п. 1 ст. 1202 ГК РФ, можно сказать, что она является классическим примером правовой презумпции. Она нормативно закрепляет вероятностную, но опровержимую связь между достоверным фактом-основанием (местом учреждения) и презюмируемым юридическим следствием (личным законом юридического лица), выполняя важнейшие регулятивные и доказательственные функции.

Данной нормой презюмируется коллизонная привязка, основанная на факте места учреждения. Это классическая опровержимая презумпция права, которая берет на себя задачу автоматического определения применимого правопорядка, экономя время и ресурсы правоприменителя. В тексте указан «достоверный» базовый факт (факт учреждения в конкретной стране неоспорим) и «вероятностного характера» последствия (в большинстве случаев это право и будет применимым, но законодатель оставляет узкий коридор для исключений через специальные федеральные законы, например, для международных компаний).

особенностью этой нормы является также и то, что она является дефиницией, на основе которой определяется термин «личный закон юридического лица». О существовании норм презумпций-дефиниций обращал внимание В. О. Левит. Он определил такие нормы как «разновидность правовых предположений, прямо или косвенно отраженных в правовых понятиях, закрепленных нормативно-правовыми или правоинтерпретационными актами» [12, с. 312].

Презумпция согласованности применения торговых обычаев вытекает из содержания п. 11 ст. 1211: «Если в договоре использованы принятые в международном обороте торговые термины, при отсутствии в договоре иных указаний считается, что сторонами согласовано применение к их отношениям обычаев, обозначаемых соответствующими торговыми терминами».

На основе этой нормы можно сформулировать презумпцию (предположение): если в договоре использованы принятые в международном обороте торговые термины (А – факт-основание), то предполагается, что сторонами согласовано применение к их отношениям обычаев, обозначаемых соответствующими торговыми терминами (Б – презюмируемый факт), пока не доказано (в том числе посредством прямых указаний в самом тексте договора), что стороны придавали этим терминам иное значение или исключали действие обычаев (иное). Условие «при отсутствии в договоре иных указаний» означает, что презумпция опровержима: если в тексте договора прямо написано иное (например, «термин FCA используется только для определения момента перехода рисков, но не инкорпорирует правила Инкотермс»). В этом случае презумпция прекращает действовать. Цель этой презумпции – оптимизация доказывания (сторонам не нужно доказывать, что они имели в виду под термином) и обеспечение стабильности международного оборота.

Презумпции освобождают одну сторону от доказывания очевидного (например, того, что термин CIF означает определенные обычаи), и перекладывают бремя доказывания обратного на ту сторону, которая утверждает, что в данном конкретном случае должно применяться иное правило.

Презумпция закреплена также во втором предложении п. 1 ст. 1213, в котором определяется право страны, с которой такой договор наиболее тесно связан. Если иное явно не вытекает из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела, то таким правом считается право страны, где находится недвижимое имущество. Содержание презумпции: если заключен договор в отношении недвижимого имущества (А), то предполагается, что правом страны наиболее тесной связи является право страны, где находится это недвижимое имущество (Б), пока не будет доказано иное (а именно: пока из закона, условий, существа договора или совокупности обстоятельств дела явно не будет вытекать, что договор теснее связан с правом другой страны. В этой презумпции фактом-основанием будет заключение договора в отношении недвижимого имущества; презюмируемым фактом – право страны нахождения недвижимости автоматически признается правом страны наиболее тесной связи (без необходимости доказывать эту «тесную связь» в каждом конкретном случае). Механизмом опровержения является оговорка: «если иное явно не вытекает из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела». Это классическая «оговорка об исключении», позволяющая суду отступить от презумпции, если, например, договор касается недвижимости в одной стране, но все переговоры, исполнение и стороны находятся в другой. Целью данной презумпции является: правовая определенность и предсказуемость (*lex rei sitae* как базовое правило), снижение нагрузки на суд по установлению «тесной связи». Более того, сторона, опровергающая презумпцию, несет повышенное бремя доказывания и обязана убедительно продемонстрировать смещение «центра тяжести» договора в иную юрисдикцию. Это ценный практический ориентир для правоприменителя.

Законодатель не делает связь с местом нахождения недвижимости абсолютной (неопровержимой), а оставляет возможность для исключения. Употребление слова «явно» означает, что для опровержения данной презумпции недостаточно просто указать на слабую или формальную связь с другой страной. Сторона, пытающаяся опровергнуть презумпцию, несет повышенное бремя доказывания: она должна явно и убедительно продемонстрировать, что центр тяжести договора смещен в другую юрисдикцию (например, договор заключен, исполняется и стороны находятся в одной стране, а недвижимость просто случайно расположена в другой). Без этой презумпции суду в каждом деле о недвижимости пришлось бы проводить сложный и длительный анализ всех обстоятельств, чтобы выяснить, право какой страны применять. Презумпция дает суду готовый, предсказуемый и логичный ответ по умолчанию, освобождая стороны от доказывания очевидного.

Презумпция объема полномочий представителя закреплена в п. 6 ст. 1217.1: «Если иное не вытекает из закона или существа отношений, при отсутствии в доверенности иных указаний считается, что в объем полномочий представителя входит определение порядка разрешения споров..., а также выбор права, подлежащего применению к сделкам, совершаемым представителем от имени представляемого». В этой презумпции фактом-основанием является – выдача доверенности без детализации в ней конкретных полномочий по выбору права или порядка разрешения споров; презюмируемым фактом является то, что представитель обладает юридическим правом самостоятельно выбирать применимое право и согласовывать юрисдикцию (суд/арбитраж) от имени представляемого. Механизм опровержения – условие «если иное не вытекает из закона или существа отношений» и «при отсутствии в доверенности иных указаний». Если в доверенности написано «без права выбора суда» или если существо отношений (например, узкоспециализированная разовая сделка) явно исключает такие полномочия, презумпция не применяется. Цель этой презумпции: защита добросовестных третьих лиц, которые вправе полагаться на широкий объем полномочий представителя, если доверенность не содержит ограничений.

Выводы

На основании проанализированных текстов норм можно сделать следующие структурированные выводы о презумпциях, закрепленных в разделе VI «Международное частное право» ГК РФ и рассматриваемых в правовой доктрине:

1. Исходя из текста, сущность правовой презумпции многогранна и включает в себя следующие ключевые характеристики: вероятностный характер, нормативная закрепленность, опровержимость, фактическая обусловленность, инструмент юридической техники, целевая направленность: Служит для оптимизации доказывания, распределения бремени доказывания, обеспечения правовой определенности, предсказуемости и стабильности гражданского (в т.ч. международного) оборота.

2. В тексте выявлены следующие языковые конструкции и слова-маркеры, указывающие на наличие презумпции в норме права: «считается» (например, «считается, что сторонами согласовано...»), «считается... право страны, где находится недвижимое имущество»); «предполагается» (например, «предполагается, что правом страны...»); «пока не доказано иное»; «если иное явно не вытекает» (из закона, условий или существа договора); «при отсутствии ... иных указаний».

3. Презумпции закрепляются как часть дефиниции, как самостоятельное нетипичное правовое предписание (норма-презумпция): пункт статьи, предложение в абзаце.

Презумпции в разделе VI ГК РФ представляют собой формализованные, опровержимые предположения о применимом праве, воле сторон или полномочиях участников гражданских правоотношений. Они закреплены в нормах-предписаниях, узнаваемы по маркерам «считается» или «предполагается», и служат для упрощения правоприменения переложения бремени доказывания на сторону, заинтересованную в опровержении этого «правила по умолчанию».

4. Выделены презумпции: согласованности применимости торговых обычаев; применимость права страны учреждения в качестве личного закона юридического лица; презумпция права места нахождения недвижимости как применимое к договору право; презумпция объема полномочий представителя

В качестве новизны исследования можно выделить следующие утверждения:

1. Не все презумпции являются самостоятельными нетипичными правовыми предписаниями. Они могут быть частью (особенностью юридической техники) норм дефиниций.

2. Презумпцию можно рассмотреть не только как доказательственное правило, но и как способ легального определения понятия. Яркий пример: п. 1 ст. 1202 ГК РФ одновременно и презюмирует применимое право на основе места учреждения, и дает дефиницию самого термина «личный закон

юридического лица». Это стирает жесткую грань между нормами-определениями и нормами-презумпциями.

3. В главе VI ГК РФ закреплены следующие презумпции: презумпция личного закон юридического (п. 1 ст. 1202 ГК РФ); право страны наиболее тесной связи для договоров о недвижимом имуществе (п. 1 ст. 1213 ГК РФ); воли и согласованности сторон о применении торговых обычаев (п. 11 ст. 1211 ГК РФ); объема правомочий представителя на самостоятельное определение порядка разрешения споров и выбор применимого права (п. 6 ст. 1217.1 ГК РФ).

4. Презумпции, закрепленные в нормах-дефинициях, направлены на предотвращение избыточного судебного усмотрения и обеспечение предсказуемости при выборе применимого права (что является специальной функцией норм международного частного права).

Список источников

1. Грозина Е.В., Грозин С.Ю. Правовые презумпции и правовые фикции: соотношение понятий // Закон и право. 2024. № 3. С. 23 – 26. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-3-23-26>
2. Демин А.В. Презумпции в нормах налогового права // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 171 – 178.
3. Матвеева Н.С., Бальтанова Г.Ж. Правовые презумпции в гражданском праве // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. Спецвыпуск № 5. URL <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2018/S05/00546.pdf>
4. Кузнецов А.П., Пронина М.П. Функции презумпций в праве и их значение в регулировании отраслевых общественных отношений // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 292 – 301.
5. Булаевский Б.А. Функции правовых презумпций // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 33 – 41.
6. Булаевский Б.А. Гражданско-правовые презумпции: понятие и функции // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 110 – 113.
7. Булаевский Б.А. Классификация правовых презумпций // Журнал российского права. 2010. № 11 (167). С. 74 – 83.
8. Зацепина О.Е. Классификация правовых презумпций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87) февраль. С. 80 – 87.
9. Садовая Г.А. Логика производства и внутренней структуры презумпций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. №3. С. 23 – 27.
10. Анчишина Е.А. Презумпции в современном праве: понятие и правовое значение // Экономика и право. 2021. Т. 31, вып. 1. С. 70 – 80.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 3 от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (посл. ред. от 08.08.2024 № 237-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/.
12. Левит В.О. Правовые презумпции-дефиниции // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 310 – 312.

References

1. Grozina E.V., Grozin S.Yu. Legal presumptions and legal fictions: the relationship of concepts. Law and Right. 2024. No. 3. P. 23 – 26. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-3-23-26>
2. Demin A.V. Presumptions in tax law norms. Legal technique. 2010. No. 4. P. 171 – 178.
3. Matveeva N.S., Baltanova G.Zh. Legal presumptions in civil law. Electronic scientific and methodological journal of Omsk State Agrarian University. 2018. Special Issue No. 5. URL <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2018/S05/00546.pdf>
4. Kuznetsov A.P., Pronina M.P. Functions of Presumptions in Law and Their Importance in Regulating Sectoral Public Relations. Legal Technique. 2010. No. 4. P. 292 – 301.
5. Bulaevsky B.A. Functions of Legal Presumptions. Journal of Russian Law. 2011. No. 3. P. 33 – 41.
6. Bulaevsky B.A. Civil Law Presumptions: Concept and Functions. Legal Technique. 2010. No. 4. P. 110 – 113.
7. Bulaevsky B.A. Classification of legal presumptions. Journal of Russian Law. 2010. No. 11 (167). P. 74 – 83.
8. Zatsepina O.E. Classification of legal presumptions. Actual problems of Russian law. 2018. No. 2 (87) February. P. 80 – 87.
9. Sadovaya G.A. Logic of production and internal structure of presumptions. North Caucasian Legal Bulletin. 2011. No. 3. P. 23 – 27.
10. Anchishina E.A. Presumptions in modern law: concept and legal significance. Economics and Law. 2021. Vol. 31, issue. 1. P. 70 – 80.

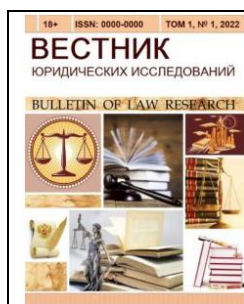
11. Civil Code of the Russian Federation, Part 3 of November 26, 2001, No. 146-FZ (last amended on August 8, 2024, No. 237-FZ). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/.
12. Levit V.O. Legal Presumptions-Definitions. Legal Technology. 2010. No. 4. P. 310 – 312.

Информация об авторах

Кучинская А.Д., Владивостокский государственный университет

Литвинова С.Ф., кандидат юридических наук, доцент, Владивостокский государственный университет,
Svetlana.litvinova@vvsu.ru

© Кучинская А.Д., Литвинова С.Ф., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.11

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-137-144

Аксиологический аспект исследования права в России: проблемы и перспективы

¹ Ковалева В.В.,

¹ Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация: *введение:* глобальные трансформации современного мира детерминируют актуализацию ценностного восприятия действительности как обществом, так и государственной властью, которая посредством формализации определяет ценностные ориентиры. Ввиду этого особую востребованность приобретает юридическая аксиология как необходимое направление исследования политико-правовых явлений.

Материалы и методы исследований. В исследовании использовались диалектический, системный, функциональный, формально-юридический методы.

Результаты и обсуждения. В российском правоведении существует мнения о необходимости развития юридической аксиологии. Обсуждаются вопросы о пределах ценностного исследования права и связанных с ним явлений ввиду его формальной определенности, существования типичного и ситуационного правоприменения. Ценностное восприятие права зависит от концепции его понимания, которой придерживается исследователь. Одной из проблем является дефиниция правовых ценностей и их классификации, ученые пишут о правовых и юридических ценностях, понимая под ними различные явления как собственно юридические, так и этические. Предлагают различные критерии для их классификации. Выделяют фундаментальные (базовые) и привходящие ценности; внутренние и целевые.

Выводы. Аксиологический аспект исследования ввиду особенности права как явления имеет свои пределы. Необходимо в рамках юридической аксиологии выделять два уровня: научно-теоретический и прикладной, при этом важное место занимает такое направление как аксиологический инструментализм. Прикладной уровень исследования, должен быть основан на традиционных ценностях, которые нашли свое закрепление в Конституции Российской Федерации, в Стратегии национальной безопасности, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Дальнейшее глубокое исследование правовых ценностей, их природы, и классификации обеспечит дальнейшее развития юридической аксиологии как важнейшего направления правоведения.

Ключевые слова: юридическая аксиология, право, ценность права, аксиологический инструментализм, правовые ценности, юридические ценности

Для цитирования: Ковалева В.В. Аксиологический аспект исследования права в России: проблемы и перспективы // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 4. С. 137 – 144. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-137-144

Поступила в редакцию: 11 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2026 г.; Принята к публикации: 12 августа 2026 г.

Axiological aspect of law research in Russia: problems and prospects

¹ Kovaleva V.V.,

¹ North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Abstract: *introduction:* global transformations of the modern world determine the actualization of the value perception of reality by both society and government, which determines value guidelines through formalization. In view of this, legal axiology as a necessary direction for studying political and legal phenomena is of particular demand.

Materials and research methods. The study used dialectical, systemic, functional, formal-legal methods.

Results and discussions. In Russian jurisprudence, there are opinions on the need to develop legal axiology. The issues of the limits of value research of law and related phenomena are discussed due to its formal certainty, the existence of typical and situational law enforcement. Value perception of law depends on the concept of its understanding, which the researcher adheres to. One of the problems is the definition of legal values and their classification, scientists write about legal and legal values, understanding them as various phenomena, both legal and ethical. They offer various criteria for their classification. Fundamental (basic) and incidental values; internal and target.

Conclusions. The axiological aspect of the study, due to the peculiarity of law as a phenomenon, has its limits. It is necessary to distinguish two levels within the framework of legal axiology: scientific-theoretical and applied, with such a direction as axiological instrumentalism occupying an important place. The applied level of research should be based on traditional values, which have found their enshrinement in the Constitution of the Russian Federation, in the National Security Strategy, in the Fundamentals of State Policy on the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Further in-depth study of legal values, their nature, and classification will ensure the further development of legal axiology as the most important direction of jurisprudence.

Keywords: legal axiology, law, value of law, axiological instrumentalism, legal values, legal values

For citation: Kovaleva V.V. Axiological aspect of law research in Russia: problems and prospects. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (4). P. 137 – 144. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-4-137-144

The article was submitted: June 11, 2026; Approved after reviewing: July 8, 2026; Accepted for publication: August 12, 2026.

Введение

В условиях кризиса остро встает вопрос о ценностных ориентациях, не является исключением и современный период развития общества, обусловленный геополитическими трансформациями, изменившими мировоззренческие установки, в рамках которых осуществляется переход от универсальных к традиционным ценностям. При этом ценности выступают нравственными основаниями, позволяющими сохранять жизненные ориентиры самого высокого порядка. Ввиду этого особую актуальность приобретает аксиологический аспект исследования права. Следует согласиться с Д.А. Пашенцевым, что в современной России правовая аксиология приобрела новое звучание с связи с конституционной реформой 2020 г. [1, с. 24]. Необходимо отметить, что только за последнее время вышло две интереснейших монографии, посвященных различным аспектам юридической аксиологии [2, 3]. Несмотря на достаточное количество литературы по рассматриваемой тематике, которое заставляет ученых в том числе задаваться вопросом: «Не слишком ли юридическая наука увлеклась аксиологической методологией?» [2, с. 55], остается много дискуссионных вопросов в рамках ценностного аспекта исследования права. Ввиду этого следует согласиться с профессором В.Н. Жуковым, который пишет, что хотя ценностная проблематика и присутствует во многих работах по философии права, специализированных трудов по юридической аксиологии нет, фундаментальную философию ценностей применительно к государству и праву еще предстоит создавать [4, с. 155]. Солидаризируется с данной точкой зрения профессор В.Б. Исаков, который отмечает, что ценностный подход трудно отнести к малоисследованным аспектам юридической науки [5, с. 20]. Вместе с тем ученый считает, что значение ценностного подхода в полной мере не раскрыто, в связи с чем он и не занял в науке и юридической практике надлежащего места [5, с. 23]. Ввиду этого целью настоящего исследования является рассмотрения основных проблем, существующих в рамках российской юридической аксиологии.

Материалы методы исследований

Предметом настоящего исследования является юридическая аксиология как аспект изучения права на философском уровне познания. Для достижения поставленной цели, на основе диалектики, использовались такие общенаучные методы исследования, как логический, системно-структурный подход, функциональный метод. При анализе нормативных правовых актов формально-юридический метод.

Результаты и обсуждения

Анализ современной юридической литературы позволил прийти к выводу о существовании нескольких ключевых вопросов, требующих решения в рамках аксиологического аспекта исследования права.

Первый из них особенности аксиологического подхода в правоведении. Так М.В. Антонов пишет, что в сфере теории права сравнительно немного вопросов, где была бы значима проблематика универсальности или относительности ценностей – большая часть юридико-технических вопросов решается без обращения к аксиологии, тем не менее, по мнению автора, такой дискурс может стать неизбежным, при критике норм позитивного права, и при создании и применении норм права, где, как правило, необходим набор суждений о целях права, перспективах его развития, реализуемых в рамках этого развития ценностях [6, с. 145].

Ю.Ю. Витютнев так же считает, что в типичных и рутинных ситуациях правоприменительной практики потребность в обращении к ценностям для выработки и обоснования принятых решений почти отсутствует, и юриспруденция может позволить себе сравнительно легко обойтись без ценностных аргументов до тех пор, пока она открыта лишь для судебной и административной практики в ее простейших каждодневных проявлениях, но если возникает необходимость в «аналогии права», когда применяются принципы права, которые могут быть и ценностями, выработка решения становится ближе к аксиологическому содержанию права, кроме того, оперирование ценностями, по мнению автора, неизбежно при научном сопровождении правоустановительной деятельности, например, законодательного процессе, при интерпретации права или пограничных видах юридической практики, сочетающих в себе толкование и квази-нормотворчество, например, конституционная юстиция [7, с. 251-252].

Другая сфера, пишет Ю.Ю. Витютнев, где юридическая наука сталкивается с неизбежностью ценностных аргументов – это споры парадигмального характера, касающихся базовых конвенций, например, ярко выраженный ценностный характер, по мнению ученого, носят аргументы, при помощи которых в постсоветской юридической науке состязались юридический позитивизм и либертарно-юридическая концепция [7, с. 253]. Необходимо подчеркнуть, что концепция правопонимания как методологическое основание исследования определяет ценностное восприятие правовых явлений, при этом ценности и идеи о праве находятся в функциональной связи. Ценностная ориентация ученого, безусловно, определяет его отношения к праву, правовым является. Отсюда существующая до сегодняшнего дня дискуссия о понимании права. Антропоцентризм и социоцентризм как результаты различного ценностного восприятия являются причиной разного правопонимания.

Изложенные выше суждения позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, следует согласиться с тем, что юридическая аксиология, как и аксиология в принципе, это лишь определенный и необходимый аспект в исследовании явлений, как справедливо пишет профессор В.Н. Жуков: «ценности предопределяют понимания людьми тех или иных вещей, задает угол зрения, под которым осмысливается мир» [4, с. 160], поэтому она имеет определенные границы в исследовании права, особенно ярко проявляясь в условиях дискреции, где остро встает вопрос о целесообразности принятия решений, либо где еще отсутствует необходимое правовое регулирование. Во-вторых, полагаем необходимым в рамках юридической аксиологии выделять два уровня: научно-теоретический и прикладной. В рамках первого исследовать ценностные основания права и существующие походы к его пониманию, кроме того, особое значение, полагаем, на этом уровне имеет, выделяемый в юридической науке аксиологический инструментализм [7, с. 259]. Прикладной уровень исследования должен быть основан на традиционных ценностях, которые нашли свое закрепление в Конституции Российской Федерации, в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ [8] (далее – Стратегия национальной безопасности), в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (далее – Основы госполитики по сохранению ценностей) [9]. В этом контексте в качестве примера важности аксиологического аспекта в прикладном значении имеет выводы Конституционного Суда Российской Федерации, в частности, Постановление от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» [10]. При этом необходимо подчеркнуть, аксиологиче-

ское толкование права приобретает особое значение, так как именно оно в практическом спектре детерминирует ценностные ориентации правоприменителя.

Далее обратимся к теоретическим исследованиям аксиологического аспекта права. Так, Н.А. Власенко, рассматривая правовые ценности, отмечает, что многие современные работы в сфере теории права отличаются неясностью мышления, методологическими заблуждениями [2, с. 38]. Далее автор приходит к выводу, что «современная отечественная правовая наука и ее ценностная парадигма, к сожалению, находятся на этапе раннего европейского либерализма конца XVII – начала XVIII в. Пока трудно сказать, что будет дальше, в связи с последними событиями на Украине и в Европе в целом» [2, с. 40]. Следует отметить, что, по нашему мнению, в современная юридическая наука находится на переходном этапе в методологическом плане – от либерализма к консерватизму, как закономерный процесс, отражающий переход от универсальных к традиционным ценностям, отсюда, полагаем, и снижение популярности постнеклассического исследования правовых явлений, которые являются релятивными по своей сущности. Следует отметить, что современная методология исследований многообразна, вместе с тем мы видим в последнее время сближения теоретико-познавательных позиций ученых. Данная конвергенция обусловлена, в первую очередь, ценностями, которые объединяют противоположные точки зрения. Антропоцентризм, основанный на признании важнейших традиционных ценностей, являются фундаментом указанной выше конвергенции. Полагаем, что это закономерная тенденция, детерминированная балансом личных и общественных интересов, гармонизацией социальных отношений в условиях консолидации, детерминированной современными вызовами и трудностями.

Возвращаясь к методологическим заблуждениям, о которых пишет Н.А. Власенко, в качестве примера таковых, можно привести изданную монографию, уже в названии которой содержится плеоназм: «Общая теория права в связи с аксиологией ценностей» [11]. По мнению автора этого исследования ценности – это обобщенные цели и средства их достижения, которые регулируют процессы принятия обязательств субъектами действия, обеспечивают сохранение и воспроизводство культурных образцов системы [11, с. 10]. Необходимо отметить, что такую же точку зрения на ценности разделяет и С.В. Михайлов, который под правовыми ценностями понимает обобщенные правовые цели и правовые средства их достижения, выполняющие роль правовых норм, при этом каждая правовая ценность и система правовых ценностей имеют двуединое основание: в личности как в субъекте права и в обществе как социокультурной системе [12, с. 9]. Достаточно спорное утверждение особенно в контексте существующей дискуссии в философской и юридической науках об онтологическом статусе ценности. Так, А.А. Ивин пишет: «Для понятия «ценность» характерна явно выраженная многозначность. Ценностью может называться любой из трех элементов, из которых обычно складывается ситуация оценивания: оцениваемый предмет; социальный образец, нередко лежащий в основе оценки; отношение соответствия оцениваемого объекта утверждению о том, каким он должен быть» [13, с. 163]. Далее ученый отмечает, что истолкование ценности как свойства оцениваемых объектов или как того образца, на основе которого выносится оценка, можно назвать классическим [13, с. 163]. Следует отметить, что в юридической литературе имеют место различные подходы к определению ценностей, о которых пишет А.А. Ивин. Например, профессор В.Н. Жуков пишет, что ценность есть категория, отражающая отношение людей к вещам и их свойствам [4, с. 156]. В свою очередь профессор О.Ю. Рыбаков считает, что ценность – это свойство вещей, предметов, явлений, отношений, имеющих отличное значение для человека и служащих удовлетворению его потребностей и интересов [3, с. 30]. На наш взгляд такие подходы являются классическими, поэтому определение ценности – как цели и средства вызывает большие сомнения. Цели и ценности находятся в функциональной связи, как справедливо отмечает В.Н. Жуков ценности не просто предопределяют выбор целей, благодаря ценностям людям открывается смысл целей, а деятельность по достижению целей постоянно дает импульсы для проверки избранных ценностей на прочность [4, с. 161].

В свою очередь средства могут быть ценностью, если субъект воспринимает определенный инструмент как ценность, но и это не позволяет ставить знак равенства между ними. В качестве примера можно рассмотреть соотношение ценностей и принципа права как юридического средства. В данном контексте заслуживает внимание рассуждения Я. Стоилова, который пишет: «Принципы находятся в деонтологической плоскости и определяют должное поведение, требуемое для улучшения статус-кво, положения, в то время как ценности находятся в аксиологической или теологической плоскости и просто придают данному элементу положительный характер. Важно отличать ценности, ставшие принципами права, или действующими принципами от ценностей и идей, не наделенных этим качеством. В большей части норм права закреплены ценности. Многие из принципов содержат в себе ценности. Существенное отличие между ними имеет не содержательный, а функциональный и формальный характер: оно связано с их ролью и способом их

проявления. В ходе институализации через источники права ценности превращаются в принципы. В остальных случаях ценности являются лишь частью правового сознания и носят подчеркнуто субъективный характер. Поэтому они не подходят на роль правовых оснований или по крайней мере, не являются надежными для правовых решений» [14, с. 234]. С данным утверждением можно согласиться, так как принципы и ценности нельзя отождествлять ввиду их разной природы, но их функциональная связь может приводить к видимости их совпадения. Например, законность – это принцип права, и это и ценность, как и его следствие – правопорядок. Разные аспекты одного и того же явления. Вместе с тем нельзя согласиться с тем, что формализация ценностей всегда делает их принципами, яркой иллюстрацией этого является закрепление традиционных ценностей в Конституции Российской Федерации и других правовых актах. Фиксация традиционных ценностей не сделало ценности принципами, она лишь определила важность ценностей как основ правового регулирования. Так как принцип – это прежде всего идея в основании права, в настоящее время эта идея получила ценностное наполнение. Сейчас и законность, и справедливость, и формальное равенство, и гуманизм, и единство прав и обязанностей, как общеправовые принципы, понимаются только в связи с традиционными ценностями.

Следующей ключевой проблемой является онтологический статус и классификация правовых ценностей. В юридической литературе представлена достаточно широкая палитра мнений о сущности правовых ценностей и их видах. Безусловно, исследуя данную правовую категорию необходимо обратиться к трудам профессора С.С. Алексеева, назовем условно, в «советский» период своего творчества ученый под правовыми ценностями понимал конкретные социальные правовые явления, в которых выражается ценность права: безопасность человека, определенность и гарантированность прав, обеспечение истины при решении юридических вопросов т.е. результат действия права, кроме того, особые правовые институты, юридические механизмы – то, что называется правовыми средствами, технико-юридическим инструментарием, обеспечивающим ценность права [15, с. 185]. В начале XXI века профессор С.С. Алексеев писал о «фундаментальных правовых ценностях, в которых концентрируется уникальная сила права», и к ним автор относил нормативно-юридическое построение социального регулирования, в частности, нормы права, которые, по мнению С.С. Алексеева представляют собой «модели на вечность», правовые идеи и принципы, юридические конструкции [16, с. 97-98].

В современной российской юридической науке правовые ценности определяются и классифицируются по-разному. Так, профессор В.Н. Жуков пишет, что признать юридические ценности как особый вид ценностей также правомерно, как признать и другие ценности [4, с. 172]. В качестве классифицирующего основания для юридических ценностей В.Н. Жуков выделяет сферу человеческой деятельности, при этом ученый отмечает, что применительно к данной классификации очень условно можно говорить о базовых, присущих к определенной сфере деятельности, и ценностях для нее второстепенных, привходящих. К базовым юридическим ценностям профессор относит государство и право и производные от них явления. Привходящими ценностями могут стать любые явления, оцененные сквозь призму юридино-властной деятельности, например, справедливость, свобода, равенство, патриотизм, рассмотренные в свете юридино-властной деятельности, становятся юридическими ценностями. При этом В.Н. Жуков верно на наш взгляд подчеркивает, что базовыми юридическими ценностями являются государство и право, а не справедливость, равенство и свобода, которые в первую очередь являются этическими ценностями [4, с. 172].

Следует отметить, что часто в юридической литературе, именно «привходящие» по терминологии В.Н. Жукова ценности рассматривают как правовые, например, Т.В. Петрова, считает, что правовыми являются ценности, которые интегрированы правом, «олицетворенные» правом полностью или частично, к ним относятся свобода, справедливость, равенство, взаимопомощь. [17, с. 136-137].

При исследовании правовых ценностей представляет особый интерес точка зрения профессора Н.А. Власенко, который пишет, что его исследования посвящены ценностям в правовом регулировании, эти ценности разные по содержанию, функциям и целям. Одни носят внутренний характер и направлены на обеспечение качества механизма праворегулирования (системность, коллизионные нормы и др.), другие, которые можно назвать целевыми, имеют внешний характер (разумность права, определенность права, достаточность правовых регуляторов в обществе и др.). Безусловно, подчеркивает ученый, это относительное разделение правовых ценностей. [2, с. 7-8]. К внутренним ценностям ученый относит: принципы права, системность права, конкретизацию права, коллизионное право, метафоричность права, дефиниции права (судебные дефиниции). К целевым ценностям по мнению Н.А. Власенко относятся: разумность права, определенность права, правовые ограничения, правовые позиции, примирение в праве, достаточность права, минимизация рисков [2]. Целевые ценности, полагаем, представляют собой интересную разновидность, требующую глубокого осмысления. В понятийном ряду целевых ценностей, представленном профессором

Н.А. Власенко, сомнение вызывает включение в указанный ряд правовых позиций, правовых ограничений и примирения в праве. На наш взгляд это юридические инструменты, а не цели? так как, например, правовая позиция высшей судебной инстанции как эффективное юридическое средство обеспечивает разумность, определенность, достаточность и, безусловно, минимизирует риски. Сюда же можно отнести оптимально установленные правовые ограничения и примирительные процедуры.

Полагаем «внутренние ценности» по терминологии В.Н. Власенко – это фундаментальные правовые ценности, о которых в новейшее время писал профессор С.С. Алексеев и базовые юридические ценности, рассматриваемые профессором В.Н. Жуковым, т.е. правовые ценности – это правовые явления, которые рассматриваются как ценности в процессе правового регулирования.

Считаем, что дискуссия о сущности правовых ценностей будет продолжена. На наш взгляд к правовым ценностям можно использовать такой же подход, как и к функциям права. Ввиду двойственной природы права, которое мы рассматриваем и как общесоциальное явление и специально-юридический инструмент, можно выделить общесоциальные правовые ценности, которые будут включать в себя все традиционные ценности, и собственно-юридические правовые ценности, под которыми следует понимать юридический инструментарий (юридические средства): принципы права, юридические конструкции, нормы права, нормативные правовые акты и т.п.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, юридическая аксиология, как и аксиология в принципе, это лишь определенный и необходимый аспект в исследовании явлений, особенно права, сущность которого детерминирует пределы аксиологических исследований. Во-вторых, полагаем необходимым в рамках юридической аксиологии выделять два уровня: научно-теоретический и прикладной. В рамках первого исследовать ценностные основания права и существующие подходы к его пониманию, кроме того, особое значение на этом уровне имеет аксиологический инструментализм. Прикладной уровень исследования, должен быть основан на традиционных ценностях, которые нашли свое закрепление в Конституции Российской Федерации и в других правовых актах. В-третьих, необходимо дальнейшее глубокое исследование правовых ценностей, их природы, и особенно классификации. Предлагаем выделять общесоциальные и собственно-юридические правовые ценности. Следует отметить перспективность научных исследований аксиологического аспекта права.

Список источников

1. Пашенцев Д.А. Введение // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. 430 с.
2. Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. Москва: Норма, 2024. 200 с.
3. Ценность права в условиях цифровой реальности: монография / под общ. ред. О.Ю. Рыбакова. Москва: Проспект, 2024. 312 с.
4. Жуков В.Н. Философия права: учебник для высших учебных заведений. Москва: Издательство Московского университета, 2020. 559 с.
5. Исаков В.Б., Хабриева Т.Я., Букиккио Дж., Исаков В.Б. и др. Ценностный подход в юридическом дискурсе // Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения: сборник материалов IX Международного конгресса сравнительного правоведения (Москва, 2 декабря 2019 г.). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020. 140 с.
6. Антонов М.В. Ценностный дискурс в вопросе о действии норм права // Релятивизм в праве: коллективная монография / под ред. И.И. Осветимской, Е.Н. Тонкова. СПб.: Алатейя, 2021. 348 с.
7. Витютнев Ю.Ю. Проблемы ценностной аргументации в юридическом позитивизме // Как возможна логика в праве? Коллективная монография / под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, Е.Н. Тонкова. СПб.: Алатейя, 2021. 456 с.
8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 03.07.2021. (дата обращения: 20.05.2026)

9. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022. (дата обращения: 20.05.2026)
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 12.02.2025. (дата обращения: 20.05.2026)
11. Чернявский А.Г. Общая теория права в связи с аксиологией ценностей: монография. Москва: ИНФРА-М, 2021. 367 с.
12. Михайлов С.В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: автореф... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 28 с.
13. Ивин А.А. Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении. М.: Проспект, 2017. 352 с.
14. Стоилов Я. Принципы права: ценностный и телеологический подход // Право. Порядок. Ценности: монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М.: Блок-Принт, 2022. 688 с.
15. Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. 448 с.
16. Алексеев С.С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. М.: Норма, 2009. 176 с.
17. Петрова Т.В. Ценности права и правовые ценности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 131 – 140.

References

1. Pashentsev D.A. Introduction. Legal Values in Light of New Paradigms of Development of Modern Civilization: Collection of Scientific Papers. edited by D.A. Pashentsev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2020. 430 p.
2. Vlasenko N.A. Methodological Foundations for the Study of Legal Values: Monograph. Moscow: Norma, 2024. 200 p.
3. The Value of Law in the Context of Digital Reality: Monograph. Edited by O.Yu. Rybakov. Moscow: Prospect, 2024. 312 p.
4. Zhukov V.N. Philosophy of Law: Textbook for Higher Education Institutions. Moscow: Moscow University Publishing House, 2020. 559 p.
5. Isakov VB, Khabrieva T.Ya., Buquicchio G., Isakov VB, et al. The Value Approach in Legal Discourse. Legal Values in Focus of Comparative Law: Collection of Materials of the IX International Congress of Comparative Law (Moscow, December 2, 2019). Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Jurisprudence Publishing House, 2020. 140 p.
6. Antonov MV. Value Discourse in the Issue of the Effect of Legal Norms. Relativism in Law: Collective Monograph. edited by I.I. Osvetinskaya, E.N. Tonkov. St. Petersburg: Alateya, 2021. 348 p.
7. Vityutnev Yu.Yu. Problems of Value Argumentation in Legal Positivism. How is Logic Possible in Law? Collective Monograph. edited by M.V. Antonov, E.N. Lisanyuk, E.N. Tonkov. St. Petersburg: Alateya, 2021. 456 p.
8. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>, July 3, 2021. (date of access: 20.05.2026)
9. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 (as amended on 04.03.2026) "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022. (date of access: 20.05.2026)
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2025 No. 6-P "On the Case of Reviewing the Constitutional Validity of Parts 1 and 3 of Article 10 of the Federal Law "On Insurance Pensions" in Connection with the Complaint of Citizen M.Yu. Shchanikova". Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>, 12.02.2025. (date of access: 20.05.2026)
11. Chernyavsky A.G. General Theory of Law in Connection with the Axiology of Values: monograph. Moscow: INFRA-M, 2021. 367 p.

12. Mikhailov S.V. Legal Values: Theoretical and Legal Aspect: Abstract of a Cand. Sci. (Law). Rostov-on-Don, 2011. 28 p.
13. Ivin A.A. Social Epistemology. Human Cognition in the Social Dimension. Moscow: Prospect, 2017. 352 p.
14. Stoilov Ya. Principles of Law: Value and Teleological Approach. Law. Order. Values: monograph. edited by E.A. Frolova. Moscow: Blok-Print, 2022. 688 p.
15. Problems of the Theory of State and Law: Textbook. Ed. by S.S. Alekseev. Moscow: Legal Literature, 1987. 448 p.
16. Alekseev S.S. The Mystery and Power of Law. Legal Science: New Approaches and Ideas. Law in the Life and Destiny of People. Moscow: Norma, 2009. 176 p.
17. Petrova T.V. Values of Law and Legal Values. Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2023. No. 4. P. 131 – 140.

Информация об авторе

Ковалева В.В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2704-2046>, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, v.v.kovaleva@list.ru

© Ковалева В.В., 2026
